

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2025
Том 7, № 1

2025
Vol. 7, no. 1

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE) и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория K1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

ООО «Полиграф-Плюс»
Подписано в печать 31.03.2025
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 100 экз.

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal’s aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE) and Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskommnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:

69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Poligraph-Plus”
Signed to print 31.03.2025
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 100

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Редакционная коллегия

Антюшин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Лапава Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Скляров Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Спиридонов Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor of the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Ивашко М. И.* Внешнеполитический фактор и его роль в складывании международно-правовой основы советско-китайских отношений (1931–1939 годы) 8
- Мирошник С. В.* Проблемы понятийно-категориального аппарата сферы цифрового денежного обращения 25
- Костогрызова Л. Ю.* «Величайшая в Городе власть после василевса» (о должности епарха Константинополя) 34
- Филонова О. И.* Судопроизводство по делам о защите авторского права на произведения соцреализма (1921–1941 годы) 49
- Згоржельская С. С., Соловьева Н. Ю.* Формирование правосознания несовершеннолетних посредством детской литературы (по произведениям 1930-х гг.) 62

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Колушин Е. И.* Государство-цивилизация: концептуальные подходы и проблема конституциализации 76
- Канцеляров А. В., Миронов И. Б., Шкабура Е. А.* Присяга как основа нравственного воспитания выпускников вузов юридических специальностей 92
- Покровская А. В.* Проблемы трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в электронной торговле биомедицинскими товарами (*на англ. яз.*) 99
- Чуева А. С., Вороненко Е. В.* Финансовая грамотность как фактор благосостояния населения и стабильности национальной финансовой системы 117
- Лютова О. И.* Соотношение понятий «самозанятый» и «плательщик налога на профессиональный доход» в практике Конституционного Суда Российской Федерации 130

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Чистов Т. А.* Сущность бездокументарных ценных бумаг: неустраненные противоречия и пути их преодоления 145

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Бородинова Т. Г.* Состязательная модель судебного разбирательства уголовных дел: содержание, обеспечение, реализация 159

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Рахманова Е. Н.* Амнистия в международном уголовном праве 178

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- M. I. Ivashko* The foreign policy factor and its role in the formation of the international legal basis of Soviet-Chinese relations (1931–1939) 8
- S. V. Miroshnik*. Problems of the conceptual-categorical apparatus of the sphere of digital money circulation 25
- L. Yu. Kostogryzova*. “The greatest power in the City after the Basileus” (on the dignity of the eparch of Constantinople)..... 34
- O. I. Filonova*. Legal proceedings on cases of copyright protection for works of socialist realism (1921–1941)..... 49
- S. S. Zgorzhelskaya, N. Yu. Solovjeva*. Formation of legal awareness through children’s literature (based on the works of the 1930s.)..... 62

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- E. I. Kolyushin*. State-civilization: conceptual approaches and the problem of constitutionalization 76
- A. V. Kantselyarov, I. B. Mironov, E. A. Shkabura*. The oath of graduates in law specialties as the basis for the moral education of lawyers 92
- A. V. Pokrovskaya*. Cross-border IP enforcement challenges in biomedicine e-commerce (*In Engl.*)..... 99
- A. S. Chueva, E. V. Voronenko*. Financial literacy as a factor of public welfare and stability of the national financial system 117
- O. I. Lyutova*. The relationship between the concepts of “self-employed” and “payer of professional income tax” in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation 130

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- T. A. Chistov*. Essence of uncertificated securities: unresolved contradictions and ways to overcome them 145

CRIMINAL LAW SCIENCES

- T. G. Borodinova*. Adversarial model of criminal proceedings: content, provision, implementation..... 159

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

- E. N. Rakhmanova*. Amnesty in international criminal law..... 178

Научная статья

УДК 341.24

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.8-24

Внешнеполитический фактор и его роль в складывании международно-правовой основы советско-китайских отношений (1931–1939 годы)

Михаил Иванович Ивашко

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
mihail-ivashko@yandex.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается один из сложнейших периодов в отношениях СССР и Китайской Республики – 1931–1939 гг., когда под воздействием внешнеполитических сил в новой международной обстановке формировались советско-китайские отношения. Актуальность темы обусловлена необходимостью защиты исторической правды об истинных виновниках развязывания Второй мировой войны на Востоке.

Теоретические основы. Методы. В ходе исследования автором были изучены и проанализированы документы, характеризующие процесс становления советско-китайских отношений в 30-е гг. XX в. При помощи историографического анализа обосновано обращение к теме исследования. Определены ее малоизученные аспекты в отечественной литературе. С использованием хронологического, историко-сравнительного и других методов установлены внешнеполитические угрозы, подтолкнувшие СССР и Китай к сближению.

Результаты исследования. Определено содержание внешнеполитического фактора в истории советско-китайских отношений – от восстановления дипломатических отношений до заключения договора о ненападении. Установлено условие, которое легло в основу принимаемых решений на пути к созданию правовой основы сотрудничества двух государств, – политический прагматизм. Представлено авторское видение роли внешнеполитического фактора в истории складывания международно-правовой базы советско-китайских отношений: подписание Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. Отмечено значение данного соглашения для развития советско-китайских отношений накануне Второй мировой войны.

Обсуждение и заключение. Материалы исследования могут быть использованы в образовательной и просветительской деятельности в связи со значимостью опыта советско-китайского взаимодействия в 30-е гг. в свете сегодняшних вызовов, которые стоят перед Россией и КНР.

Ключевые слова: внешнеполитический фактор, советско-китайские отношения, японская агрессия, страны Запада, СССР

Для цитирования: Ивашко М. И. Внешнеполитический фактор и его роль в складывании международно-правовой основы советско-китайских отношений (1931–1939 годы) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 8–24. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.8-24.

Original article

The Foreign Policy Factor and its Role in the Formation of the International Legal Basis of Soviet-Chinese Relations (1931–1939)

Mikhail I. Ivashko

*Russian State University of Justice named after V. M. Levedev,
Moscow, Russian Federation
mihail-ivashko@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The article examines one of the most difficult periods in relations between the USSR and the Republic of China – 1931–1939, when Soviet-Chinese relations were formed under the influence of foreign policy forces in a new international environment. The relevance of the topic is due to the need to protect the historical truth about the true culprits of the outbreak of the Second World War in the East.

Theoretical Basis. Methods. In the course of the study, the author studied and analyzed documents characterizing the process of formation of Soviet-Chinese relations in the 30s of the twentieth century. With the help of historiographical analysis, the appeal to the research topic is justified. Its little-studied aspects in Russian literature are identified. Based on chronological, historical, comparative and other methods, the foreign policy threats that pushed the USSR and China towards rapprochement are established.

Results. The content of the foreign policy factor in the history of Soviet-Chinese relations is determined – from the restoration of diplomatic relations to the conclusion of a non-aggression treaty. A condition has been established that formed the basis of the decisions taken on the way to creating a legal basis for cooperation between the two states – political pragmatism. The author's vision of the role of the foreign policy factor in the history of the formation of the international legal framework of Soviet-Chinese relations is presented: the signing of a non-Aggression Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of China. The importance of this agreement for the development of Soviet-Chinese relations on the eve of Second World War was noted.

Discussion and Conclusion. The research materials can be used in educational and awareness-raising activities in connection with the significance of the experience of Soviet-Chinese interaction in the 30s in the light of today's challenges facing Russia and China.

Keywords: foreign policy factor, Soviet-Chinese relations, Japanese aggression, Western countries, USSR

For citation: Ivashko, M. I. The foreign policy factor and its role in the formation of the international legal basis of Soviet-Chinese relations (1931–1939). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):8-24. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.8-24.

Введение

Десятилетиями формировавшийся европоцентризм в рассмотрении истории Второй мировой войны, усиленно проводящаяся странами Запада ревизия всего того, что с ней связано, ведут к искажению исторической правды. Такой подход уводит в тень агрессивную политику милитаристской Японии в годы, предшествующие Второй мировой войне, роль данного государства в ее развязывании. Одной из страниц, которая позволяет проследить зарождение войны на Востоке, увидеть силы, которые стояли у ее истоков, были заинтересованы в ней и способствовали ее разжиганию, является история складывания международно-правовой основы для сотрудничества между СССР и Китайской Республикой (далее – КР) в период с 1931 по 1939 г.

Актуальность выбранной теме придает также уровень сегодняшних отношений между Россией и Китаем. В условиях, когда Российская Федерация и КНР, ряд других государств выступают против навязывания модели однополярного мира, залогом успешного противостояния политике коллективного Запада, сближения позиций между двумя странами в отстаивании общих глобальных интересов является исторический опыт взаимодействия на протяжении 30-х гг. XX в. Он позволяет видеть возможную перспективу развития российско-китайских отношений в условиях тех вызовов, которые поставило перед ними время.

Следует заметить, что история советско-китайских отношений достаточно освещена как в советской, так и современной научной литературе. Среди известных – работы историков-востоковедов, китаеведов А. М. Дубинского, М. И. Сладковского, С. А. Тихвинского, В. С. Мясникова и других ученых. Изложенная ими история отношений между СССР и Китаем послужила вектором для изучения исследуемой проблемы.

Содержание политики японского государства на протяжении 30-х гг. и ее влияние на развитие межгосударственных советско-китайских связей нашли отражение в работах А. А. Кошкина, В. П. Зимонина, Р. А. Миrowsицкой, А. Н. Мичурина, К. В. Черепанова и других современных исследователей. Ряд из них обращают внимание на характер японской политики на Дальнем Востоке и ее влияние на советский внешнеполитический курс в данном регионе [1]. По мнению историка-востоковеда А. А. Кошкина, «воинствующий антисоветизм японского руководства, подкреплявшийся конкретными шагами по подготовке к агрессии, убеждал правительство СССР в неизбежности вооруженного столкновения с Японией» [2, с. 16]. Подобное поведение японской стороны ставило перед СССР на повестку дня вопрос не только укрепления обороноспособности дальневосточных границ, но и поиска путей сближения внешнеполитических позиций с КР.

Другие исследователи демонстрируют «непримиримость японо-китайских противоречий» и их последствия. По утверждению Я. Итина, степень

влияния «японского фактора» была настолько велика, что гоминьдановское правительство вынуждено было «...“пожать руку” своему идеологическому врагу» (СССР. – М. И.) [3, с. 86].

Ряд авторов в ходе освещения истории захвата Японией территории Китая на протяжении 30-х гг. обращают внимание на поведение западных держав, и прежде всего гарантов Версальско-Вашингтонской системы миропорядка. Их позиция отражена, как правило, в назывном порядке в качестве сопутствующего фактора в ходе исследования истории советско-китайских отношений. Получила определенное освещение в отечественной историографии реакция на агрессию Японии в Китае Лиги Наций – организации, которая была призвана обеспечивать коллективную безопасность в мире в межвоенный период. Однако ее деятельность, направленная на урегулирование японо-китайских отношений, исследовалась без увязки с другими обстоятельствами, что затрудняет оценку ее роли в качестве внешнеполитической силы, оказавшей влияние на складывание международно-правовой основы советско-китайских отношений в рассматриваемый период [4]. Определенное место в изучении темы занимают работы, где рассматривается эволюция международно-правовой базы для взаимодействия СССР и Китая в 30-е гг. Среди таких публикаций выделяется научное исследование А. Ю. Сидорова, где представлена предыстория подписания советско-китайского Договора о ненападении от 21 августа 1937 г. Однако роль внешнеполитического фактора при освещении сути вопроса и в этом исследовании носит вспомогательный характер [5].

Объективности ради следует отметить, что в отечественной историографии нашли отражение и другие причины, которые оказали влияние на складывание международно-правовой основы советско-китайских отношений в 30-е гг. Так, советский историк А. М. Дубинский особую роль в этом процессе отводит китайской общественности [6, с. 33–34]. Исследователь Р. А. Мировицкая считает, что советско-китайские отношения в это время находились под влиянием «борьбы региональных китайских военно-политических сил против нанкинского правительства» и «гражданской войны в Китае» [7, с. 242–243]. По утверждению российского китаевода А. Р. Панцова, основой сближения позиций упоминаемых сторон был «реализм внешней политики» [8, с. 197]. У исследователя К. В. Черепанова находим уточнение: стороны «...объективно нуждались друг в друге, преследуя, естественно, собственные цели» [9, с. 103].

В соответствии с такими подходами первопричина формирования советско-китайских отношений видится в политическом прагматизме каждой из сторон. Согласимся с тем, что для полноты рассмотрения обсуждаемой проблемы необходимо учитывать также и внутривнутриполитический фактор, но к исследованию влияния внешнеполитического фактора на формирование правовой основы межгосударственных советско-китайских отношений с 1931 по 1939 г. это имеет опосредованное отношение.

Теоретические основы. Методы

Таким образом, освещение в отечественной литературе рассматриваемой темы носило фрагментарный характер. В связи с этим целью исследова-

ния является определение роли внешнеполитического фактора в складывании международно-правовой основы отношений между СССР и КР в 30-е гг. Опираясь как на общенаучные, так и на специальные методы исторической науки – анализ, синтез, систематизацию, историко-сравнительный и другие, следует установить составные части внешнеполитического фактора (внешнеполитические силы) и их влияние на формирование советско-китайских отношений в период с 1931 по 1939 г.

Результаты исследования

Роль японской агрессивной политики в установлении советско-китайских отношений в 30-е годы

Для достижения поставленной цели в самом начале надлежит определиться с пониманием категории «внешнеполитический фактор». Ключевое понятие в этом словосочетании «фактор», которое в русском словаре употребляется как «причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные черты»¹. Категория «внешнеполитический» ориентирует на связь данного фактора с внешней политикой, внешнеполитическими силами, обстоятельствами и их воздействием в данном случае на государство (страну) со стороны другого государства или сообщества (коалиции) государств.

Исследование подтвердило, что на формирование советско-китайских отношений в 30-е гг. существенное влияние оказала агрессивная политика Японии. Проявление недружественной политики по отношению к Советскому Союзу нашло отражение в неоднократном отказе японской стороны от предложений СССР на протяжении 1931–1933 гг. заключить пакт о ненападении. Первое из них было сделано в декабре 1931 г. в условиях начала японской военной интервенции в Северо-Восточную часть Китая. В январе 1933 г. советское правительство повторило свое предложение, подчеркнув, что оно «...не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей мирной политики, а потому остается в силе и в дальнейшем»². Но как в первом, так и во втором случае предложения были отклонены японской стороной, что являлось свидетельством экспансионистских настроений в военных кругах Японии по отношению к СССР. Подтверждением подобных устремлений являются документальные доказательства. 29 марта 1931 г. военный атташе посольства Японии в Москве Касахара писал в генеральный штаб, что «Япония должна продвинуться по крайней мере до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы» [10, с. 90]. Подобные планы неоднократно вынашивались японским Генеральным штабом в период с 1931 по 1936 г., где Советский Союз определялся в качестве «наиболее опасного противника», а покорение «северных террито-

¹ Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4 : С–Я / АН СССР ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. слово, 1988. С. 549.

² Нота Правительства СССР Правительству Японии. 4 января 1933 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 16 : 1 января – 31 декабря 1933 г. / М-во иностр. дел СССР. М. : Политиздат, 1970. С. 17.

рий» стояло в приоритете внешнеполитических задач [2, с. 12–13]. Наряду с другими фактами серьезность намерений японской стороны подтверждали 200 тыс. японских и 75 тыс. маньчжурских солдат и офицеров, которые в 1935 г. были сосредоточены на советско-японской границе [10, с. 102].

Враждебность японской стороны нашла отражение также в нагнетании обстановки на границе с СССР в форме пограничных инцидентов, шпионской, диверсионной и иной деятельности. По утверждению историка А. В. Шишова, за три года (1936–1938) официально было зарегистрировано 231 нарушение государственной границы СССР японо-маньчжурскими военными подразделениями, при этом произошло 35 крупных боевых столкновений [11, с. 343]. Неизбежность и широкий размах этих конфликтов исследователь К. А. Караева объясняет неурегулированностью советско-японских отношений, обострением международной обстановки в целом [12, с. 89]. Наконец, агрессивность японских военных кругов по отношению к СССР закономерно нашла проявление в общеизвестных фактах: японо-советском конфликте в июле – августе 1938 г. у озера Хасан и японо-маньчжурском с одной стороны и советско-монгольском – с другой в мае – августе 1939 г. на реке Халхин-Гол.

Параллельно в 30-е гг. имели место акты открытой агрессии, предпринятые Японией по отношению к Китайской Республике. В первом ряду стоит захват японской армией Северо-Восточной части Китая в сентябре 1931 г. и образование в марте 1932 г. на этой территории марионеточного государства Маньчжоу-Го. Актом распространения японской агрессии являлось продвижение японской армии вглубь Китая в 1933 г., затем в 1935 г., сопровождающееся захватом других провинций. Развитием нового витка японской агрессии стало принятие в августе 1936 г. программы покорения Китая – установления господства Японии в Восточной Азии [13, с. 81]. Ее реализация привела не только к последующим территориальным потерям Китая, но и к дальнейшему ослаблению республики, которое выразилось в углублении гражданского войны, расколе партии Гоминьдан и в конечном итоге расколе страны. Закономерно, что следующей ступенью эскалации насилия по отношению к Китаю явилось полномасштабное наступление японской армии летом 1937 г., получившее в истории название японо-китайской войны. Она, как утверждалось в ноте китайской делегации генеральному секретарю Лиги Наций, сопровождалась «морской блокадой, варварским истреблением гражданского населения Китая, бессмысленным уничтожением его культурных ценностей...»³.

Таким образом, реальная опасность в одном случае и открытая военная агрессия во втором, исходившая со стороны Японии по отношению как к СССР, так и к Китаю в 30-е гг., стали первой составляющей внешнеполитического фактора, который подтолкнул мир к новой катастрофе XX в., а

³ Сообщение ТАСС о ноте китайской делегации генеральному секретарю Лиги Наций о нападении Японии на Китай. 13 сентября 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. 4 : Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1 : 1937–1944 гг. / отв. ред. С. А. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 109.

СССР и Китай – к поиску путей сближения своих позиций в сложившейся обстановке.

Влияние Лиги Наций на сближение СССР и КР

В условиях развернувшейся японской агрессии против Китая определенный поучительный интерес представляет реакция на данный факт мирового общественного мнения – позиция Лиги Наций, к которой за помощью обратилось китайское государство в сентябре 1931 г. Статья 10 Устава Лиги Наций обязывала Совет Лиги «в случае нападения, угрозы или опасности» члену Лиги принимать меры к обеспечению сохранения его «территориальной целостности и существующей политической независимости»⁴. Однако в действительности Лига Наций после «Мукденского инцидента»⁵ осудила данный акт, признав его агрессией только через год, в декабре 1932 г. [14, с. 214]. При этом следует заметить, что Резолюция, принятая Ассамблеей Лиги, отражала непоследовательную позицию гаранта «территориальной целостности» любого члена Лиги. Наряду со словесным осуждением и предложением не признавать Маньчжоу-Го в ней отмечались «особые права, интересы Японии в Маньчжурии» [15, с. 102]. При этом никаких организационных форм воздействия, как того требовала ст. 16 Устава Лиги, к самому агрессору данная организация не применяла. Япония же, игнорируя общественное мнение, демонстрируя свое несогласие с ним, вышла из Лиги 27 марта 1933 г. Этот демарш одного из учредителей Лиги Наций общественного осуждения на уровне данной организации не получил. На практике это означало, что коллективный орган безопасности не использовал в полную силу свои полномочия и не принял должных мер на пути возникновения первого очага будущей мировой войны. Подобное поведение, на наш взгляд, может быть признано своего рода одобрением захватнической политики Японии.

Еще одним примером безучастности Лиги Наций в отношении прямой агрессии Японии против Китая являлась ее реакция в июле 1937 г. на начало полномасштабной японо-китайской войны. В ответ на обращение о помощи Лига, осудив бомбардировки японской авиацией китайских городов, ограничилась лишь «моральной поддержкой» Китая и призывом к воюющим сторонам сесть за стол переговоров⁶.

Сходную позицию по китайскому вопросу заняла в ноябре 1937 г. Брюссельская конференция, организованная странами Вашингтонского договора «девяти держав» по решению Лиги Наций. Страны Запада во главе

⁴ См.: Устав Лиги Наций. URL: <https://diletant.media/articles/44984539/> (дата обращения: 20.04.2024).

⁵ «Мукденский инцидент» – провокационный подрыв японскими военнослужащими железной дороги 18 сентября 1931 г. на участке, который находился под контролем Японии. Вина за этот инцидент была возложена на китайскую сторону. Это был повод для вторжения японских войск в Северо-Восточную часть Китая.

⁶ См.: Телеграмма посланника США в Швейцарии Л. Гаррисона государственному секретарю США К. Хэлли об обсуждении в Лиге Наций китайского вопроса. 5 октября 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. Кн. 1. С. 108, 131.

с США «...в основном настойчиво предлагали Китаю и Японии согласительные процедуры на базе сложившейся в Китае реальной ситуации» [16, с. 196–197]. В результате Конференция не приняла резолюцию, осуждающую агрессивные действия Японии в Китае, ограничившись «пожеланиями» урегулирования «конфликта» мирным путем⁷. Представляется, это была очередная открытая уступка западных стран милитаристской политике Японии.

В сложившейся ситуации как в первом, так и во втором случае лишь советское государство откликнулось на просьбу Китая о помощи и выступило за «многостороннюю» его поддержку, пытаясь избежать прямого конфликта с Японией.

Таким образом, реальная угроза, которая нависла над Китаем в 30-е гг., продемонстрировала отсутствие у Лиги Наций и других коллективных форумов, призванных обеспечивать безопасность его членов, политической воли для принятия решительных мер по его защите и пресечению источника агрессии на Востоке. На наш взгляд, во многом такая позиция объяснялась влиянием США, Великобритании, Франции на деятельность этих органов, их заинтересованностью в политике, проводимой японским правительством в Китае.

Соглашательская политика западных стран в отношении захватнической политики Японии

Известны и другие примеры молчаливого согласия, невмешательства и даже попустительства стран Запада относительно проведения японским государством агрессивной политики. В частности, они не осудили Японию за выход в январе 1936 г. из морской конференции в Лондоне, регулировавшей численность флотов, а в декабре того же года – за отказ Японии соблюдать «Договор пяти держав» о морских вооружениях⁸. Представляется, что подобным бездействием западных стран убиралась преграда на пути японских захватнических планов в форме международных обязательств, которые брало в свое время на себя данное государство. Это по-своему стимулировало Японию к развитию агрессии в Китае. Одновременно страны Запада создавали препятствия на пути тех сил, которые предлагали меры по предотвращению реализации Японией своих агрессивных планов. Так, советское государство с 1933 по 1937 г. продвигало инициативу заключения Тихоокеанского регионального пакта о взаимопомощи со всеми тихоокеанскими державами, который, по мнению наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова, мог бы «...окончательно прекратить агрессию Японии в Китае и обеспечить мир на Дальнем Востоке»⁹. Однако гаранты Ва-

⁷ См.: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. Кн. 1. С. 148–149, 151.

⁸ См.: Лондонское соглашение 1936 года, 26 марта // Документы XX века. URL: <https://doc20vek.ru/node/3607> (дата обращения: 28.04.2024).

⁹ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Китайской Республики в СССР Цзян Тинфу о Тихоокеанском региональном пакте... // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. Кн. 1. С. 42.

шингтонского договора, прежде всего США, игнорировали данное предложение СССР, мотивировав это тем, что «пакты не дают никакой гарантии, им нет веры... Главная гарантия – сильный флот...»¹⁰.

В то же самое время западные державы предпринимали попытки остановить продвижение Японии на юг и одновременно направить экспансионистские усилия японской военщины на север. Для достижения этой цели, по мнению исследователя М. С. Гальперина, США и Англия «...фактически пошли на признание японских захватов» в Китае [17, с. 66]. Эту политику историк В. П. Зимонин называет «политикой умиротворения» (а точнее – поощрения их к войне против Советского Союза), известной под названием «мюнхенская политика», но которая, по замечанию историка, «...родилась отнюдь не в Мюнхене, а на востоке Евразии» [18]. Примером закулисных интриг служит соглашение между Японией и Великобританией, подписанное британским послом в Японии Р. Крейги и министром иностранных дел Японии Х. Аритой во время советско-японского конфликта на р. Холкин-Гол в мае 1939 г., вошедшее в историю под названием соглашения Ариты – Крейги. Оно предполагало, что британская сторона в случае разрастания конфликта до уровня войны не будет создавать Японии проблем в тылу. По оценке авторов коллективной монографии «Кризис и война...», данным соглашением Лондон «...фактически признал свободу рук Японии во всем Китае» [19].

Исследование позволяет предположить, что причина подобной соглашательской политики стран Запада лежала как в экономической, так и в идеологической плоскостях. Китай в рассматриваемый период являлся ареной столкновения интересов Великобритании, США, Японии, Франции. Позиция Великобритании при обсуждении «Маньчжурского кризиса» в Лиге Наций в 1931–1932 гг. становится понятна, когда узнаем, что ей в это время принадлежало 36,7% всех иностранных инвестиций в Китае. На долю Японии приходилось 35,1%, экономические интересы США и Франции ограничивались 6,1% и 5,9% соответственно [10, с. 84]. География этих инвестиций свидетельствует, о том, что японские позиции были достаточно сильны в Северо-Восточной части Китая, а английский, американский, французский капитал в большей степени был заинтересован в Южном Китае. Стремление каждой из сторон защитить свои корыстные колониальные интересы в Китае, Индокитае, а также не допустить расширения национально-освободительного движения под руководством Коммунистической партии Китая (далее – КПК) послужило, на наш взгляд, для западных держав поводом перенаправить японскую агрессию с южного направления на северное, в сторону Советского Союза. С этой целью Японии оказывалась военно-техническая и иная помощь. Американский бизнес в 1931–1932 гг. предоставил Японии продукцию военного назначения на 181 млн долл. Франция разрешила торговцам оружием тайно отправлять в Германию порох для изготовления боеприпасов, заказанных Японией, и т. д. [10, с. 94]. С началом открытой агрес-

¹⁰ Телеграмма полпреда СССР в США А. А. Трояновского в НКВД СССР о Тихоокеанском пакте и о позиции держав. 29 июня 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. Кн. 1. С. 56–57.

сии Японии против Китая военно-техническая поддержка Японии со стороны ведущих западных стран усилилась. К примеру, в мае 1938 г. Англия согласилась передать Японии доходы морских таможен на оккупированной территории, которые Англия собирала на протяжении 80 лет. Французское правительство согласилось удовлетворить требование Японии не пропускать через Индокитай военные материалы, поставляемые разными странами Китаю [20, с. 218]. Американские нефтяные тресты доставили в Японию 35 млн баррелей нефти, США продали станков и машин, главным образом для военных заводов, на 150 млн иен и т. д. [21, с. 247]. Государственный секретарь США Стимсон осенью 1937 г. заявлял: «Мы не просто помогаем Японии – наша помощь настолько эффективна и велика, что без нее японская агрессия была невысказана и прекратилась бы очень скоро» [21, с. 246]. Представляется, что подобной активной военно-технической поддержкой США и страны Запада фанатично, без учета возможных последствий взращивали источник агрессии на Востоке. Они всячески способствовали его «взрослению», не замечая истинных намерений, а именно: при определенных условиях развязать войну не только против СССР, но и против США, которые для японской военщины со временем стали барьером на пути достижения амбициозных стратегических целей на азиатском континенте.

Антикоминтерновский пакт и его роль в сближении отношений Советского Союза и Китая

В то же время политика «умиротворения», используемая западными государствами по отношению к агрессивной политике Японии, сформировала еще одну составляющую внешнеполитического фактора, который оказал влияние на Советский Союз при выстраивании отношений с Китаем. 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией был заключен Антикоминтерновский пакт. После его подписания министр иностранных дел Японии недвусмысленно заявлял: «Отныне Россия должна понимать, что ей придется стоять лицом к лицу с Германией и Японией» [22, с. 433]. Через год (11 ноября 1937 г.) к Пакту присоединилась Италия. Образовавшаяся «ось» Берлин – Рим – Токио напрямую затрагивала вопросы безопасности СССР не только на западе, но и на востоке. Правда, в современной историографии существует точка зрения, что планы участников Пакта были направлены против Коминтерна и являлись лишь «протоколом о намерениях, подписанным “разведенной тушью”, но не программой действий» [23, с. 81], «формальным заявлением о скоординированных антикоммунистических устремлениях» [24, с. 197].

На наш взгляд, Антикоминтерновский пакт и его секретное дополнение следует рассматривать в тесной связи с другими внешнеполитическими процессами, которые происходили вокруг Советского Союза во второй половине 30-х гг. Своим содержанием он усиливал антисоветскую риторику, звучавшую в тот период как на Западе, так и на Востоке¹¹. Его подписа-

¹¹ См.: Секретное приложение к антикоминтерновскому пакту // Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х гг. / сост. А. В. Мальгин. М. : МГИМО, 1997. С. 173–174.

ние, по мнению А. А. Кошкина, стало «событием, обозначившим начало качественно нового этапа в развитии антисоветской политики Японии» [2]. Во второй половине 30-х гг., прикрываясь антикоминтерновской риторикой, против СССР выступила коалиция государств, создавая угрозу государству оказаться в состоянии войны на два фронта. В этой ситуации, опасаясь втягивания в формирующийся антикоминтерновский блок Китайской Республики, советская дипломатия неоднократно указывала, что Пакт не только направлен против СССР, но может быть использован и против Китая¹².

Таким образом, внешнеполитическая обстановка, сформировавшаяся вокруг СССР и Китая в 30-е гг., заставила страны с разным общественно-политическим строем сблизить свои позиции. Восстановив дипломатические отношения в ноябре 1932 г., стороны прошли длинный путь к подписанию 21 августа 1937 г. Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой¹³. Мотивация сближения позиций на разных этапах менялась. При этом каждая из сторон преследовала свои прагматические цели. СССР стремился избежать войны с Японией в период проведения японской военщиной агрессивной политики на Дальнем Востоке. С этой целью осуществлялась дипломатическая, материальная, военно-техническая поддержка центрального правительства во главе с партией Гоминьдан как силы, которая должна была защитить Китай от японской агрессии и не дать возможности Японии сосредоточить силы для ведения войны с СССР. Со своей стороны Китайская Республика пыталась остановить агрессию Японии, используя как общественное мировое мнение, так и двухсторонние государственные отношения. Советский Союз отказался подписывать соглашение о взаимопомощи, так как это автоматически вовлекло бы его в войну с Японией, и Китай в условиях начавшейся в июле 1937 г. полномасштабной войны пошел на заключение с СССР Договора о ненападении. По мнению историка Р. А. Мировицкой, именно «война, развязанная Японией», стала «главным воздействующим фактором на развитие советско-китайских отношений» [7, с. 265].

В указанном Договоре обе стороны «осуждали обращение к войне для разрешения международных споров», брали на себя обязательство «воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно» (ст. 1). Одновременно СССР и КР оговаривали свое поведение на случай нападения третьих держав. В частности, обязывались «не оказывать ни прямо, ни косвенно никакой помощи такой третьей или третьим державам», «воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим... к невыгоде стороны, подвергшейся

¹² См.: Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Китая в СССР Цзян Тин-фу, 9 декабря 1936 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 19 : 1 января – 31 декабря 1936 г. М. : Политиздат, 1974. С. 651–652.

¹³ См.: 1937 г. – августа 21. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. Кн. 1. С. 88–89.

нападению» (ст. 2)¹⁴. Договор заключался на пять лет и вступал в силу после его подписания. Одновременно с фиксированной частью договора сторонами были сделаны в устной форме заверения, носившие конфиденциальный характер. Советский Союз брал на себя обязательства не заключать какого-либо договора с Японией до тех пор, «пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены». В свою очередь китайская сторона заявляла, что «...во все время действия Пакта о ненападении не подпишет ни с одним государством так называемый антикоминтерновский договор» [25, с. 118].

Обсуждение и заключение

Небольшой по объему текст Договора завершал важный этап в истории формирования советско-китайских отношений. Он во многом стал результатом воздействия внешнеполитического фактора на протяжении 1931–1937 гг., выступил основой международно-правового сотрудничества между СССР и КР. В условиях открытой военной агрессии он не позволил Японии добиться международной изоляции Китая и предотвратил возможность его капитуляции в 1937–1938 гг. Одновременно дал возможность Китайской Республике получать от Советского Союза финансовую помощь на протяжении 1938–1939 гг. (общим объемом в 250 млн долл.), военно-техническую поддержку, помощь военными специалистами, военными советниками [1, с. 97–98]. Оценивая поддержку СССР с начала японской агрессии 1937 г., председатель КПК Мао Цзэдун в последующем писал: «С тех пор как началась война против японских захватчиков, ни одно из правительств империалистических государств не оказало нам подлинной помощи – один только Советский Союз помог нам военной авиацией и материальными ресурсами»¹⁵. Помощь Советского Союза не позволила Японии одномоментно оккупировать Китай, разгромить его армию. В свою очередь сопротивление китайской армии японской агрессии лишило Японию возможности реализовать свои захватнические планы против СССР. Кроме того, Договор от 21 августа 1937 г. стал основой для создания, а в последующем – расширения международно-правовой базы сотрудничества между двумя государствами. В результате в июне 1939 г. был заключен Торговый договор между СССР и Китаем, предпринимались и другие шаги, которые позволили Китаю противостоять японской агрессии в годы Второй мировой войны¹⁶.

Вместе с тем исторический опыт формирования в 30-е гг. правовой базы для межгосударственного советско-китайского сотрудничества де-

¹⁴ 1937 г. – августа 21. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. Кн. 1. С. 88.

¹⁵ Цит. по: Советско-китайские отношения. 1917–1957 : сб. док. / отв. ред. Ф. Курдюков, В. Никифоров, А. Перевертайло. М. : Изд-во вост. лит., 1959. С. 21. URL: <https://djuv.online/file/d8PQkgsfTOGgX> (дата обращения: 01.05.2024).

¹⁶ См.: Торговый договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. 16 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. Кн. 1. С. 454–458.

монстрирует возможности достижения согласия между сторонами, казалось бы, по неразрешимым проблемам, когда в условиях внешней угрозы в основе принимаемых решений каждой из сторон лежит политический прагматизм. Изучение исследуемой проблемы позволяет отследить историю разрушения мирового порядка на Востоке, установленного по итогам Первой мировой войны, увидеть главную деструктивную силу в лице западных стран, которые в своих корыстных целях «взрачивали» японский фашизм («Азия для азиатов»), выступивший в 30-е гг. источником развязывания мировой войны на континенте.

Список источников

1. Мичурин А. Н. Советско-китайские отношения накануне Второй мировой войны // Россия в глобальном мире. 2016. № 8. С. 9–103.
2. Кошкин А. А. Нейтралитет по-японски // Партитура Второй мировой войны. Гроза на Востоке / авт.-сост. А. А. Кошкин. М. : Вече, 2010. С. 6–51. ISBN: 978-5-9533-5125-6.
3. Итин Я. Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении СССР (1931–1937 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 3 (113). С. 82–93.
4. Литвиновская Ю. И. Японская агрессия в Маньчжурии осенью 1931 г. и реакция международного сообщества // Научные труды республиканского института Высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21-1. С. 294–301.
5. Сидоров А. Ю. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 123–138.
6. Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны. 1937–1945 / отв. ред. М. С. Капица. М. : Мысль, 1980. 279 с.
7. Мировицкая Р. А. Отношения СССР с Китаем в годы кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений (1931–1937) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV / отв. ред.-сост. И. А. Сафронова. М. : ИДВ РАН, 2009. С. 241–271. ISBN: 978-5-8381-0166-2.
8. Панцов А. В. Непобежденный. Подлинная история Чан-Кайши. М. : Молодая гвардия, 2019. 507 с. ISBN: 978-5-23-504297-1.
9. Черепанов К. В. Между Китаем и Японией. Дальневосточная стратегия СССР в 1931–1941 гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 102–118. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.102-118.
10. История Второй мировой войны. 1939–1945 : в 12 т. Т. 1 : Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира / Г. А. Деборин, Ю. А. Поляков, К. К. Шириня и др. М. : Воениздат, 1973. 393 с.

11. Шишов А. В. Разгром Японии и самурайская угроза. М. : Эксмо : Алгоритм, 2005. 506 с. ISBN: 5-699-12833-6.
12. Караева К. А. Проблема инцидентов на советско-маньчжурской и монголо-маньчжурской границах во второй половине 30-х гг. XX в. // Международные отношения в XIX–XXI веках. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 83–89. ISBN: 5-7525-1630-7.
13. Кошкин А. А. Блицкриг на Востоке // Историк. 2022. № 7–8 (91–92). С. 80–85.
14. Очерки истории Министерства иностранных дел России : в 3 т. Т. 2 / отв. ред. А. В. Торкунов. М. : Олма-Пресс, 2002. 617 с. ISBN: 5-224-03653-4.
15. Ефимов Г. В., Дубинский А. М. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2 : 1917–1945 гг. М. : Мысль, 1973. 298 с.
16. Системная история международных отношений : в 4 т. Т. 1 : События. 1918–1945 / под ред. А. Д. Богатурова. М. : Моск. рабочий, 2000. 322 с. ISBN: 5-89554-138-0.
17. Гальперин М. С. КПК и Коминтерн во внешней политике Гоминьдана // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 2. С. 62–69.
18. Зимонин В. П. Япония в развязывании Второй мировой войны // Наука. Общество. Оборона : сетевое изд. 2018. № 2 (15). URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshество-oborona/2018-2-15/article-0148/> (дата обращения: 15.04.2024).
19. Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х гг. / А. Д. Богатуров, Е. Г. Капустян, В. Г. Коргун и др. ; отв. ред. А. Д. Богатуров. М. : МОНФ, 1998. 351 с. URL: <http://militera.lib.ru/research/bogaturov/index.html> (дата обращения: 18.04.2024). ISBN: 5-89554-015-5.
20. Калягин А. Я. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). М. : Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. 445 с.
21. Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М. : Госполитиздат, 1952. 672 с. URL: <https://djvu.online/file/Usm7wQyidIPZo> (дата обращения: 28.04.2024).
22. 1939 год: Уроки истории / отв. ред. О. А. Ржешевский. М. : Мысль, 1990. 508 с. URL: http://militera.lib.ru/research/1939_uroki_istorii/index.html (дата обращения: 30.04. 2024).
23. Молодяков В. Э. Россия и Япония: меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948): историческое исследование. М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2005. 379 с. ISBN: 5-9578-1832-1.
24. Сургуладзе В. Ш. К истории идеологического противоборства межвоенного периода. Коминтерн и Антикоминтерн в контексте борьбы ми-

рового коммунизма и политических режимов фашистского типа // Вопросы национализма. 2021. № 3 (1). С. 176–209.

25. Славинский Б. Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М. : Япония сегодня, 1999. 540 с. ISBN: 5-86477-065-0.

References

1. Michurin, A. N. [Soviet-Chinese relations on the eve of the Second World War]. *Russia in the Global World*. 2016;(8):9-103. (In Russ.)
2. Koshkin, A. A. [Neutrality in Japanese]. In: A. A. Koshkin, ed. *[Score of the Second World War. A thunderstorm in the East]*. Moscow: Veche; 2010. Pp. 6–51. (In Russ.) ISBN: 978-5-9533-5125-6.
3. Itin, Ya. China's foreign policy strategy in relation to the USSR (1931–1937). *Russia and the Pacific*. 2021;(3):82-93. (In Russ.)
4. Litvinovskaya, Yu. I. [The Japanese aggression in Manchuria in the autumn of 1931 and the reaction of the international community]. *Nauchnye trudy respublikanskogo instituta Vysshej shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki = [Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and Psychological and Pedagogical Sciences]*. 2021;(21-1):294-301. (In Russ.)
5. Sidorov, A. Yu. [The problem of concluding a non-aggression pact in Soviet-Chinese relations (1932–1937)]. *Problemy Dal'nego Vostoka = [Problems of the Far East]*. 2009;(1):123-138. (In Russ.)
6. Dubinsky, A. M. *[Soviet-Chinese relations during the Sino-Japanese war, 1937–1945]*. Ed. M. S. Kapitsa. Moscow: Mysl'; 1980. 279 p. (In Russ.)
7. Mirovitskaya, R. A. [Relations of the USSR with China during the crisis of the Versailles-Washington system of international relations (1931–1937)]. In: I. A. Safronova, ed. and comp. *[China in world and regional politics. History and modernity]*. Issue XIV. Moscow: Institute of Far East of the Russian Academy of Sciences; 2009. Pp. 242–243. (In Russ.) ISBN: 978-5-8381-0166-2.
8. Pantsov, A. V. *[Undeclared. The true story of Chiang Kai-shek]*. Moscow: Molodaya gvardiya; 2019. 507 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-23-504297-1.
9. Cherepanov, K. V., 2017. Between China and Japan. The Far Eastern strategy of the USSR in 1931–1941. *Herald of Omsk University. Series "Historical studies"*. 2017;(4):102-118. (In Russ.) DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.102-118.
10. Deborin, G. A., Polyakov, Yu. A., Shirinya, K. K., et al. *[History of the Second World War 1939–1945]*. In 12 vols. Vol. 1: The origin of the war. The struggle of progressive forces for the preservation of peace. Moscow: Voenizdat; 1973. 393 p. (In Russ.)
11. Shishov, A. V. *[The defeat of Japan and the samurai threat]*. Moscow: Eksmo; Algoritm; 2005. 506 p. (In Russ.) ISBN: 5-699-12833-6.

12. Karaeva, K. A. [The problem of incidents on the Soviet-Manchurian and Mongol-Manchurian borders in the second half of the 30s of the XX century]. *[International relations in the XIX–XXI centuries]*. Issue 3. Yekaterinburg: Ural University Publishing House; 2007. Pp. 83–89. (In Russ.) ISBN: 5-7525-1630-7.
13. Koshkin, A. A. [Blitzkrieg in the East]. *Istorik = [Historian]*. 2022;(7-8):80–85. (In Russ.)
14. Torkunov, A. V., ed. *[Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]*. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Olma-Press; 2002. 617 p. (In Russ.) ISBN: 5-224-03653-4.
15. Efimov, G. V., Dubinsky, A. M. *[International relations in the Far East]*. B. 2: 1917–1945. Moscow: Mysl'; 1973. 298 p. (In Russ.)
16. Bogaturov, A. D., ed. *[The systemic history of international relations]*. In 4 vols. Vol. 1: Events of 1918–1945. Moscow: Moskovskij rabochij; 2000. 322 p. (In Russ.) ISBN: 5-89554-138-0.
17. Galperin, M. S. [The CPC and the Comintern in the foreign policy of the Kuomintang]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice]*. 2011;5(2):62–69. (In Russ.)
18. Zimonin, V. P. [Japan in the outbreak of the Second World War]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = [Nauka. Society. Defense]*. Online ed. 2018;(2). (In Russ.) URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0148> (Accessed: 15.04.2024).
19. Bogaturov, A. D., Kapustyan, E. G., Korgun, V. G., et al. *[Crisis and war: International relations in the center and on the periphery of the world system in the 30–40 years]*. Ed. A. D. Bogaturov. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation; 1998. 351 p. (In Russ.) URL: <http://militera.lib.ru/research/bogaturov/index.html> (Accessed: 18.04.2024). ISBN: 5-89554-015-5.
20. Kalyagin, A. Ya. *[On unfamiliar roads (Notes of a military adviser in China)]*. Moscow: The Main Editorial Office of Oriental Literature of the Publishing House “Nauka”; 1979. 445 p. (In Russ.)
21. Avarin, V. Ya. *[The struggle for the Pacific Ocean. The aggression of the USA and England, their contradictions and the liberation struggle of the peoples]*. Moscow: Gospolitizdat; 1952. 672 p. (In Russ.) URL: <https://djuv.online/file/Usm7wQyidIPZo> (Accessed: 28.04.2024).
22. Rzheshesky, O. A., ed. *[1939: Lessons of history]*. Moscow: Mysl'; 1990. 508 p. (In Russ.) URL: http://militera.lib.ru/research/1939_uroki_istorii/index.html (Accessed: 30.04.2024). ISBN: 5-244-00282-1.
23. Molodyakov, V. E. *[Russia and Japan: the sword on the scales: unknown and forgotten pages of Russian-Japanese relations (1929–1948): historical research]*. Moscow: AST; Astrel'; Tranzitkniga; 2005. 379 p. (In Russ.) ISBN: 5-9578-1832-1.

24. Surguladze, V. Sh. [On the history of the ideological confrontation of the interwar period. The Comintern and the Anti-Comintern in the context of the struggle of world Communism and Fascist-type political regimes]. *Voprosy natsionalizma = [Questions of Nationalism]*. 2021;(3):176-209. (In Russ.)
25. Slavinsky, B. N. [*The USSR and Japan – on the way to war: diplomatic history, 1937–1945*]. Moscow: Yaponiya Segodnya; 1999. 540 p. (In Russ.) ISBN: 5-86477-065-0.

Информация об авторе / Information about the author

Михаил Иванович Ивашко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Mikhail I. Ivashko, Dr. Sci. (Historical), Professor, Head of the General Education Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 04.06.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 04.06.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 34.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.25-33

Проблемы понятийно-категориального аппарата сферы цифрового денежного обращения

Светлана Валентиновна Мирошник

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
miroshnik67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7824-7308>*

Аннотация

Введение. Цифровые технологии стремительно ворвались в жизнь современного общества, предоставив ему невиданные возможности дальнейшей модернизации, но породили невиданные по масштабам риски и проблемы. Не стала исключением и сфера денежного обращения. Новые процессы и тенденции требуют научного осмысления, отражения полученных знаний в соответствующих финансово-правовых категориях и понятиях.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили доктринальные источники, посвященные различным аспектам организации денежного обращения с позиции права и экономики. Цель работы – выработать новые научные знания, позволяющие создать стройную систему понятийно-категориального аппарата сферы денежного обращения. Для достижения поставленной цели использовались разнообразные методы познания правовой действительности, а именно: диалектико-материалистический, логический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, методы анализа и синтеза, толкования права. С их помощью изучены используемые современными государствами подходы к правовому регулированию государственных и частных денег, выявлены проблемы формирования понятийно-категориального аппарата финансового права в эпоху цифровизации.

Результаты исследования. Цифровизация в сфере денежного обращения обострила конкуренцию государственных и частных денег и потребовала от государственно организованного общества выработки новых подходов к организации денежного обращения. Одним из ответов на технологические вызовы времени стало появление во многих странах цифровой национальной валюты. Эта тенденция имеет все предпосылки для перерастания в одну из закономерностей современного государственного строительства. В связи с этим постулируется понимание цифрового рубля как новой формы официальной денежной единицы Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. Сравнительный анализ понятий «цифровой рубль», «цифровая валюта», «криптовалюта» позволил обосновать необходимость внесения изменений в российские правовые акты. Признание цифрового рубля разновидностью цифровой валюты, криптовалюты, видом частных денежных средств дает возможность создать стройный, логически непротиворечивый понятийно-категориальный аппарат сферы денежного обращения.

Ключевые слова: деньги, цифровая валюта, криптовалюта, цифровой рубль, цифровая национальная валюта, государственный суверенитет, финансовое право

Для цитирования: Мирошник С. В. Проблемы понятийно-категориального аппарата сферы цифрового денежного обращения // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 25–33. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.25-33.

Original article

Problems of the Conceptual-Categorical Apparatus of the Sphere of Digital Money Circulation

Svetlana V. Miroshnik

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

miroshnik67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7824-7308>

Abstract

Introduction. Digital technologies have stormed into modern society. They have given it both unprecedented opportunities for further modernization and unprecedented risks and challenges. The sphere of monetary circulation was no exception. New processes and trends require scientific reflection, reflecting the knowledge gained in the relevant financial and legal categories and concepts.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the present study was provided by doctrinal sources on various aspects of the organization of monetary circulation from a legal and economic perspective. The purpose of the work – to develop new scientific knowledge, allowing to create a coherent system of conceptual and categorical apparatus of the sphere of monetary circulation. In order to achieve this goal, various methods of knowledge of legal reality were used, namely: dialectical-materialistic, logical, systemic, formal-legal, comparative-legal, methods of analysis and synthesis, interpretation of law. With their help, the article studies the approaches used by modern states to the legal regulation of public and private money, identifies problems of formation of conceptual and categorical system of financial law in the era of digitalization.

Results. The digitalization of money circulation has intensified the competition of public and private money and has required a state-organized society to develop new approaches to the organization of money circulation. The emergence of a digital national currency in many countries was a response to technological challenges. This growing trend has all the prerequisites for turning into one of the regularities of modern state building. In this connection, the understanding of the digital ruble as a new form of the official currency of the Russian Federation is postulated.

Discussion and Conclusion. Comparative analysis of the concepts of “digital ruble”, “digital currency”, “cryptocurrency” has allowed to justify the necessity of making changes in the Russian legal acts. Recognition of the digital ruble as a kind of digital currency, cryptocurrency as a type of private money gives the opportunity to create a slender, logically consistent conceptual and categorical apparatus of the money circulation sphere.

Keywords: money, digital currency, cryptocurrency, digital ruble, digital national currency, state sovereignty, financial law

For citation: Miroshnik, S. V. Problems of the conceptual-categorical apparatus of the sphere of digital money circulation. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):25-33. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.25-33.

Введение

В течение весьма длительного периода времени государство безраздельно господствовало в сфере денежного обращения, прочно держа в своих руках все нити эмиссии денежных знаков.

Начавшаяся эпоха цифровизации с процессами децентрализации, колоссальными возможностями получения информации и обмена ею обусловила появление серьезных рисков потери государством контроля за денежным обращением – замены государственных денег частными, попадания в зависимость от цифровой валюты других государств.

Свой след оставила и пандемия коронавируса, в условиях которой существенно возросла потребность в проведении мгновенных, безопасных расчетов между субъектами.

Цифровые технологии, строящиеся во многом на равенстве сторон, позволили создать частные деньги (известные под названием криптовалюта), не только успешно выполняющие традиционные функции денег, но и вмещающие в себе значительные инвестиционные возможности. Яркий пример – биткойны, прошедшие путь от цифрового актива, знакомого отдельным программистам, до мирового признания.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу статьи составили научные труды ученых, посвященные рассмотрению организации денежного обращения через призму права и экономики. Авторская позиция формировалась, в частности, под воздействием работ К. С. Бельского, А. В. Габова, Л. Г. Ефимовой, Г. Ф. Кнаппа, И. И. Кучерова, В. Н. Юсима.

Цель настоящего исследования – выработать новые научные знания, позволяющие создать категориально-понятийный аппарат сферы денежного обращения с учетом требований системности, логической непротиворечивости.

Для достижения поставленной цели использовались разнообразные методы познания правовой действительности, а именно: диалектико-материалистический, логический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, методы анализа и синтеза, толкования права.

Результаты исследования

Государства столкнулись с ситуацией реального конкурирования государственных и частных денег. Ранее известные недостатки последних – необеспеченность принудительной силой государства, использование на основании соглашения сторон – неожиданно превратились в достоинства. В сети «Интернет» появились невиданные ранее виртуальные объекты, с успехом заменившие государственные деньги, выполняющие функции меры стоимости и средства обращения в рамках цифровых единиц. Их появление об-

условлено естественным стремлением человека существенно снизить свои затраты, возникающие в процессе осуществления разнообразных видов экономической деятельности. И без новой формы денег, их новых разновидностей это оказывается весьма проблематично, поскольку затраты возрастают настолько, что «использовать любые эффективные технологии становится невозможным» [1, с. 13].

Дальнейший технический прогресс, новые цифровые технологии усилили эмиссионные риски государств. У каждого желающего появилась возможность не только осуществлять финансовые операции с криптовалютой, но и создавать свой банк, выпускать собственную валюту – токены, осуществлять иное взаимодействие на многочисленных цифровых платформах (такие бесплатные сервисы предоставляет, например, Вселенная Ethereum).

Государства по-разному отреагировали на складывающуюся ситуацию: полный запрет (Марокко, Бангладеш), лояльное отношение, строящееся на правовом регулировании, нацеленном на минимизацию возможных негативных рисков (США, Канада), активная поддержка, признание криптовалюты официальной валютой (два года назад Сальвадор признал биткоин официальной валютой, что позволило стране уменьшить инфляцию с 7,3% в 2022 г. до 3,3% в 2023 [2]).

Многие страны осознали необходимость и острую потребность в создании цифровой модели национальной валюты как важнейшего средства укрепления государственного суверенитета, обеспечения конкурентоспособности цифровой экономики, увеличения доступности финансовых услуг.

Первая модель в режиме тестирования была создана Эквадором. Для него запуск цифрового сукре означал возврат к национальной денежной единице (с 2000 г. официальной валютой данного государства стал доллар США). Но попытка стала неудачной – проект оказался слишком затратным, интереса у населения не вызвал [3, с. 1351].

Неудачный опыт был учтен многими странами, работа продолжалась, и осенью 2020 г. цифровая национальная валюта (центробанковская национальная валюта) стала официально выполнять функции средства платежа в Содружестве Багамских островов и Камбодже.

Трудности с получением финансовых услуг на Багамских островах (ряд малочисленных островов не обслуживается банками, многочисленные тайфуны наносят колоссальный ущерб финансовой инфраструктуре) обусловили значительный интерес населения к проведению расчетов посредством цифрового «песчаного доллара».

В этот же период времени цифровую валюту запустил и Центральный банк Камбоджи, стремившийся, с одной стороны, повысить доступность финансовых услуг, а с другой – уменьшить использование наличных денежных средств, а в перспективе и вообще отказаться от них. Безналичные расчеты не получили распространения в стране: только небольшое количество граждан Камбоджи имеют банковские счета, а вот смартфоны есть практически у всех. Введенная цифровая валюта *Vakong* дала возможность осуществлять транзакции как с камбоджийской национальной валютой – камбоджийским риелем, так и с долларом США (Центробанк

Камбоджи принял во внимание тот факт, что большая часть расчетов проводится в стране в долларах США), она позволила поднять национальную платежную систему на новый уровень.

В 2021 году собственную цифровую валюту eNaira запустила Нигерия. Данное государство относится к числу стран с одним из самых высоких уровней владения криптовалютой в мире: в 2020 г. нигерийский рынок был вторым по величине после США рынком биткоинов [3, с. 1352].

В настоящее время выделяются два подхода к внедрению национальной цифровой валюты. Первый свойственен государствам с развитым банковским сектором, представляющим широкий круг финансовых услуг, – правовое регулирование новых правоотношений строится с учетом интересов всех субъектов банковского права, финансового сектора экономики (прежде всего банков).

Второй подход характерен для стран, в которых банковский сектор экономики развит слабо, национальная цифровая валюта в этих государствах рассматривается как центр новой платежной инфраструктуры, управляемый соответствующими центральными банками.

От мировой тенденции не отстает и Российская Федерация. Банк России заявил о выпуске в обращение цифрового рубля¹. Создана платформа цифрового рубля, открыты цифровые кошельки для первых клиентов через мобильные приложения участвующих в проекте банков, проведены первые 10 тыс. транзакций [4]. Однако некоторая поспешность в выработке необходимой правовой основы привела к терминологической путанице, породившей научные дискуссии о соотношении цифрового рубля и цифровой валюты. Так, А. В. Габов обращает внимание на множество вопросов, возникающих по поводу Доклада Центрального банка Российской Федерации о цифровом рубле [5].

Анализ действующих правовых актов позволяет сделать вывод о необходимости разграничения цифрового рубля и цифровой валюты. С одной стороны, как отмечает И. Г. Морозова, это соответствует буквальному толкованию Закона о цифровых финансовых активах, а с другой – «подобное утверждение законодателя не соответствует общепринятой в мире смысловой нагрузке цифровых валют» [6, с. 8], оно «...несомненно, повлечет за собой некоторую путаницу в их реализации и усложнит деятельность правоприменителей» [6, с. 8].

Г. Х. Тагиев рассматривает цифровой рубль как электронную версию «...уже существующей национальной валюты, призванную упростить и улучшить платежные системы, а также повысить уровень финансовой безопасности населения» [7, с. 14]. С его точки зрения, является ошибочным отождествление криптовалюты и цифрового рубля: такое ложное представление связано с тем, «...что блокчейн стоит в основе как криптовалюта, так и цифровой валюты (цифрового рубля)» [7, с. 15].

Как мы видим, в науке сложились разные подходы, порой прямо противоположные. Попытаемся обосновать свою точку зрения.

¹ Концепция цифрового рубля. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ легального определения понятия «цифровая валюта»² дает возможность выделить следующие свойства цифровой валюты. Цифровая валюта:

- представляет собой цифровой код, содержащийся в информационной системе;
- может выполнять функции средства накопления (как инвестиция) и средства платежа, при этом она не является официальной денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства, международной денежной или расчетной единицей;
- не имеет обязательственной природы (цифровая валюта по своей природе обязательственным правом не является);
- функционирует в рамках информационной системы, действующей по собственным правилам (локальным технико-правовым принципам и нормам права);
- ее движение оформляется в виде соответствующих записей, находящихся в центре внимания оператора информационной системы и (или) узлов информационной системы.

Многие из указанных свойств характеризуют и цифровой рубль. Как и цифровая валюта, цифровой рубль является разновидностью нематериального имущества [8], на которую в полной мере распространяется действие института права собственности.

Это тоже уникальный цифровой код, хранящийся на платформе цифрового рубля, являющейся местом взаимодействия оператора платформы цифрового рубля (Банка России), участников (в настоящее время кредитные организации, участвующие в тестировании) и пользователей (физических и юридических лиц).

Иными словами, и цифровой рубль, и цифровая валюта – это электронные данные, функционирующие в рамках определенных цифровых платформ, используемые субъектами для проведения расчетов и иных финансовых операций. Они – порождение эпохи цифровизации, результат использования информационно-коммуникационных технологий, без которых не существуют.

Эмиссия и обращение цифрового рубля и цифровой валюты осуществляются в соответствии с технико-правовыми принципами и нормами, выработанными операторами цифровых платформ (либо разработчиками соответствующих программ).

И цифровой рубль, и цифровую валюту возможно трансформировать в безналичные денежные средства, электронные денежные средства или получить эквивалент в наличных денежных средствах. Все это позволяет признать цифровой рубль разновидностью цифровой валюты (цифровая валюта – это родовое понятие). От всех других видов он отличается тем, что выступает законным средством платежа. В то же время в условиях

² См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2020.

цифровизации представляется бесперспективным отрицать возможности частных денег, необходимо поставить их тоже на службу обществу и государству.

Как справедливо отмечает И. И. Кучеров, «цифровых валют... много не бывает... участники цифровой экономики должны иметь возможность широкого выбора технически совершенных платежных средств. Соответственно, было бы правильно законодательно предусмотреть возможность использования ими иных цифровых валют, возможно, при наличии определенных условий и в сочетании с определенными ограничениями» [9, с. 7]. И начать нужно с создания единого стройного категориально-понятийного аппарата.

Обсуждение и заключение

Цифровизация дала человечеству новые возможности, сопровождаясь при этом ранее неизвестными, невиданными по масштабам рисками. Она значительно обострила противостояние государственных и частных денег.

Цифровой рубль – новая форма официальной денежной единицы Российской Федерации, которая стала возможной благодаря соответствующим цифровым технологиям.

Появление цифрового рубля, равно как и других разновидностей цифровых национальных валют, заставляет вспомнить государственную теорию Г. Кнаппа, согласно которой только государство вправе официально провозглашать денежные единицы в качестве законных средств платежа, определять формы денег, правила их обращения [10].

В целях устранения терминологической неточности предлагается внести изменения в Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте», заменив понятие «цифровая валюта» на понятие «криптовалюта». Указанная замена, на первый взгляд кажущаяся незначительной, позволяет построить стройный понятийно-категориальный ряд, признать родовые начала категории «цифровая валюта» и четко разграничить ее разновидности – цифровой рубль (официальная денежная единица, в полной мере выполняющая все функции денег, поддерживаемая принудительной силой российского государства) и криптовалюту (разновидность частных денег, используемая локально на основании соглашения участников соответствующих финансовых платформ).

Список источников

1. Юсим В. Н. Первопричина возникновения и развития института денег // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1 (10). С. 7–21. DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10101.
2. Бовт Г. Кто на свете всех Милей, или Зачем политик яростно молотил по Центробанку // Газета.ru. 2023. 25 нояб. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/17916079.shtml> (дата обращения: 25.11.2023).

3. Кузьмина О. Ю., Коновалова М. Е. Цифровая валюта центрального банка как новая форма денег // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 4. С. 1347–1366. DOI: 10.18334/ce.17.4.117439.
4. Башкатова А. Цифровой рубль преодолел рубеж в 10 тысяч операций // Независимая газета. 2023. 9 нояб. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-11-09/1_8873_ruble.html (дата обращения: 11.11.2023).
5. Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 55–65. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065.
6. Морозова И. Г. Правовой режим цифрового рубля // Юрист. 2023. № 9. С. 6–10. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-9-6-10.
7. Тагиев Г. Х. Цифровой рубль: финансово-правовая сущность и риски // Финансовое право. 2023. № 12. С. 14–16. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-12-14-16.
8. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.
9. Кучеров И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. 2021. № 4. С. 3–7. DOI: 10.18572/1813-1220-2021-4-3-8.
10. Кнапп Г. Ф. Очерки государственной теории денег: Деньги. Денежная система / пер. с нем. М. Х. Розенберга ; под ред. и со вступ. заметкой Г. И. Тиктина. Одесса : Тип. Э. П. Карлик, 1913. 59 с.

References

1. Yusim, V. N. The root cause of the emergence and development of the institute of money. *Issues of Economic Theory*. 2021;(1):7-21. (In Russ.) DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10101.
2. Bovt, G. Who is the nicest person in the world, or Why the politician was furiously hammering at the central bank. *Gazeta.ru = [Newspaper.ru]*. 2023. November 25. (In Russ.) URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/17916079.shtml> (Accessed: 25 November 2023).
3. Kuzmina, O. Yu., Konvalova M. E. Central bank digital currency as a new form of money. *Creative Economy*. 2023;17(4):1347-1366. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.17.4.117439.
4. Bashkatova, A. The digital ruble has crossed the threshold of 10 thousand transactions. *Nezavisimaya gazeta = [Independent Newspaper]*. 2023. 9 November. (In Russ.) URL: https://www.ng.ru/economics/2023-11-09/1_8873_ruble.html (Accessed: 11 November 2023).
5. Gabov, A. V. Digital ruble of the Central Bank as a civil rights object. *Actual Problems of Russian Law*. 2021;(4):55-65. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065.

6. Morozova, I. G. The legal regime of the digital ruble. *Yurist = [Lawyer]*. 2023;(9):6-10. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3929-2023-9-6-10.
7. Tagiev, G. Kh. Digital ruble: the financial law essence and risks. *Finansovoe pravo = [Financial Law]*. 2023;(12):14-16. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1220-2023-12-14-16.
8. Efimova, L. G. On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble. *Tsivilist = [Civilist]*. 2022;4:6-15. (In Russ.)
9. Kucherov, I. I. Some issues of the financial legal regulation of the digital economy: digital currency. *Finansovoe pravo = [Financial Law]*. 2021;(4):3-8. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1220-2021-4-3-8.
10. Knapp, G. F. *[Essays on the State Theory of Money: Money. The Monetary System]*. Transl. from Germ. by M. Kh. Rozenberg. Ed. and introd. note by G. I. Tiktin. Odessa: E. P. Karlik Printing House; 1913. 59 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Мирошник Светлана Валентиновна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).
Svetlana V. Miroshnik, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 342.365

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.34-48

«Величайшая в Городе власть после василевса» (о должности эпарха Константинополя)

Любовь Юрьевна Костокрызова

Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация
klyu001@usla.ru

Аннотация

Введение. Сформированный в республиканском Риме бюрократический аппарат играл большую роль на протяжении всего существования Восточной Римской империи. В историографии Византии достаточно работ, освещающих событийную историю и государственный строй в целом, однако изучению отдельных институтов уделено незначительное внимание. Имеющиеся работы носят описательный характер и показывают деятельность конкретных лиц на посту эпарха и почти не касаются вопросов появления этой должности, эволюции ее функций и места в управлении государством.

Теоретические основы. Методы. Объектом настоящего исследования является институт главы столицы Восточной Римской империи, эпарха Константинополя. Опираясь на законодательные акты Рима и Византии, используя методы анализа и синтеза, было выявлено, когда и почему появилась должность столичного градоначальника, как изменялись его функции со временем. С помощью сравнительно-исторического метода показаны и отличия эпарха Константинополя от префекта Рима, и эволюция его обязанностей с IV по XII в., и его место в иерархии чиновников, что и стало целями настоящей статьи.

Результаты исследования. Если префект в Риме изначально был фигурой незначительной, то в Константинополе эпарх был не просто главой столицы, но и вторым человеком в государстве после императора, замещавшим его в случае отъезда. Согласно законодательным актам в ведении эпарха находились охрана порядка в городе, его благоустройство и чистота, обеспечение общественной безопасности, он следил также за нравами и настроениями горожан. Помощниками эпарха были ряд должностных лиц, начиная от начальника тюремного ведомства, заканчивая писцами, и за каждым была закреплена определенная функция. Если префект Рима оставался на своем посту один год, то срок полномочий эпарха не был определен, возможно, он был пожизненным. Эпарх выполнял судебные функции, выше него был только императорский суд. Вместе с чиновниками подчиненного ему ведомства он приводил наказания в исполнение. Главной обязанностью градоначальника было снабжение столицы продовольствием, контроль за торгово-ремесленными корпорациями, упорядочение их деятельности, о чем свидетельствует составленная в начале X в. «Книга эпарха». Несмотря на то что к XII в. эпарх потерял часть функций, вплоть до

1453 г. его ведомство продолжало должным образом осуществлять свою деятельность.

Обсуждение и заключение. Первоначально эпарх должен был только осуществлять надзор за порядком и безопасностью столицы, позднее он превратился в настоящего отца города, следившего за всем, начиная от соблюдения правил торговли, заканчивая рассмотрением судебных споров горожан. Треволнения, охватывавшие столицу, не влияли на статус ее главы, сохранявшего и упрочивавшего свою власть, каждый раз доказывая, что стабильное существование империи зависит от стабильности каждого властного института.

Ключевые слова: префект Рима, эпарх Константинополя, Византия, византийские чиновники, «Книга эпарха», Исагога, Василики

Для цитирования: Костогрызова Л. Ю. «Величайшая в Городе власть после василевса» (о должности эпарха Константинополя) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 34–48. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.34-48.

Original article

“The Greatest Power in the City after the Basileus” (on the Dignity of the Eparch of Constantinople)

Lyubov Yu. Kostogryzova

*Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
klyu001@usla.ru*

Abstract

Introduction. The bureaucratic apparatus formed in republican Rome played a major role in the Eastern Roman Empire too. There are enough papers in the historiography of Byzantium devoted to the event history and to the state system as a whole, but only little attention is paid to the study of institutions. The available works are descriptive in nature and show the activities of specific individuals in the post of eparch and do not pay attention to the emergence of this position, the evolution of its functions and place in the government.

Theoretical Basis. Methods. The institute of the head of the capital of the Eastern Roman Empire, which is called “the eparch” is the object of this research. Based on the legislative acts of Rome and Byzantium and with help methods of analysis and synthesis, the author revealed when and why the position of the eparch appeared, how his functions changed over time. Using the comparative historical method, the differences between the eparch of Constantinople and the prefect of Rome is shown. So, the purpose of this article is reached.

Results. If the prefect in Rome was initially an insignificant figure, then in Constantinople the eparch was not just the head of the capital, but also the second person in the state after the emperor, who replaced him in case of his absence. According to legislative acts, the eparch was responsible for maintaining order in the city, its landscaping and cleanliness, and ensuring public safety. According to sources, in 899, the staff of the eparch included officials of 14 ranks, All of them had their own and very specific duties and responsibilities. While the prefect of Rome remained in office for one year,

the time of service of the eparch was not determined, perhaps it was for life. He performed judicial functions, only the imperial court was above him. He had to control the execution of punishments together with the officials of his subordinate department. The main responsibility of the “father of the city” was to supply the capital with food, to control over trade and craft corporations, and to put in order their activities, as evidenced by the “Book of the Eparch” compiled at the beginning of the 10th century. Despite the fact that by the 12th century the eparch had lost some of its functions, until 1453 his office continued to properly carry out its activities.

Discussion and Conclusion. In conclusion we can say, that if at the time of his appearance the eparch was only supposed to supervise the order and security of the capital, then later he turned into the real father of the City. He controlled everything from compliance with trade rules to the consideration of legal disputes of citizens. All troubles in the capital did not affect the status of its head, he retained and consolidated his power, each time proving that the stable existence of the empire depends on stability within each power institution.

Keywords: prefect of Rome, eparch of Constantinople, Byzantium, Byzantine officials, “The Book of the Eparch”, Isagoga, Basilika

For citation: Kostogryzova, L. Yu. “The greatest power in the City after the Basileus” (on the dignity of the eparch of Constantinople). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):34-48. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.34-48.

Введение

История Византии – Восточной Римской империи – по-прежнему привлекает к себе внимание. Интерес вызывает как событийная история, так и история становления и функционирования определенных институтов государства и права. И если многие годы Византийское государство представлялось как приходящее в упадок, то сейчас мы удивляемся длительности, стабильности его развития и влиянию, которое оно оказывало (и оказало) на соседние государства и регионы. Одной из характерных черт Восточной Римской империи являлось наличие разветвленного слаженно работающего аппарата центральной власти. Сформированный еще в республиканском Риме, он прямо поспособствовал более чем тысячелетнему существованию Византии (с 330 по 1453 г.).

Возникновению и эволюции древнеримского государства и его институциональных образований посвящено множество работ, к сожалению, этого нельзя сказать о Византии. По-прежнему основными работами остаются изданный еще в XIX в. труд Н. А. Скабалановича «Византийское государство и церковь в XI в.» [1], монография В. Е. Вальденберга начала XX в. [2]. Из современных изданий это работа И. П. Медведева «Правовая культура Византийской империи» [3]. Но и в этих работах речь идет не об отдельных государственных институтах, а о государственном устройстве в целом. Проблема становления и развития тех или иных управленческих структур заслуживает более серьезного внимания, особенно в истории государства и права. Определение места и роли этих институтов в системе органов власти той или иной страны позволит сделать вывод о наличии или отсутствии в ней системы разделения властей, точнее определить форму правления и форму государственного устройства. Особое значение в структуре органов

власти имеют главы крупных экономических и политических центров государства, их столиц. Цель данной статьи – проследить появление, основные функции и их изменение, а также место в чиновной иерархии должности градоначальника Константинополя (Царьграда по русским источникам) и показать роль, которую играл эпарх города как в столице, так и во всей империи.

Теоретические основы. Методы

Объектом настоящего исследования является институт главы столицы Восточной Римской империи, эпарха Константинополя. Одним из первых исследователей, обобщивших информацию о нем, был выдающийся византист Ф. И. Успенский [4]. Огромная заслуга во введении в научный оборот «Книги эпарха» принадлежит уральскому профессору М. Я. Сюзюмову¹. Рассматривая властные структуры Византии, австрийский ученый Й. Кодер показал, какое место среди них занимал столичный градоначальник [5]. Значительную роль эпарха в регулировании экономики Константинополя показали греческие исследователи Д. Мавридис и К. Ваталис [6]. Указанные работы носят скорее описательный характер и показывают деятельность конкретных лиц на посту эпарха, почти не уделяя внимания появлению этой должности, законодательному оформлению его функций и месту в управлении государством. Одна из целей данной статьи состоит в том, чтобы восполнить этот пробел.

С опорой на законодательные акты Рима и Византии и использованием методов анализа и синтеза выявлено, когда и почему появилась должность столичного градоначальника, как изменялись со временем его функции. С помощью сравнительно-исторического метода показаны и отличия эпарха Константинополя от префекта Рима, и эволюция его обязанностей с IV по XII в. Учитывая недостаточное количество исследований, посвященных должности главы города, большое внимание уделено памятникам права, содержащим информацию о нем, именно памятники права составили эмпирическую базу исследования.

Результаты исследования

Обращаясь к истории древнего Рима, следует отметить, что еще в «царский» период (VIII–VI вв. до н. э.) рекс (*rex*), отправляясь в военный поход, оставлял вместо себя заместителя – префекта (*praefectus*). В республиканский период, когда консул покидал город, он также назначал для решения внутригородских дел городского префекта, который после появления в 367 г. должности городского претора назначался лишь на время Латинских празднеств и назывался *praefectus urbi feriarum Latinarum causa* [7, с. 253–254; 8, с. 117–118]. То есть должность главы города в Риме была временной. По мнению исследователей, учреждение постоянной должности городского префекта произошло в 17 г. н. э. и обусловлено необходимостью обеспе-

¹ Византийская книга эпарха / вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М. : Изд-во восточ. лит-ры, 1962. 296 с.

чивать безопасность в столице на случай отсутствия принцепса (princeps), для чего ему предоставлялась одна из городских когорт [9, с. 38]. Изначально срок, на который назначался префект, не был определен, к III в. он составлял, как и у большинства римских магистратур, один год [9, с. 38]. Полномочия его постепенно расширялись и закреплялись. Кроме охраны общественного порядка в Риме с середины I в. н. э. городской префект имел право рассматривать жалобы рабов на жестокое обращение со стороны хозяев, следить за соблюдением взаимных обязательств между патроном и вольноотпущенником, расследовать преступления как внутри города, так и за его пределами в районе 100 миль [9, с. 38–39]. В конце II в. к префектам перешли административные и судебные полномочия. Осуществляя суд от имени принцепса, они фактически являлись верховными судьями, их решения обжалованию не подлежали [9, с. 34]. Исследователи отмечают, что упрощенный характер судопроизводства префекта был эффективен в отношении малоимущих воров, поскольку компенсацию с них получить было невозможно, а градоначальник не только сразу устанавливал наказание, но и следил за приведением его в исполнение. Префект, как правило, назначал телесные наказания, а в случае квалифицированной кражи (ночной, с применением оружия, со взломом, кражи из общественных бань и др.) мог приговорить к изгнанию, каторжным работам или к смертной казни [9, с. 39].

Должностные обязанности префекта города Рим подробно перечислены юристом Ульпианом в начале III в. и включены императором Юстинианом (527–565) в одну из частей свода гражданского права – Дигесты. Помимо уже упомянутых функций обеспечения общественной безопасности и наказания преступников префект рассматривал дела, касающиеся опекунов и попечителей, которые «дурно исполняли свои обязанности», разбирал денежные тяжбы, он должен был «...заботиться о том, чтобы менялы честно вели все свои дела и воздерживались от того, что запрещено», под его наблюдением находились рынки. Наконец, префект мог «...запретить как на время, так и навсегда пребывание в Городе и в какой-либо иной из обычных областей, занятие коммерцией, либо преподаванием, либо адвокатской деятельностью, либо судебной»².

Поскольку две столицы управлялись по одной и той же модели [10, с. 328], префект Константинополя – греч. *επαρχος της Πολεως*, *επαρχ* города, должность которого была учреждена в 359 г., – должен был выполнять аналогичные функции. Согласно новелле 391 г. «все корпорации в Константинополе, все граждане города, все его население, должны подчиняться префекту города»³. По словам историков, в IV–V вв. в руках префекта были: 1) непосредственное управление одной из столиц – Римом или Константинополем; 2) организация взаимодействия между центральным импер-

² D. I. 12. 1, 2 // Дигесты Юстиниана : в 8 т. : пер. с лат. / отв. ред. Л. А. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 1. Кн. 1–4. С. 155–159. ISBN: 5-8354-0113-2.

³ CJ. 1.28.4 // Codex of Justinian: Liber I. URL: <https://thelatinlibrary.com/> (дата обращения: 01.06.2024).

ским правительством и провинциальными администрациями [11, с. 34]. В Кодексе Феодосия приведено распоряжение императоров Валентиниана и Валента от 20 сентября 368 г., согласно которому «решение префекта должно было рассматриваться как «священное императорское решение»» [12, с. 35], т. е. префект стал вторым лицом после императора. Профессор Ф. И. Успенский (1845–1928) подчеркивал, что среди гражданских чинов в византийской «табели о рангах» эпарх столицы занимал самое первое место во все времена византийской истории [4, с. 79–80].

Помимо указанных полномочий столичного главы, которые были закреплены в Дигестах, в Институциях Юстиниана, также входящих в *Corpus Juris Civilis*, установлено, что городской префект (эпарх) назначает сиротам проверенных опекунов⁴ и благонадежных попечителей сумасшедшим и расточителям⁵; если же выяснится, что назначенные лица неблагонадежны и обманывают своих подопечных, то префект наказывает их⁶.

Полномочия эпарха, закрепленные, как отмечалось, в законодательстве Юстиниана в VI в., в IX в. были перечислены в Исагоге⁷ (Εἰσαγωγή τοῦ νόμου), составленной константинопольским патриархом Фотием в конце IX в., и в безусловно действующих Василиках (Τὰ Βασιλικά) – 60 царских книгах законов, составленных императором Львом VI Мудрым (886–912). Если в Исагоге (Эпанагоге) титул IV «О должности эпарха города» в основном повторяет Дигесты с той лишь разницей, что в этом титуле прямо сказано, что «эпарх города – высшая власть в городе после императора»⁸, то в Василиках в книге VI титуле IV «Περὶ τάξεως ἐπάρχου πόλεως καὶ περὶ τάξεως ἐπάρχου πραιτορίων» – «О должности эпарха города и о должности эпарха претория» полномочия главы Константинополя расширялись, должность городского эпарха уже не отделялась от должности префекта претория⁹. Иными словами, со временем роль столичного главы возрастала: из лица, ответственного за порядок, он превратился в государственную фигуру, олицетворявшую власть, зачастую максимальную.

Когда василевс выезжал из столицы, его замещала коллегия из трех сановников: препозит, магистр и эпарх. Во время смут и народных волнений эпарху давались неограниченные полномочия. Как отмечал Ф. И. Успенский, неудивительно, что «он был то популярнейшим, то ненавистнейшим органом правительственной власти», был хорошо известен всему населе-

⁴ IJ. 20.4 // Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера ; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 1998. С. 57.

⁵ IJ. 23.3 // Там же. С. 63.

⁶ IJ. 26.10–11 // Там же. С. 76–77.

⁷ До сих пор ведутся споры, действовал ли такой документ.

⁸ Επαναγωγή του νόμου. Τίτ. IV.11 // *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri* / ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. S. 70.

⁹ В. VI. 4. 1–18 // *Basilicorum libri LX. Series a volumen I. Textus librorum I–VIII* / ed. H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen, 1955. S. 194–196.

нию, которое «или превозносило его похвалами, или беспощадно осмеивало и порицало» [4, с. 81].

Согласно Исагоге в обязанности эпарха входило рассмотрение жалоб граждан, расследование преступлений как в Константинополе, так и в его окрестностях. По мнению Й. Кодера, даже в ранневизантийский период влияние эпарха распространялось на территории по обе стороны Босфора, во Фракии и в Малой Азии, а в IX–X вв. его власть расширилась на севере до побережья Черного моря, а на юго-западе – до города Абидос в Египте [5, р. 86–87]. Исагога подтвердила, что эпарх сам определяет наказание вплоть до высылки из страны, и его приговоры мог отменить только василевс [12, с. 65]. В одной из своих новелл император Мануил I Комнин (1143–1180) прямо указал, что убийца из любой области должен быть доставлен в суд к императору, а в случае его отсутствия – в соответствии с законом к эпарху, чтобы тот поместил его в тюрьму, подверг телесному наказанию и денежному взысканию и отправил в ссылку в отдаленный регион страны [13, р. 163].

Главной задачей эпарха, согласно Исагоге, оставалось обеспечение порядка в столице. С этой целью в его распоряжении находились воины (*отрати́ται*), которые должны были следить за порядком и докладывать обо всех беспорядках, которые возникали в любой части города¹⁰. В подчинении эпарха находилась городская полиция – таксиоты (*ταξιῶται*), а городская тюрьма располагалась в подвалах его официальной резиденции. Кроме самостоятельных расследований он проводил аресты, ведал казнями на площадях города¹¹. При допросе неизвестных свидетелей преступления к ним разрешалось применять телесные наказания, но только в присутствии эпарха или архонта [14, с. 35]. Все наиболее важные правительственные распоряжения зачитывались эпархом народу на форуме¹².

Среди его помощников, входящих в особый секрет (преторий), был целый ряд должностных лиц, начиная от логофета претория – начальника тюремного ведомства, заканчивая писцами, и за каждым была закреплена определенная функция. По данным источников, в 899 г. в штат эпарха входили должностные лица 14 чинов: симпон (заместитель эпарха), логофет претория (начальник тюремного ведомства), кварталные судьи, надзиратели, начальники отделений в канцеляриях, сотник (начальник военного отряда эпарха), надсмотрщики, экзархи (старшины корпораций), кварталные старосты, юристы (адвокаты, стряпчие), налагатели клейм, простаты (главы низших корпораций), писцы, начальник порта. Также в ведении эпарха находились рассыльные, гонцы и исполнители, не включенные в какой-либо ранг¹³. Й. Кодер разделил чиновников, подконтрольных эпарху, на две группы: в первую входили назначаемые непосредственно эпархом

¹⁰ *Επαναγωγή του νόμου*. Τит. IV. 8 // *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum*. S. 69.

¹¹ Византийская книга эпарха. С. 102.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 104. См. также: [4, с. 88].

либо представленные им императору к назначению (например, симпоны), во вторую – представленные епарху корпорациями и наделенные им контролирующими функциями (например, экзархи) [5, р. 89, 91]. Многочисленность аппарата главы Константинополя объясняется обширным кругом его обязанностей: с одной стороны, он надзирал за внешним состоянием столицы (чистота, благоустройство, украшение во время праздников и т. п.), с другой – за благополучием внутри нее, т. е. за поведением, нравами и даже настроениями горожан.

Так, из Исагоги мы узнаем, что епарх следил за надлежащим выполнением опекунами над сиротами своих обязанностей, за тем, чтобы бывшие хозяева не обижали своих вольноотпущенников – прежних рабов (и наоборот, чтобы последние заботились о своих патронах в случае их немощи), чтобы рабыни не занимались проституцией и т. п. Епарх мог запретить человеку временно или постоянно находиться в Константинополе или в любой его части, заниматься там торговлей, посещать рынки, быть судьей или адвокатом на форуме¹⁴. Он должен был заботиться о порядке в городе, о его чистоте, украшении по случаю торжеств и церемоний, которых в Константинополе было очень много, в основном во время религиозных праздников. Поскольку в большинстве церемоний участвовал василевс, епарх должен был внимательно следить за улицами, по которым двигалась высочайшая процессия. В некоторых выходах он сам принимал непосредственное участие, выезжая в особом одеянии, сидя в колеснице на белом коне¹⁵.

Церемонии сопровождали епарха, начиная с его введения в должность, в ходе которого сначала во дворце в присутствии василевса и высших государственных чиновников зачитывался акт о пожаловании избранному лицу власти главы города. После этого новый епарх обращался к присутствующим с речью о должном выполнении своих обязанностей, затем процессия двигалась в храм святой Софии, где патриарх совершал молитву; наконец, вступивший в должность епарх отправлялся в свой секрет (преторий) в сопровождении служащих своего ведомства и горожан и там принимал поздравления [4, с. 81–83]. Отметим, что со сменой епарха штат его работников, как правило, не менялся.

Должность епарха, назначаемого лично императором из числа именитых и верных ему людей, занимали чиновники, обладающие высокими титулами. Немало имен епархов XI–XII вв. сообщают их сохранившиеся печати, на которых иногда приведены только личные имена владельцев, иногда – личные и родовые, в сочетании с указаниями на титул и должность [15, с. 62; 6, р. 426–427]. Человек мог получить высокий сан, уже будучи утвержденным на должность епарха. Подтвердить выбор кандидатуры епарха, сделанный василевсом, должен был сенат.

Профессор Ф. И. Успенский привел такой эпизод: император Юстин (518–522) заявил сенату, что не может улучшить судебную систему из-за

¹⁴ *Επιταγή του νόμου*. Tit. IV. 9 // *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum*. S. 69.

¹⁵ *Византийская книга епарха*. С. 103.

«алчности и подкупности чиновников» и что устал принимать карательные меры и «желает отказаться от власти». Один из присутствующих сановников выкрикнул: «Государь! Выбери меня в эпархи города, разреши никому не давать пощады... и я заявляю, что не пройдет и 30 дней, как не будет ни обижающего, ни обиженного. Если же кто скажет, что дело было у меня и я его не рассмотрел, отвечу головой». Юстин назначил его эпархом, и сановник сдержал свое слово, за что был введен в сан патрикия и назначен пожизненным эпархом [4, с. 85–86].

Из приведенного примера видно, что срок полномочий эпарха Константинополя не был строго определен: если в древнем Риме, как отмечалось, префект избирался на год, то в Константинополе он мог быть назначен пожизненно, если, конечно, василевс не захочет в силу разных причин сместить его. Одной из причин недовольства главы государства могла быть связь эпарха с заговорщиками против него или то, что он знал, что последние готовятся к свержению императора, но не сообщил об этом. Византийский историк XI в. Михаил Атталиат описал заговор против императора Константина Дуки (1059–1067) в 1060 г., о котором знал градоначальник. И хотя эпарх «...проследовал во дворец с таким видом, будто совершил нечто выдающееся, подавив мятеж, там с него сняли парадный пояс вместе со знаками отличия», он был осужден и приговорен к изгнанию и конфискации имущества [16, р. 137–139].

Описанный Атталиатом случай скорее исключение, чем правило. Эпархи часто предотвращали заговоры, а если это не удавалось, то участвовали в подавлении бунта и наказании бунтовщиков, иногда страдая от их действий. Так, еще в 532 г. во время восстания Ника, поводом для которого стала казнь по приказу эпарха трех человек, замешанных в беспорядках, был разрушен преторий, сожжены налоговые списки, захвачена тюрьма и выпущены на свободу заключенные [4, с. 85]. В основном градоначальнику удавалось не доводить столицу до кровавых противостояний.

Свою самую важную функцию – судебную – эпарх выполнял должным образом. Помимо суда по политическим делам (заговоры против жизни василевса, бунт, политические доносы и т. п.), по делам о нарушении общественного порядка, он разбирал любое нарушение прав горожан (например, искал виноватых в подорожании хлеба или росте налогов, чтобы предотвратить беспорядки) [4, с. 87]. Все судебные дела непосредственно сам эпарх не рассматривал, в его ведомство – секрет (преторий) входили судьи, решавшие дела, вероятно, по районам Константинополя, эпарх для них был высшей инстанцией, хотя его решение могло быть обжаловано в императорском суде. Так, судья высшего императорского суда магистр Евстафий Ромей в XI в., пересматривая дело, решенное эпархом, говорил, что ни один судья не должен следовать неправильным решениям даже самых прославленных эпархов, поскольку следует судить не по примеру, а по закону [17, S. 516–517]. Впрочем, если апелляция была подана не сразу или речь шла о торговцах-мошенниках, то решение эпарха обжалованию не подлежало [17, S. 632–633, 1106].

Помимо суда в ведении эпарха находилась без преувеличения вся экономика Константинополя, все регулирование хозяйственной жизни столи-

цы. Он считался «отцом города» (*πατήρ της πόλεως*). Снабжение Константинополя, города с колоссальным для того времени населением (в X в. там проживали свыше ста тысяч человек), было сложным делом. При недостатке продовольствия или дороговизне обычно начинались народные волнения. Поэтому в функции эпарха входили контроль за подвозом в столицу зерна, скота, рыбы и установление «справедливой цены», о чем свидетельствует составленная в начале X в. «Книга эпарха»¹⁶. Благодаря этому собранию законов и постановлений, предназначенных для Константинополя, мы не только знаем, какие цеховые гильдии существовали в столице, как они работали, но и можем более подробно изучить образ жизни градоначальника.

Известно, что по закону 391 г. префекту (эпарху) подчинялись все торгово-ремесленные корпорации города. Он следил за выполнением правил, как общих для всех ремесленников, так и особенных для определенных групп [5, р. 87–88]. Из «Книги эпарха» мы знаем, что в его ведении находились нотариусы (табуллярии)¹⁷, заверявшие все сделки горожан и фактически охранявшие их право собственности. Эпарх должен был следить за денежным обращением в столице, преследовать виновных в подделке и порче монеты. Трапезиты (по сути банкиры) также находились в его ведении. Они не должны были «...совершать ничего противозаконного: ни соскабливать или подрезать номисмы и милиарисии, ни выпускать фальшивой монеты. Если же кто будет уличен в нарушении этого, он будет наказан отсечением руки»¹⁸. Эпарх следил за соблюдением установленных правил торговли¹⁹, за строгим соответствием веса товара его цене, за тем, чтобы продавцы не обманывали покупателей, уплативших задаток²⁰. В функции эпарха входило и наблюдение за иностранцами. В этой связи особого внимания заслуживали торговцы шелковыми тканями: «Кто без разрешения эпарха будет продавать товар чужеземцам, подвергнется конфискации». Запрет налагался на торговлю людьми, связанными с производством шелка: «Кто продаст иногородним или иностранцам ойкета или мистота (*наемного работника*), или эклекта (*ученика*), будет лишен руки»²¹. Тем самым закон предотвращал возможную выдачу секретов изготовления раритетных тканей.

Для обеспечения спокойствия в столице «эпарх города не должен разрешать лицам, приезжающим из других городов с различными товарами, оставаться в столице более чем три месяца, но должен распорядиться, чтобы они в этот срок успели и продать привезенные ими товары, и купить необходимые им, и уехать домой»²².

¹⁶ См.: Книга эпарха, гл. XV, 5; гл. XVI, 3; гл. XVIII, 1, 4 // Византийская книга эпарха. С. 65–67.

¹⁷ Книга эпарха, гл. I // Там же. С. 45–50.

¹⁸ Книга эпарха, гл. III // Там же. С. 51–52.

¹⁹ См., например: Книга эпарха, гл. II, V, VII // Там же. С. 50–57.

²⁰ Книга эпарха гл. IX, 2 // Там же. С. 59.

²¹ Книга эпарха, гл. VI–VIII, 7 // Там же. С. 54–58.

²² Книга эпарха, гл. XX, 2 // Там же. С. 68.

Отметим, что эпарх заботился о комфорте жителей, о благоприятной городской среде. Так, торговцы благовониями не должны были выставлять «...дурно пахнувший товар, ибо не подобает объединять зловоние с благовонием», кроме того, они должны были размещать прилавки с пряностями и благовониями рядами от чтимой иконы Христа, что на Халке, вплоть до Милия, с тою целью, чтобы благовония возносились, как это причастствует иконе, а также на услаждение императорских дворцов²³. С этой же целью, вероятно, запрещалось рыботорговцам коптить рыбу²⁴, продавать ее нужно было свежей и тоже в строго определенном месте. Свое место для торговли было и у мясников (свиноторговцев²⁵). Кстати, мясо можно было продавать только до начала великого поста²⁶. Законодательство, за исполнением которого следило ведомство эпарха, предписывало: «По большим праздникам и по воскресеньям не разрешалось открывать свои заведения и продавать вино и закуски до второго часа дня» владельцам питейных заведений – корчмарям, а по ночам, с наступлением второго часа ночи, кабаки нужно закрывать и гасить огонь, чтобы тем, «...которые весь день сидят в кабаках, не было разрешено приходить туда же и ночью и чтобы в пьяном виде они не устраивали драк, насилий и всякого безобразия»²⁷.

Большое внимание эпарх уделял пожарной безопасности города. Так, пекари (хлебопеки) «...должны располагать свои хлебопекарни в безопасных местах, не находящихся под жилыми помещениями. Однако и сами обыватели должны хранить в просторных местах или в специально приспособленных [помещениях] сено, хворост, папирус, чтобы при наличии подобного легковоспламеняющегося материала не возникли в городе пожары»²⁸. Таким образом, в ведении и под надзором эпарха действительно находилась вся жизнь Константинополя.

К XII веку глава столицы начал утрачивать свое влияние. В палеологовский период византийской истории (1261–1453) должность эпарха превратилась просто в титул; и первый человек после императора согласно византийской «Табели о рангах XIV века» обозначался как 23-й чин (из 80) и относился уже не к первому, а к третьему сановному рангу, не имеющему особых обязанностей во дворце [18, с. 297]. Причины такой утраты, на наш взгляд, следующие: 1) сужение границ империи; 2) сокращение объемов торговли; 3) с одной стороны, сокращение числа иностранных купцов, с другой – дарование привилегий оставшимся; 4) уменьшение количества сделок из-за снижения численности населения; 5) уменьшение судебных полномочий эпарха, в том числе из-за появления так называемых «вселенских судей»; 6) усиление власти императора и переход к нему или его при-

²³ Книга эпарха, гл. X, 1 // Там же. С. 60.

²⁴ Книга эпарха, гл. XVII, 2 // Там же. С. 66.

²⁵ Книга эпарха, гл. XVI // Там же. С. 65–66.

²⁶ Книга эпарха, гл. XV, 5 // Там же. С. 65.

²⁷ Книга эпарха, гл. XIX // Там же. С. 67–68.

²⁸ Книга эпарха, гл. XVIII, 3 // Там же. С. 67.

ближенным некоторым функций, которые раньше выполнял епарх. Несмотря на это вплоть до гибели империи в XV в. епарх города с подчиненным ему ведомством оставался, по словам профессора Ф. И. Успенского, чуть ли не единственным учреждением, пережившим все потрясения [4, с. 79].

Обсуждение и заключение

Таким образом, появившись в IV в., должность епарха – главы Константинополя включала выполнение следующих обязанностей: 1) забота о благосостоянии столицы, ее благоустройстве, снабжении продовольствием и украшении во время празднеств; 2) охрана общественного порядка и обеспечение безопасности в городе; 3) осуществление суда над нарушителями порядка и безопасности, приведение в исполнение вынесенного наказания; 4) контроль состояния столичной экономики, деятельности ремесленных и торговых корпораций, соблюдения ими предписанных правил.

Функции епарха не зависели от самого лица, занимавшего эту должность, но эволюционировали со временем. Если первоначально епарх должен был осуществлять надзор за порядком и безопасностью столицы, то позднее он превратился в настоящего отца города, следившего за всем, начиная от соблюдения правил торговли и заканчивая рассмотрением судебных споров горожан. Различные перипетии, охватывавшие столицу, не повлияли на статус градоначальника, скорее наоборот: он укрепил свои позиции, сохранил и упрочил свою власть, каждый раз доказывая, что стабильное существование империи зависит от стабильности каждого властного института. Если то или иное лицо будет четко знать и добросовестно исполнять свои обязанности, то и в государстве установится порядок. Опыт Византии, политико-правовую историю которой еще предстоит переосмыслить, является примером этого.

Список источников

1. Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина : в 2 кн. Кн. I. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004. 448 с. ISBN: 5-89740-107-4.
2. Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 226 с. ISBN: 978-5-288-04544-8.
3. Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб. : Алетейя, 2001. 576 с. ISBN: 5-89329-426-2.
4. Успенский Ф. И. Константинопольский епарх // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. 4, вып. 2. София : Державна печатница, 1899. С. 79–104.
5. Koder J. The authority of the eparchos in the markets of Constantinople (according to the Book of the eparch) // Authority in Byzantium / ed. P. Armstrong. London : Publications of the Centre for Hellenic studies, King's College London, 2016. P. 83–108. ISBN: 9781315261942.

6. Mavridis D. G., Vatalis K. I. Best and bad practices – the imperial guilds of Constantinople // *Procedia Economics and Finance*. 2014. Vol. 14. P. 425–434. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00731-X.
7. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М. : Юрид. лит., 1989. 448 с.
8. Дементьева В. В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 2004. 248 с. ISBN: 5-8397-0333-8.
9. Маркин А. Н. Институт префектуры и охрана правопорядка в Римской империи // *Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2009. Вып. 2. С. 31–44.
10. Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 576 с. ISBN: 5-85880-591-4.
11. Сахаров С. А. Префект Города в системе власти и управления Поздней Римской империи // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология*. 2016. № 8 (229). С. 33–37.
12. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. СПб. : Алетея, 1997. 256 с. ISBN: 5-89329-031-3.
13. Macrides R. J. Justice under Manuel I Komnenos: four novels on court business and murder // *Kinship and Justice in Byzantium, 11th–15th Centuries*. Variorum, 1999. P. 99–204. ISBN: 0860787990.
14. Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1981. 246 с.
15. Шандровская В. С. Эпархии Константинополя XI–XII вв. (По данным печатей Эрмитажа) // *Античная древность и средние века*. Вып. 26. Барнаул : День, 1992. С. 62–77.
16. Attaleiates M. The history / transl. by A. Kaldellis, D. Krallis. Harvard University Press, 2012. 636 p. ISSN: 2643-3761.
17. Simon D. R., Reinsch D. R. Ἡ Πείρα – Die Peira. Ein juristisches Lehrbuch des 11. Jahrhunderts aus Konstantinopel. Text, Übersetzung, Kommentar, Glossar. Berlin : Walter de Gruyter, 2023. 1246 S. ISBN: 311078629X.
18. Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в: «театр власти». Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 334 с. ISBN: 978-5-7996-0644-2.

References

1. Skabalanovich, N. A. *[The Byzantine State and the Church in the XI century: From the death of Basil II the Bulgar Slayer to the accession of Alexei I Komnenos]*. In 2 b. В. 1. St. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko; 2004. 448 p. (In Russ.)

2. Valdenberg, V. E. [*The state structure of Byzantium until the end of the 7th century*]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University; 2008. 226 p. (In Russ.)
3. Medvedev, I. P. [*The legal culture of the Byzantine Empire*]. St. Petersburg: Aletejya; 2001. 576 p. (In Russ.)
4. Uspensky, F. I. [The eparch of Constantinople]. *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole = [Proceedings of the Russian Archaeological Institute in Constantinople]*. Vol. IV, issue 2. Sofiya: Derzhavna pechatnitsa; 1899. Pp. 79–104. (In Russ.)
5. Koder, J. The authority of the eparchos in the markets of Constantinople (according to the Book of the eparch). In: P. Armstrong, ed. *Authority in Byzantium*. London: Publications of the Centre for Hellenic studies, King's College London; 2016. Pp. 83–108.
6. Mavridis, D. G., Vatalis, K. I. Best and bad practices – the imperial guilds of Constantinople. *Procedia Economics and Finance*. 2014;(14):425-434.
7. Bartoshek, M. [*Roman law: concepts, terms, definitions*]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1989. 448 p. (In Russ.)
8. Demytyeva, V. V. [*The state and legal structure of ancient Rome: the early monarchy and the Republic*]. Yaroslavl: Yaroslavl State University; 2004. 248 p. (In Russ.)
9. Markin, A. N. The Prefecture and the maintenance of law and order in the Roman Empire. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2009;(2):31-44. (In Russ.)
10. Jones, A. H. M. [*The Decline of the Ancient World*]. Rostov-on-Don: Feniks; 1997. 576 p. (In Russ.)
11. Sakharov, S. A. [Prefect of the City in the power system and management the Late Roman Empire]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya = [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History and Political Science]*. 2016;(8):33-37. (In Russ.)
12. Litavrin, G. G. [*How the Byzantines lived*]. St. Petersburg: Aletejya; 1997. 256 p. (In Russ.) ISBN: 5-89329-031-3.
13. Macrides, R. J. Justice under Manuel I Komnenos: four novels on Court business and murder. *Kinship and Justice in Byzantium, XI–XII centuries*. Variorum; 1999. Pp. 99–204. ISBN: 0860787990.
14. Lipshits, E. E. [*Legislation and jurisprudence in Byzantium in the IX–XI centuries*]. Leningrad: Nauka. Leningrad division; 1981. 246 p. (In Russ.)
15. Shandrovszkaya, V. C. [Eparchs of Constantinople of the XI–XII centuries (According to the seals of the Hermitage)]. [*Ancient antiquity and the middle ages*]. Issue 26. Barnaul: Den'; 1992. Pp. 62–77. (In Russ.)
16. Attaleiates, M. *The history*. Transl. by A. Kaldellis, D. Krallis. Harvard University Press; 2012. 636 p. ISSN: 2643-3761.

17. Simon, D. R., Reinsch, D. R. *Ἡ Πείρα – Die Peira. Ein juristisches Lehrbuch des 11. Jahrhunderts aus Konstantinopel*. Text, Übersetzung, Kommentar, Glossar. Berlin: Walter de Gruyter; 2023. 1246 S. ISBN: 311078629X.
18. Polyakovskaya, M. A. *[The 14th century byzantine palace ceremonial: “the theater of power”]*. Yekaterinburg: Publishing House of Ural State University; 2011. 334 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7996-0644-2.

Информация об авторе / Information about the author

Костогрызова Любовь Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Российская Федерация, 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21).

Lyubov Yu. Kostogryzova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the History of State and Law Department, Yakovlev Ural State Law University (21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.06.2024; одобрена после рецензирования 18.06.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 12.06.2024; approved after reviewing 18.06.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 347.9

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.49-61

Судопроизводство по делам о защите авторского права на произведения соцреализма (1921–1941 годы)

Олина Игоревна Филонова

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
filonova2006@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3077-7534>

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию советского историко-правового опыта рассмотрения и разрешения дел, вытекавших из авторского права, в период от перехода к Новой экономической политике до начала Великой Отечественной войны.

Теоретические основы. Методы. Исследование проводилось по материалам судебной практики на примере защиты авторского права в отношении объектов соцреализма, на основе принципов объективности и историзма, сравнительно-исторического и формально-юридического методов исследования.

Результаты исследования. Прослеживается изменение законодательства об авторском праве, анализируются нормы процессуального права, регулировавшие судопроизводство по данной категории дел, выявляется роль Верховного Суда РСФСР в толковании процессуальных норм. На основе анализа материалов судебной практики выявлены особенности гражданского процесса при рассмотрении и разрешении споров, вытекавших из авторского права, в советский период: в субъектном составе (истец мог предъявить иск любому, кого считал ответственным перед собой; правом подачи иска по сделке, связанной с авторским правом, обладала не только сторона, участвовавшая в сделке), в вопросах доказывания и доказательств (суды устанавливали такие факты, как авторство произведения, его характер (служебное или творческое), наличие договора, кто выступал инициатором его заключения (автор или заказчик), и другие обстоятельства, имевшие значение для дела). Суд мог привлекать экспертов, однако не был связан их мнением.

Обсуждение и заключение. Несмотря на значительную роль Советского государства в сфере авторского права (государственное ценообразование авторских гонораров, доминирование госиздатов), наблюдалось стремление к защите авторских прав. Законодательно авторы наделялись как имущественными, так и личными правами, что позволяло им требовать не только авторского гонорара, денежной компенсации, но и защиты своей репутации и авторства. Суды

стремились найти баланс между интересами автора и иных лиц с учетом специфики советской экономики и идеологических установок.

Ключевые слова: авторское право, объект интеллектуальной собственности, гражданский процесс, судопроизводство, суд, экспертиза, соцреализм

Для цитирования: Филонова О. И. Судопроизводство по делам о защите авторского права на произведения соцреализма (1921–1941 годы) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 49–61. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.49-61.

Original article

Legal Proceedings on Cases of Copyright Protection for Works of Socialist Realism (1921–1941)

Olina I. Filonova

*North-West Branch, Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation
filonova2006@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3077-7534>*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the problem of judicial protection of copyright. The purpose of the work is to study the Soviet historical and legal experience of consideration and resolution of cases arising from copyright, in the period from the transition to the new economic policy to the beginning of the Great Patriotic War.

Theoretical Basis. Methods. The study was conducted on the materials of judicial practice on the example of copyright protection in relation to objects of socialist realism, based on the principles of objectivity and historicism, comparative historical and formal legal research methods.

Results. The article traces the change in copyright legislation, analyzes the rules of procedural law regulating legal proceedings in this category of cases, reveals the role of the Supreme Court of the RSFSR in the interpretation of procedural rules. Based on the analysis of judicial practice, the following features of the civil process are revealed in the consideration and resolution of disputes arising from copyright in the Soviet period: in the composition of the subjects (the plaintiff could file a claim against anyone whom he considered liable to him; the right to file a claim under a transaction related to copyright was possessed not only by the party participating in the transaction), in matters of proof and evidence (the courts established such facts as the authorship of the work, its nature (official or creative), the existence of a contract, who initiated its conclusion (the author or the customer), and other circumstances that were important for the case). The court could involve experts, but was not bound by their opinion.

Discussion and Conclusion. Despite the significant role of the Soviet state in the sphere of copyright (state pricing of royalties, dominance of state publishing houses), there was a desire to protect copyright. Authors were legally endowed with both property and personal rights, which allowed them to demand not only royalties and monetary compensation, but also protection of their reputation and authorship. The courts sought to find a balance between the interests of the author and other persons, taking into account the specifics of the Soviet economy and ideological principles.

Keywords: copyright, intellectual property object, civil procedure, legal proceedings, court, expertise, socialist realism

For citation: Filonova, O. I. Legal proceedings on cases of copyright protection for works of socialist realism (1921–1941). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):49-61. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.49-61.

Институт судебной защиты авторского права получил серьезное развитие в России. Ян Годермарский, анализируя модели авторского права применительно к международному частному праву, указывает, что Россия – одна из немногих стран, которая применяет принцип *lex originis* и вырабатывает передовую судебную практику [1, с. 213]. Тема защиты авторского права остается актуальной, требующей научной разработки, в том числе и в историко-правовом аспекте. Советское авторское право как институт материального права и сегодня является предметом исследования [2; 3; 4]. Ученые обращают внимание на особенности авторского права в первые десятилетия Советской власти, связанные с монополизацией и национализацией произведений, со специфичностью подхода к институту наследования произведений [3, с. 68; 4, с. 144].

По мнению Е. А. Боголюбова и М. С. Поваренкиной, «сильное влияние советского периода на современные отношения по поводу использования произведений нельзя отрицать» (речь идет о менталитете населения, допускающего возможность не платить за использование произведений) [2, с. 151]. Вместе с тем советское судопроизводство по искам, вытекающим из авторского права, не получило достаточного внимания исследователей. В рассматриваемый период искусство, связанное с государственным заказом, являлось частью государственной политики, направленной на построение определенного образа общества [5, с. 252]. Поэтому представляется интересным обратиться к историческому опыту судопроизводства по делам, связанным с авторским правом, в том числе в отношении характерных для советского периода объектов интеллектуальной собственности – произведений соцреализма.

Несмотря на специфику института советского авторского права (приоритет государственных издательств, государственное ценообразование авторских гонораров), анализ развития законодательства об авторском праве все же свидетельствует о стремлении государственной власти к совершенствованию механизма судебной защиты авторского права для возможно более полной его реализации [6, с. 117].

Дела по искам, вытекавшим из авторского права, в рассматриваемый период были подсудны губернскому суду (или соответствующему ему) по гражданскому отделению (п. «г» ст. 23 Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 10 июля 1923 г.¹ (далее – ГПК РСФСР 1923 г.).

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом / сост. Председатель Гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР С. В. Александровский ; предисл. Я. Н. Бранденбургского. М. : Юрид. изд-во НКЮ, 1925. 453 с.

В рамках обсуждения проекта ГПК РСФСР 1923 г. авторами «Еженедельника советской юстиции» даже предлагалось создать специализированный суд («литературную камеру»), куда бы входили литераторы и иные специалисты, поскольку «предоставить разрешение весьма деликатных вопросов авторского права компетенции рядового народного судьи, в особенности вопросов запутанных, не представляется целесообразным» [7, с. 8]. Такой суд не был создан, но очевидно, что специфика дел, вытекавших из авторского права, была учтена при разработке ГПК РСФСР 1923 г.², и данная категория дел была отнесена к подсудности губернского суда. Кассационной инстанцией для дел по искам об авторском праве являлась Гражданская кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР (далее – ГКК ВС РСФСР).

Указанные нормы о подсудности сохранились в дальнейшем, несмотря на тенденцию расширения подсудности народного суда в русле идеи о приближении суда к населению: Коллегия Народного комиссариата юстиции РСФСР (далее – НКЮ РСФСР) 25 ноября 1926 г. признала принципиально необходимым пересмотреть вопрос о подсудности народного суда в направлении ее расширения³, но это не коснулось споров, вытекавших из авторского права.

Губернский суд приступал к рассмотрению дела по заявлению заинтересованной стороны (ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г.); согласно разъяснению ГКК ВС РСФСР истец мог предъявить иск любому, кого считал ответственным перед собой. Кроме того, правом подачи иска по сделке, связанной с авторским правом, обладала не только сторона, участвовавшая в сделке.

Институт авторского права в РСФСР регламентировался совместным Декретом ВЦИК и СНК РСФСР «Об авторском праве»⁴ от 11 октября 1926 г. и Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об авторском праве»⁵ от 8 октября 1928 г. (основанными соответственно на Постановлении ЦИК и СНК СССР от 30 января 1925 г. «Об основах авторского права»⁶ и Постановлении ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. «Основы авторского права»⁷). Убытки, причиненные нарушением авторского права, подлежали возмещению по пра-

² Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским процессуальным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

³ Протокол заседания коллегии Народного комиссариата юстиции РСФСР от 25 ноября 1926 г. // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 353. Оп. 10. Д. 3. Л. 249.

⁴ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 11 октября 1926 г. «Об авторском праве» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 72. Ст. 567.

⁵ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. «Об авторском праве» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 132. Ст. 861.

⁶ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16 мая 1928 г. «Основы авторского права» // Собрание законодательства СССР. 1928. № 27. Ст. 246.

⁷ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 января 1925 г. «Об основах авторского права» // Собрание законодательства СССР. 1925. № 7. Ст. 67.

вилам главы XIII раздела «Обязательственное право» Гражданского кодекса РСФСР⁸: автор мог требовать уплаты авторского гонорара вместо возмещения убытков, размер которого рассчитывался согласно ставкам, установленным Народным комиссариатом просвещения РСФСР. Установление государством тарифов авторских гонораров началось с переходом к советской государственности [2, с. 151].

Согласно Постановлению «Об авторском праве» 1928 г. автор получал право на возмещение убытков от нарушения авторских прав (или выплату гонорара) и в том случае, если убытки не могли быть обоснованы (ст. 10 Постановления). Независимо от возмещения убытков автор был вправе требовать совершения необходимых действий для удовлетворения его нарушенных законных интересов, а также мог защищать личные неимущественные права и в тех случаях, когда нарушение не повлекло имущественного ущерба (ст. 11 Постановления).

Как указывалось на страницах «Еженедельника советской юстиции», законодательство в сфере авторского права 1928 г. защищало не только имущественный, но и «моральный» интерес автора, в частности, автор мог просить суд обязать нарушителя авторского права разместить в печати объявление о присвоении или искажении произведения [8, с. 1142].

Доминирующим направлением развития литературы и искусства в РСФСР (как и в других социалистических республиках) являлся социалистический реализм, исходивший из воспитания граждан в духе социализма как основной задачи художественного произведения.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Ленинградского городского суда в мае 1940 г. рассмотрела и разрешила дело по иску Управления по охране авторских прав к киностудии «Советская Беларусь» о взыскании 7500 руб. Согласно исковому заявлению от 5 января 1939 г. по договору от 29 января 1938 г. ответчик – Киностудия – поручил авторам П. и Р. написать сценарий для полнометражной художественной звуковой картины на колхозную тему под условным названием «Земля советская». Сценарий должен был быть разработан в соответствии с договором; срок сдачи сценария – до 15 марта 1938 г.; сумма по договору составила 30 000 руб. – четыре платежа по 7500 руб. Согласно договору Киностудия имела право дважды дать авторам указания в письменном виде по внесению поправок и исправлений в сценарий. Авторы получили аванс 7500 руб., а после сдачи второго и третьего (17 июня) вариантов сценария авторы получили еще два платежа по 7500 руб. В августе П. и Р. были командированы в Белорусскую Советскую Социалистическую Республику для ознакомления с льноводческими колхозами и доработки сценария. По возвращении они сдали окончательный вариант. В «Красной газете» было опубликовано сообщение о том, что сценарий утвержден Комитетом по делам кинематографии и скоро «...студия начнет съемку картины о борьбе белорусского колхоза за урожайность и зажиточную жизнь»

⁸ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

по сценарию П. и Р. Таким образом, авторам оставалось получить последние 7500 руб. Однако 11 декабря авторы получили письмо, в котором сообщалось, что Киностудия, детально изучив сценарий, отклонила его и прекратила дальнейшую работу⁹.

В качестве доказательств истцом – Управлением по охране авторских прав – были предоставлены: рукопись сценария, договор П. и Р. с Киностудией, командировочные удостоверения, протокол заседания сценарного отдела Киностудии с заключением о переработке последней версии сценария, положительное заключение по сценарию киностудии «Советская Беларусь». К материалам судебного дела также было приобщено отрицательное заключение редактора (декабрь 1938 г.) с мотивировкой: «Ввиду наличия больших политических ошибок, сценарий необходимо отклонить», «сценарий не содействует усилению бдительности»¹⁰. В заключении эксперта Ленинградского отделения Союза советских писателей СССР от 20 марта 1940 г. содержался вывод о том, что, несомненно, авторы сценария, проделавшие большую работу, вполне основательно претендуют на компенсацию своего литературного творческого труда¹¹. Ленинградский городской суд по гражданской коллегии решением от 21 мая 1940 г. удовлетворил иск Управления по охране авторских прав, обязав Киностудию выплатить авторам оставшиеся 7500 руб. в качестве компенсации. Кроме того, суд постановил взыскать с Киностудии в пользу Управления 375 руб. и госпошлину¹².

Таким образом, в данном деле, несмотря на то, что Киностудия указала на большие политические ошибки в сценарии, послужившие причиной отклонения рукописи, суд акцентировал внимание на договорных отношениях, связанных с авторским правом, и не стал оценивать содержание самого произведения с точки зрения идеологии. Суд исходил из того, что Киностудия нарушила свои договорные обязательства перед авторами, отказавшись выплатить согласованный в договоре авторский гонорар, и признал право авторов на компенсацию за проделанную работу (вероятно, с учетом того, что первые варианты сценария получили одобрение и поддержку в виде командировки), даже когда сценарий не был использован. Суд при вынесении решения в данном деле учел мнение эксперта Ленинградского отделения Союза советских писателей о том, что авторы, выполнившие большой объем работы, имели основание требовать компенсации за свой литературный творческий труд.

В Ленинградском городском суде в августе 1940 г. – январе 1941 г. рассматривалось дело по иску художников, являвшихся авторами скульптуры «Рабочий

⁹ Дело по иску Управления по охране авторских прав к киностудии «Советская Беларусь» // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8131. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–2.

¹⁰ ЦГА СПб. Л. 28–29.

¹¹ Там же. Л. 91.

¹² Там же. Л. 196.

Рис. 1. Скульптура «Тракторист и колхозница» (авторы Р. Н. Будилов и А. А. Стрекавин; 1939–1940 гг., Москва, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка)¹⁵

и колхозница»¹³ – визитной карточки Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве в 1939–1940 гг. (художник-скульптор орденоносец Будилов Рафаил Нахимович и художник-скульптор орденоносец Стрекавин Александр Алексеевич) к Ленинградской артели «Ленэмальер».

Как утверждали истцы, Артель в течение полутора лет в нарушение их авторских прав производила и реализовывала жетоны с эмблемой, изображавшей данную скульптуру. Скульптура «Рабочий и колхозница» размещалась на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве и оформляла главный вход выставки. Художники просили суд взыскать с ответчика установленный Постановлением СНК РСФСР от 15 января 1929 г. авторский гонорар в сумме 5% от общей стоимости выпущенных товаров. К иску были приложены фотография скульптуры, образец знака, а также справка об авторстве. Количество и сумму выпущенных жетонов авторы просили установить путем бухгалтерской экспертизы при их участии¹⁴.

Заключением бухгалтерской экспертизы было установлено, что Артель произвела 1 073 923 значка с изображением скульптуры «Рабочий и колхозница» на общую сумму 1 609 995 руб. Вопросы о том, являются ли значки подлежащими оплате авторским гонораром, бухгалтерская экспертиза не касалась. Артель просила привлечь к участию в деле в качестве соответчика Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве. Экспертиза подтвердила, что заказ на изготовление значков Артель получила от Выставки. В деле были представлены доказательства того, что заместитель начальника отдела торговли промтоварами Наркомторга СССР народный комиссар торговли предписал дать «Ленэмальеру» заказ на изготовление специального значка Всесоюзной сельскохозяйственной выставки на 400 000 руб. Телеграмма, направленная от представителя Выставки Цетлина, свидетельствовала об огромном спросе на значки и необходимости увеличения их выпуска до 15 000 штук в день. Справка Ленинградского Союза художников подтверждала, что Р. Н. Будилов

¹³ В литературе скульптура называется «Тракторист и колхозница» (тракторист – рабочий машинно-тракторной станции, не входившей в состав колхоза), но в материалах судебного дела, находящегося в архиве, название скульптуры – «Рабочий и колхозница».

¹⁴ Дело по иску художников к Ленинградской артели «Ленэмальер» о взыскании авторского гонорара // ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 2. Д. 23. Л. 5, 141.

¹⁵ Фотография с сайта проекта «История России в фотографиях». URL: <https://russiainphoto.ru/photos/72989/> (дата обращения: 25.08.2024).

и А. А. Стрекавин – авторы скульптурной группы «Рабочий и колхозница», являющейся эмблемой Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939–1940 гг.¹⁶

Решением гражданской коллегии Ленинградского городского суда художникам в иске было отказано; мотивировано решение было тем, что цель «Ленэмальера» заключалась в популяризации значения выставки и изображения на значках не может считаться воспроизведением скульптурного творения¹⁷. ГКК ВС РСФСР определением от 28 октября 1940 г. отменила решение Ленгорсуда, поскольку спора об авторстве не имелось, и дело направила в тот же суд на новое рассмотрение иным составом¹⁸. Ленгорсуд 11 января 1941 г. вынес решение в пользу художников о взыскании с Артели 16 000 руб. в качестве авторского гонорара. Артель обжаловала данное решение, но Верховный Суд РСФСР (Судебная коллегия по гражданским делам) своим определением оставил без изменения решение Ленинградского городского суда, посчитав, что оно вынесено в соответствии с материалами дела, с Постановлением СНК РСФСР, Постановлением ЦИК и СНК СССР 1928 г., а доводы Артели, что истцам не полагается авторский гонорар, не являются обоснованными.

Таким образом, суд признал использование изображения скульптуры на массово тиражируемых значках без согласия авторов (художников) очевидным нарушением их авторских прав, тем более что использование изображения скульптуры осуществлялось в том числе с коммерческой целью (продажа значков). Позиция Верховного Суда РСФСР по данному делу состояла в том, что использование изображения произведения искусства даже в измененном виде, даже с целью популяризации советских достижений без согласия автора является нарушением авторского права.

Гражданская коллегия Ленинградского областного суда в 1940 г. рассмотрела дело по иску авторов П. и Г. о взыскании авторского гонорара с Ленинградской Высшей школы Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) по подготовке работников культурно-клубных учреждений профсоюзов. Как указывалось в исковом заявлении, по договору от 16 июля 1938 г. ответчик поручил истцам составление сборника действующих постановлений, относящихся к финансово-хозяйственной деятельности рабочих клубов, на условиях, указанных в договоре; школа имела право на издание рукописи; срок договора – шесть месяцев. Авторы составили сборник и передали ответчику 16 октября 1938 г. рукопись объемом 442 страницы, дополненную алфавитным предметным указателем на 106 страницах. Через три месяца после получения рукописи ответчик уведомил авторов о необходимости сокращения объема сборника. Авторы не согласились с таким решением, считая, что сборник не требует сокращения, и настаивали на полной оплате выполненной работы. Согласно договору авторам полагалось вознаграждение из расчета 300 руб. за

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 2. Д. 23. Л. 9–20, 24, 49.

¹⁷ Там же. Ф. 8134. Оп. 2. Д. 23. Л. 63–64.

¹⁸ Там же. Л. 70.

каждый авторский лист, что в общей сложности составило 5700 руб. за 19 авторских листов. Поскольку истцы уже получили 2250 руб., они просили суд взыскать с ответчика оставшуюся сумму в размере 3450 руб. К исковому заявлению прилагалась копия договора¹⁹.

Ответчик (Ленинградская Высшая школа ВЦСПС) указал, что истцы в исковом заявлении ошибочно утверждают, что инициатива создания сборника исходила от Школы. На самом деле не Школа пригласила авторов, а авторы сами предложили готовую рукопись, ранее отклоненную другим издательством как непригодную к изданию в таком виде. При заключении договора истцы отказались предоставить сборник для ознакомления, предложив лишь учесть замечания рецензентов и завершить работу к 20 февраля или вернуть аванс в 2250 руб.

Гражданская коллегия Леноблсуда направила запрос в Юридический институт с просьбой командировать в суд эксперта по гражданскому делу для определения качества сборника законодательных материалов для работников клубов, а также направила просьбу заместителю директора Дома культуры выступить в качестве эксперта для заключения о доброкачественности работы, выполненной истцами. И Юридический институт, и Дом культуры отказались направлять в суд экспертов из-за большой загруженности. Вместе с тем эксперты все же ознакомились с рукописью и дали заключение. Из заключения эксперта Дома культуры от 20 марта 1940 г. следовало, что к сборнику есть ряд замечаний, но остальной материал в сборнике следует сохранить. Решением суда иск был удовлетворен частично в сумме 2925 руб., со школы было взыскано 300 руб. на вознаграждение эксперта. В мотивировочной части суд согласился с мнением эксперта, что сборник «...является работой очень нужной для каждого клубного работника», но при этом пришел к выводу, что сборник объемом 19 авторских листов подлежит сокращению на 1,75 листа согласно данным экспертизы, поэтому авторский гонорар должен составить 5175 руб. (17,25 листов умножить на 300 руб.), а поскольку истцы уже получили из этой суммы аванс 2250 руб., то к выплате остается 2925 руб.

Таким образом, с целью разрешения данного дела суд назначил экспертизу для оценки качества и требуемого объема сборника, и заключение эксперта (руководителя одного из домов культуры, для работников которых, собственно, и составлялся сборник) было учтено при принятии решения. Суд признал правомерным сокращение объема сборника и обязал школу выплатить оставшуюся сумму гонорара с учетом сокращения объема сборника, определенного экспертом. Данное судебное решение – пример достижения баланса между интересами автора и заказчика при выполнении творческой работы: с одной стороны, суд защищает право автора на получение установленного вознаграждения за свой труд; с другой стороны, учитывает интересы заказчика и признает право на внесе-

¹⁹ Дело по иску о взыскании авторского гонорара с Ленинградской Высшей школы ВЦСПС по подготовке работников культурно-клубных учреждений профсоюзов // ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–5.

ние изменений в работу, если это необходимо для достижения целей заказа.

Следует отметить, что суды не всегда учитывали мнение эксперта при принятии решения, как в вышеприведенном примере.

Согласно ст. 121 ГПК РСФСР 1923 г. суд мог как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе производить необходимые поверочные действия по представленным доказательствам, в том числе посредством вызова эксперта и проверки письменных документов. При этом, как указывалось ГКК ВС РСФСР, мнения экспертов для суда не являлись безусловно обязательными²⁰.

Например, по иску С. к Управлению Государственной хлебной инспекции Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР (Наркомторга СССР) об авторском гонораре за инструкцию в сумме 675 руб. (из расчета 125 руб. за печатный лист) суд первой инстанции не согласился с мнением эксперта и был в этом поддержан Верховным Судом РСФСР. Ответчик поручил истцу, своему специалисту, написать инструкцию-справочник по борьбе с вредителями зерна, пообещав вознаграждение – 150 экземпляров брошюры. Инструкция была составлена С. и издана издательским отделом Наркомторга СССР. Автор утверждал, что созданная им инструкция является результатом творческой деятельности и подлежит защите авторским правом, и требовал выплаты гонорара в соответствии с установленными ставками. Управление считало, что инструкция является ведомственным документом, созданным автором в рамках выполнения служебных обязанностей, поэтому авторские права на нее не возникают, но при этом соглашалось выплатить вознаграждение в виде обещанного количества экземпляров брошюры.

Судом в рамках доказывания требовалось определить природу брошюры – ведомственная инструкция или произведение науки и литературы, охраняемое авторским правом. По мнению эксперта, труд С. являлся скорее научно-популярной брошюрой, чем ведомственной инструкцией. Губернский суд не согласился с мнением эксперта, указав, что инструкции, составленные научно-популярно, не перестают быть инструкциями, а просто лишаются бюрократической сухости²¹. В данном деле суд первой инстанции не согласился с мнением эксперта: суд посчитал, что наличие научно-популярных элементов не меняет сущности брошюры как ведомственной инструкции. Суды первой и кассационной (Верховный Суд РСФСР) инстанций квалифицировали инструкцию как ведомственный документ, а не как произведение науки, литературы или искусства, что исключало применение к ней норм об авторском праве. Суды пришли к выводу, что создание инструкции было частью служебных обязанностей автора, поэтому авторские права на нее не возникли. При этом суды признали

²⁰ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом. С. 212.

²¹ Определение Гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Д. № 3601 // Судебная практика РСФСР. 1929. № 8. С. 7–8.

право автора на вознаграждение, но связали его не с нормами авторского права, а с обещанием работодателя.

В исковом производстве рассматривались также дела, связанные с признанием авторства.

Так, в 1924 г. Ленинградским губернским судом рассматривалось дело по иску Кроля Георгия Александровича к Толстому Алексею Николаевичу о признании права авторства пьесы «Бунт машин» (с приложением текста пьесы)²². Ленинградский губсуд отказал в удовлетворении иска, не рассматривая иностранный элемент правовых отношений [9, с. 168].

В заключение следует отметить, что, несмотря на значительную роль Советского государства в сфере авторского права (государственное ценообразование авторских гонораров, доминирование госиздатов), наблюдалось стремление к защите авторских прав. Законодательно авторы наделялись как имущественными, так и личными правами, что позволяло им требовать не только авторского гонорара, денежной компенсации, но и защиты своей репутации и авторства.

Дела об авторском праве подлежали рассмотрению в губернских, областных судах (или соответствующих им), что свидетельствовало о признании особой значимости вопросов защиты авторского права. При рассмотрении и разрешении дел по искам, вытекавшим из авторского права, суды устанавливали такие факты, как авторство произведения, его характер (служебное или творческое), наличие договора, кто выступал инициатором его заключения (автор или заказчик) и другие обстоятельства, имевшие значение для дела. Произведения, являвшиеся предметом спора (тексты сценария к кинокартине, пьесы, сборника; фото скульптуры, эмблемы и др.), прилагались к материалам судебного дела. Суд мог привлекать экспертов, однако не был связан их мнением. Можно сделать вывод, что суды стремились найти баланс между интересами автора и заказчика (и иных лиц) в условиях специфики советской экономики и доминирования идеологических установок.

Список источников

1. Годермарский Я. Обладатели авторского права, национальный режим и современные тенденции развития в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, no. 1. P. 213–245. (На англ. яз.) DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.213.245.
2. Боголюбов Е. А., Поваренкина М. С. Становление советского авторского права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17, № 1. С. 133–155. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-1-bogoliubov-povarenkina.

²² Гражданское дело по иску Кроля Г. к Толстому А. о признании авторства пьесы «Бунт машин» // ЛОГАВ (Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге). Ф. Р-2205. Оп. 2. Д. 56.

3. Раевская В. А., Оловянникова А. С., Клевцов М. И. Феномен авторского права советского периода // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11 (174). С. 68–70.
4. Верхотуров М. Е. Наследование авторских прав с 1917 г. по 1993 г. // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 132–150.
5. Храмцова Г. Б. Черты монументализма в советском гобелене 60–80-х гг. XX в // Коды. Истории в текстиле : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург, 11 апр. 2024 г. СПб. : С.-Петерб. гос. худож.-промышлен. акад. им. А. Л. Штиглица, 2024. С. 252–262.
6. Филонова О. И. Исковое производство по делам о защите авторского права в период НЭПа // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 114–117.
7. Санчов В. Л. Авторское право и литературная камера // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 9. С. 8.
8. Кишкин С. Авторское право (Новый закон РСФСР) // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 44–45. С. 1141–1144.
9. Вершинин А. П. Гражданское дело «красного графа» // Государство и право. 2023. № 1. С. 168–172.

References

1. Hodermarsky, Ja. Copyright owners, national treatment and current developments in private international law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024;17(1):213-245. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.213.245.
2. Bogolyubov, E. A., Povarenkina, M. S. [Formation of Soviet copyright]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2022;17(1):133-155. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-1-bogolyubov-povarenkina.
3. Raevskaya, V. A., Olovyannikova, A. S., Klevtsov, M. I. [The phenomenon of copyright in the Soviet period]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal = [Eurasian Legal Journal]*. 2022;(11):68-70. (In Russ.)
4. Verkhoturov, M. E. [Inheritance of copyrights from 1917 to 1993]. *Vo-prosy rossijskoj yustitsii = [Issues of Russian Justice]*. 2023;(24):132-150. (In Russ.)
5. Khramtsova, G. B. [Features of monumentalism in Soviet tapestry of the 60–80s of the twentieth century]. *[Codes. Stories in textiles]*. Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, St. Petersburg, April 11, 2024. St. Petersburg: Stieglitz St. Petersburg State Academy of Art and Industry; 2024. Pp. 252–262. (In Russ.)
6. Filonova, O. I. Claim proceedings in cases of copyright protection during of the New Economic Policy period. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal = [Eurasian Legal Journal]*. 2024;(3):114-117. (In Russ.)

7. Sanchov, V. L. [Copyright and the literary chamber]. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii* = [Weekly of Soviet Justice]. 1922;(9):8. (In Russ.)
8. Kishkin, S. [Copyright (New law of the RSFSR)]. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii* = [Weekly of Soviet Justice]. 1928;(44-45):1141-1144. (In Russ.)
9. Vershinin, A. P. [Civil case of the “red count”]. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law]. 2023;(1):168-172. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Филонова Олина Игоревна, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

Olina I. Filonova, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Civil Procedural Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 22.01.2025.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 01.10.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 340.114.5

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.62-75

Формирование правосознания несовершеннолетних посредством детской литературы (по произведениям 1930-х гг.)

Светлана Сергеевна Згоржельская¹,
Наталья Юрьевна Соловьева²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

¹ nirs_raj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2541-2346>

² nayusol@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1385-6919>

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются роль и место литературы в формировании правосознания несовершеннолетних в 1930-х гг., анализируются факторы, оказавшие влияние на формирование воспитательной функции детской литературы, среди которых – состояние уголовного права в данный период.

Методы. В процессе работы над статьей использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение) и специальные методы историко-правовых наук (конкретно-исторический, историко-генетический, историко-сравнительный).

Результаты исследования. Выдвигается гипотеза о возникновении идеологического запроса на создание произведений, формирующих правомерное поведение под влиянием общественных процессов 1930-х гг., исследуется диалектическая связь «формирования-отражения» ужесточения уголовной ответственности несовершеннолетних и идеологически обусловленного изменения содержания детских литературных произведений.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования сформулирован вывод о том, что советская детская литература являлась одним из мощнейших инструментов целенаправленного формирования правосознания, начиная с самого раннего возраста.

Ключевые слова: правосознание, правопонимание, правовое воспитание, средства правового воспитания, формирование правовой психологии, правовое поведение несовершеннолетних, возраст уголовной ответственности

Для цитирования: Згоржельская С. С., Соловьева Н. Ю. Формирование правосознания несовершеннолетних посредством детской литературы (по произведениям 1930-х гг.) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 62–75. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.62-75.

Original article

Formation of Legal Awareness Through Children's Literature (Based on the Works of the 1930s)**Svetlana S. Zgorzhelskaya¹, Natalia Yu. Solovjeva²**^{1, 2} *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation*¹ *nirs_raj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2541-2346>*² *nayusol@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1385-6919>***Abstract**

Introduction. The article examines the role and place of literature in the formation of the legal consciousness of minors in the 1930s, analyzes the factors that influenced the formation of the educational function of children's literature, including an assessment of the development of criminal law in this period.

Methods. In the process of working on the article, general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, generalization) and special methods of historical and legal sciences (specifically historical, historical-genetic, historical-comparative) were used.

Results. The authors hypothesize the emergence of an ideological demand for the creation of works that shape legal behavior under the influence of social processes in the 1930s, and explore the dialectical connection between the "formation-reflection" of the tightening of criminal liability of minors and ideologically conditioned changes in the content of children's literary works.

Discussion and Conclusion. According to the results of the study, the conclusion is formulated that Soviet children's literature was one of the most powerful tools for the purposeful formation of legal awareness, starting from an early age.

Keywords: legal consciousness, legal understanding, legal education, means of legal education, the formation of legal psychology, legal behavior of minors, age of criminal responsibility

For citation: Zgorzhelskaya, S. S., Solovjeva, N. Yu. Formation of legal awareness through children's literature (based on the works of the 1930s.). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):62-75. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.62-75.

Введение

Философская энциклопедия определяет правосознание как «совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным»¹. Одну из сторон правосознания со-

¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ильичев, П. Федосеев, С. Ковалев, В. Панов. М. : Сов. энцикл., 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4701/%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%9E%D0%A1%D0%9E%D0%97%D0%9D%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%95 (дата обращения: 16.01.2024).

ставляют чувства и эмоции индивидуума по отношению к действующему праву, сформированные поведенческие установки и субъективное видение мира. На их основании формируется правовая психология отдельного индивидуума или целой социальной группы.

Формирование правосознания ставит своей целью создание у человека позитивного отношения к правовым установкам. И среди многочисленных инструментов формирования правосознания как элемента правовой культуры одно из важнейших мест занимает литература.

Пропаганда, идеология, целенаправленное правовое воспитание создают правовую информированность, способствуют передаче знаний о праве, однако оценочное восприятие, формирование субъективного суждения и поведенческого элемента лежит скорее в сфере культуры, чем идеологии. Литература в этом аспекте занимает особое место: она способствует воспитанию правовых ценностей, формированию нравственной личности и правового поведения посредством художественного образа. Это важнейшее средство правового воспитания, создающее доступными восприятию каждого возраста средствами правильное понимание правовых норм. Отечественная литература всегда была свойственна четко обозначенная общественная позиция, в том числе и по различным правовым вопросам. И, несомненно, литература как один из носителей политической идеи играет диалектическую роль: с одной стороны, отражает, а с другой – создает правопонимание и правосознание человека.

Таким образом, мы можем определить **цель** данного исследования: анализ роли литературы в формировании правосознания несовершеннолетних. Масштабность подобного исследования заставляет авторов ограничиться определенными временными рамками – 1930-ми гг.

Анализ взаимодействия права и литературы представляется нам сегодня как нельзя более **актуальным**, так как постсоветский период, к сожалению, не выработал для формирования правосознания молодого человека определенных схем и алгоритмов. Таким образом, обращение к истории нашей страны в поиске взаимосвязи художественных произведений и юридических документов может оказаться поучительным и немаловажным для студентов юридических вузов.

Литературный обзор

В современной науке не так много работ, посвященных данной теме. Зачастую рассматривается понятие правопонимания, сформированного в обществе, иногда – правосознание отдельной личности. Подобный подход мы видим в работах А. В. Дербиной [1], которая разводит понятия общественного и индивидуального правосознания. Она считает, что «регулирующее воздействие правосознания обязательно предполагает включенность в данный процесс правовых чувств, настроений и переживаний личности», и вводит понятие «правовое воображение субъектов правотворчества» [1, с. 171]. Исследователь рассматривает правосознание личности не только как социально-правовую, но и как нравственную категорию. Аналогичные взгляды свойственны и другим ученым: М. А. Гусаровой [2], А. С. Бондареву [3], а также Л. К. Манаковой [4] и А. А. Мир-

городскому [5], которые строят свои концепции на понимании правосознания И. А. Ильиным.

Научных исследований, в которых была бы рассмотрена литература через взгляд права или право с точки зрения литературы, тоже немного. Например, в работе И. К. Субботиной и Л. П. Горевой «Формирование правосознания личности на основе произведений русской литературы» рассматривается вопрос о воздействии литературы на формирование правосознания и прямо декларируется тесная связь между правом и литературой, поскольку, по мысли авторов, «закон и практика его применения часто служили основой для глубоких художественных обобщений в литературном творчестве» [6, с. 240]. В статье А. А. Тимофеевой «Русская художественная литература как компонент повышения профессиональной правовой культуры юристов» вопросы права анализируются через призму их художественного осмысления русскими писателями XIX в. Исследователь отмечает «...потенциал художественной литературы, дающий возможность закрепления теоретических знаний на основе эмоционального восприятия информации» [7, с. 311]. Подобный взгляд свойственен А. В. Фатееву, который в монографии «Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР» [8] проанализировал проблему создания и функционирования художественных образов советской детской «социальной» литературы в исторической среде в 1930–1950-е гг. Автор показал не только отражение общества в литературе, определенное идеологическим видением, но и роль детской литературы в программировании сознания граждан в рамках социальной инженерии, проводимой в это время руководством СССР.

Обсуждение проблемы

В XX веке после Октябрьской революции в СССР произошел серьезнейший мировоззренческий переворот. Традиционные культурные ценности переживали цивилизационный вызов, и это нашло отражение в культуре, искусстве, литературе.

Перед авторами стояли серьезнейшие задачи: создать новую образовательную парадигму, укладывающуюся в идею социалистического реализма, а также методами художественного отражения действительности способствовать созданию нового человека, наполнению его правильными, идеологически выверенными элементами правового сознания.

Целенаправленное создание произведений, формирующих идеологически выверенный образ советского человека, является одним из признаков советской литературы эпохи социалистического реализма.

В Уставе Союза писателей СССР, принятом на Первом съезде Союза писателей в 1934 г., было дано следующее определение социалистического реализма: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Причем правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности

должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания в духе социализма»².

Секретарь ЦК ВЛКСМ Ольга Мишакова в одном из своих выступлений в 1938 г. отмечала: «Товарищ Сталин называл писателей инженерами человеческих душ. Эти слова имеют особое значение для детской литературы» (цит. по: [8]). «Инженерия» нового человека, переделка и перековка старого, формирование «идеологически правильной» личности – вот одна из важнейших, если не основная, цель литератора эпохи социалистического реализма.

1930-е годы в СССР ознаменовались внутривластной борьбой и особыми усилиями по строительству социалистического общества. Ужесточение уголовного законодательства в сфере защиты социалистической собственности проявилось в принятии 7 августа 1932 г. Постановления ЦИК СССР и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»³. В нем указывалось, что «общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов советской власти».

Часть II данного документа гласила:

«1. Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества».

Постановление о хищении государственной собственности усиливало нормы Постановления ЦИК СССР «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» от 25 февраля 1927 г., п. 7 которого гласил: «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли,

² Устав Союза советских писателей Союза ССР : Принят I Всесоюз. съездом сов. писателей 1 сент. 1934 г. Утвержден Советом народных комиссаров Союза ССР 17 февраля 1935 г. М. : Гос. изд-во «Сов. законодательство», 1935. С. 5.

³ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--plai/node/14004> (дата обращения: 15.02.2024).

денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собою применение мер социальной защиты, указанных в ст. 2 настоящего Положения» (п. 2 подразумевал расстрел. – С. З., Н. С.)⁴. Отныне любое преступление против государственной собственности могло быть приравнено к контрреволюционному деянию и ответственность за него начиналась с 12 лет.

Указанное Постановление предусматривало фактическое понижение возраста уголовной ответственности. УК РСФСР 1926 г. (ст. 22) прямо запрещал применение расстрела по отношению к несовершеннолетним: «Не могут быть приговорены к расстрелу лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста в момент совершения преступления...»⁵, однако Постановлением ЦИК СССР № 3 и СНК СССР № 598 от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» из ведения союзных республик изымалось право самостоятельно определять минимальный возраст наступления уголовной ответственности. Предписывалось привлекать несовершеннолетних к ответственности за совершение особо тяжких преступлений начиная с 12-летнего возраста за кражу, нанесение увечий или причинение насилия, убийство или попытку убийства⁶. Возникла коллизия, которую удалось преодолеть изданием секретного циркуляра прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР от 20 апреля 1935 г., запретившего применять расстрел к несовершеннолетним. Но при этом сохранялась возможность применения наказания некоторых статей к подросткам начиная с 12 лет. Таким низким возраст уголовной ответственности оставался до 1941 г., когда указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»⁷ было установлено, что минимальный возраст уголовной ответственности – 14 лет, однако за совершение преступных деяний, обладающих повышенной опасностью, возрастной порог оставлен без изменений – 12 лет. Для лиц, не достигших 12-летнего возраста, подразумевалось применение мер социальной защиты медико-педагогического характера, а именно помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение (ст. 12, 25 и 25 УК РСФСР 1926 г.).

⁴ URL: https://e-ecolog.ru/docs/ZqB4fOHndyYgkM_T8xnEp?ysclid=lr3lf1ge26937885191&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 11.01.2025).

⁵ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274&ysclid=lr3b06vln7568651309#tfhVf0Uc7KFnTDk01> (дата обращения: 11.01.2025).

⁶ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19034&ysclid=lr3kvebleb795278780#LvEdg0Ucv64Zt1mA> (дата обращения: 11.01.2025).

⁷ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5917&ysclid=m5txej1dj8505007985#N7orgZUwnHkSaPin> (дата обращения: 11.01.2025).

С чем было связано такое ужесточение права по отношению к несовершеннолетним? 1920–1930-е гг. в СССР ознаменовались гражданской войной, раскулачиванием и значительными репрессиями, что способствовало появлению беспризорности, росту числа деклассированных элементов. На этом фоне масштабы вовлечения детей и подростков в совершение преступлений были огромны. Перед государством была поставлена задача не просто искоренить детскую преступность, но и ликвидировать каналы, способствующие ее возникновению и развитию.

Разумеется, решить эту задачу только репрессивными мерами ужесточения ответственности было невозможно. Следовало создать и воспитать нового человека, с новым уровнем правосознания, для которого будут действовать новые идеалы социалистического общества. Формы и методы подобного воспитания новое государство заимствовало у старого: как можно ранее, еще с дошкольного возраста начать правовое воспитание юного гражданина. И самым доступным средством ознакомления детей с основами правомерного поведения является литература. Именно поэтому мы можем говорить о возникновении в 1930-е гг. целой индустрии детской культуры и литературы.

После вступления СССР в Лигу Наций и I Съезда писателей среди «инженеров человеческих душ» царил растерянность: что писать? «Какова доза политики? – интересовался Л. Кассиль. – Одно время книга была перенасыщена политикой, а теперь говорят, – нужна развлекательная, веселая книга» (цит. по: [8]). Споры о том, что писать, как писать и про кого писать, ведутся на страницах газет, в школах, в кабинетах чиновников, в новом издательстве Детгиз (Детиздат). Главная мысль этого времени: новая реальность породила нового ребенка, и его воспитание требует новых средств – не морализаторства «в лоб», а долговременной пропаганды с высокими идейно-художественными принципами и эстетикой. Возникает постулат о том, что литература не только воспитывает, но и проявляет себя как суггестия, внушающее начало. Недаром в 1930-е гг. рождается императивная конструкция – «должны внушить детям». Воздействие предполагается через эстетический идеал, который проявляется как в положительных, так и в отрицательных образах.

Воспитание законопослушного гражданина, отвергающего любое нарушение закона на подсознательном, эмоциональном уровне, становится одной из задач детской литературы. Важен не столько когнитивный, сколько эмоциональный уровень законопослушного поведения, и именно этим объясняется мотивация поступков и поведения персонажей – «строгий отбор «хорошего» и «плохого», «правильного» и «ошибочного», т. е. целесообразного и нецелесообразного с точки зрения государственной воспитательной доктрины» [9, с. 27]. Формирование нормативных морально-нравственных качеств, которые общество желало видеть в детях, должна взять на себя детская литература.

В 1930-е годы выходят в свет произведения Аркадия Гайдара, в которых рисуется образ советского ребенка с формирующимся правосознанием: в 1935 г. – «Военная тайна», 1939 г. – «Судьба барабанщика», 1940 г. – «Тимур и его команда». Герои первых двух книг в духе времени сталкива-

ются с вредителями, шпионами и врагами народа, а вот в «Тимуре...» мы видим конфликт двух мировоззрений: мировоззрения закона и мировоззрения улицы. Квакин – воплощение мировоззрения улицы, которое оценивало воровство яблок из чужих садов как своего рода доблесть и молодечество. Тимур же – новый герой, герой закона, положительный, но при этом не «плакатный». Это герой решительный, смелый, умный, но при этом добрый, сочувствующий другим, понимающий их. Он не лишен сомнений и внутреннего личностного конфликта и сам не всегда следует букве закона. При этом Тимур на протяжении почти всего предвоенного десятилетия остается практически единственным положительным героем-ребенком. Причем ребенком-гражданином, патриотом, действующим организатором подлинно важных пионерских дел. Тимур – гармоничный образ, сочетающий черты гражданина и естественного, свободного человека. В нем отразилось желание видеть ребенка равноправной личностью, внутренний мир которой сформирован новыми нравственными ценностями и правосознанием.

В произведении Рувима Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» (1939) мы видим в основном душевные переживания героев. Но эпизод, когда Таня Сабанеева берет собачью упряжку Фильки, чтобы помочь своему другу Коле, сближает это произведение с повестью Гайдара, в которой Тимур сбивает замок с гаража и берет мотоцикл дяди, чтобы помочь Женьке. Сходство данных казусов в произведениях, написанных практически в один год, настолько явно, что дает возможность сделать однозначный вывод: идея высшей ценности общественной пользы отменяет уважение к частной собственности. Советский человек должен при необходимости жертвовать личной собственностью для высших идеалов. В некоторой степени мы имеем дело с коллизией права и социалистической морали, где мораль и общественные идеалы играют преобладающую роль.

Подобное формирование штампов правильного правового поведения мы видим на всех уровнях детской литературы и для всех возрастов: в сказках («Цветик-семицветик» В. Катаева, 1940 г.), в рассказах («Синие листья» В. Осеевой, 1940 г.), в повестях («Старик Хоттабыч» Л. Лагина, 1938 г.). Одобряемым личным качеством положительного героя, противопоставленного герою отрицательному, признается жертвовать собой и своей собственностью, а также легко пользоваться чужой при определенных обстоятельствах, которые можно было бы отнести к «крайней необходимости».

Однако подобное отношение к чужой собственности не распространяется на собственность государственную (общественную). Многие исследователи отмечают, что в 1930-е гг. на волне формирования идеологии обобществления возникло ложное отношение к общественному как к «ничейному» (см., например: [9]). Следовательно, перед писателями встает задача формирования у детей уважительного отношения к социалистической собственности. Это приобретает особое звучание после принятия так называемого «закона о пяти колосках» – Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий,

колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»⁸. Жесткость мер, предусмотренных данным Постановлением, заставляла людей с большей ответственностью относиться к государственному имуществу. Трудно было преодолеть менталитет советского человека, его картину мира и его аксиологию, выраженную, в частности, в переделке фразы из песни в поговорку: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». Общее – значит ничье? Можно брать? И. В. Пыхалов в статье «Закон о пяти колосках» пишет: «Новоиспеченные колхозники, ревностно защищавшие свое имущество, как правило, не горели желанием столь же рьяно заботиться о колхозном добре. Мало того, многие из них и сами норовили украсть то, что плохо лежит» [10, с. 100].

Эти взгляды родителей усваивали и дети, появилось даже нарицательное «несун» – человек, работник предприятия или начальник, совершающий вынос (т. е. кражу) с места работы сырья, продукции, средств производства и других материальных ресурсов. Родители «несли» с полей и заводов, что могли, и дети не отставали. Именно поэтому государство не ограничивается ужесточением законодательства, а выдвигает идеологический запрос на создание произведений для детей, формирующих правильное правовое поведение. Осуждение воруящего яблоки Квакина – не единственный пример.

Более показателен в этом плане рассказ Николая Носова «Огурцы» (1938).

Сюжет рассказа прост. Два друга, Павлик и Котька, забрались на колхозное поле и нарвали огурцов. Старый сторож не мог догнать шустрых мальчишек, и они благополучно убежали. Однако Павлик быстро смекнул, что лучше от огурцов избавиться, а простодушный Котька принес добычу домой. Но мама не приняла сына, обвинив его в воровстве, и отправила назад, на колхозное поле. Преодолев страх, Котька повинился перед сторожем, вернул огурцы и с легким сердцем пошел домой.

Возраст Котьки неизвестен. Но чувствуется, что он явно младше Павлика и живет с убеждением, что весь мир принадлежит ему. Все общее: и солнце, и речка, и огурцы на колхозном поле. Мук совести от взятого без разрешения он не испытывает, радостно сообщая маме: «Мама, я тебе огурцов принес!» Но мама не разделяет его радости и Котькины эвфемизмы «нарвал», «взял», «так просто» пресекает жесткой фразой: «Значит, украл?» Она отправляет сына назад, не обращая внимания на его слезы, хотя и объясняет, что могут наказать сторожа: «Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?» Кульминация разговора построена на социалистическом постулате о «правильных» советских детях:

«Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

– Не пойду я! У дедушки ружье. Он выстрелит и убьет меня.

⁸ URL: <https://base.garant.ru/14160828/?ysclid=m5txlpyn8v164544005> (дата обращения: 11.01.2025).

– И пусть убьет! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор».

Суровый приговор мать подкрепляет репликой вслед: «Или неси огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!»

Сегодняшние педагогические рекомендации осудили бы подобные методы воспитания, общественное мнение (например, пост в ЖЖ «Н. Носов. “Огурцы”, или Как воспитать аморального человека»⁹) также воспринимает поступок матери с позиции современного мира.

Однако в 1938 г. воспитательная цель детской литературы отражала иную объективную реальность и ставила перед собой иные задачи по формированию правомерного поведения и ребенка, и родителей. Автор показывает правильную с идеологической точки зрения мотивацию родителя – матери Котьки, рассуждающей не о детской психологии, а об ответственности за формирование гражданина социалистического государства. Мать в произведении Н. Носова осознает, что своей, может излишней, суровостью навсегда отобьет у сына охоту воровать. И это для нее является главным.

Нельзя не согласиться, что рассказ вызывает сильный отклик. Как отмечает А. В. Долженко, «эмоции в изображении Носова выполняют адаптивную, атрибутивную и мотивационную функции, чем определяется их место в структуре художественного текста: они являются главной движущей силой в развитии сюжета, в создании образа-характера, образуют проблематику» [9, с. 28]. Эмоциональное воздействие, которое несут в себе персонажи, настолько велико, что и сегодня вызывает споры. Но в свое время рассказ был весьма наглядным пособием для воспитания законопослушного гражданина.

Заключение

Формирование правосознания в детском возрасте – процесс многоаспектный и многоуровневый. Идеологический запрос на создание произведений для детей, формирующих правильное правовое поведение, породил целую индустрию детской литературы, в которой учитывались психологические особенности детского возраста: стремление к подражанию, возможность оценить себя, взаимоотношения на основе эмоций и чувств. Посредством правильно выстроенных литературных образов у читателя с раннего детского возраста должны были формироваться определенные стереотипы правомерного поведения. Произведения, уходящие от прямой назидательности, «внушали» читателю правильные установки, добивались того, чтобы они стали естественными для человека.

Итак, литература в 1930-е гг. становится одним из мощных инструментов формирования правосознания. Будущий советский гражданин с детства получал положительный пример для подражания, учился осуждать отрицательное поведение персонажей, встраивал себя в систему социальных и нравственных ценностей. Внутренняя активность личности преобразо-

⁹ URL: <https://aksik.livejournal.com/417753.html> (дата обращения: 19.02.2024).

вывалась, таким образом, во внешнюю деятельность: в готовность реализовать правовые предписания, осудить правонарушение, пресечь противоправный поступок. Лучшие произведения 1930-х гг. в образах героев дают гармоничный сплав социального и индивидуального, т. е. отношений, в которые включен человек, и сформированных в нем личных свойств и качеств. Поэтому мы можем говорить об отражении в литературе реальной действительности и в то же время – о «пересоздании» ее по запросам общества.

Список источников

1. Дербина А. В. К вопросу о правосознании как факторе формирования правовой позиции субъекта правотворчества в современной России // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2. С. 164–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravosoznanii-kak-faktore-formirovaniya-pravovoy-pozitsii-subekta-pravotvorchestva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 16.01.2024).
2. Гусарова М. А. Соотношение правовой идеологии и правовой психологии как фактор преодоления кризиса правосознания в современном российском обществе (философско-правовой аспект) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 6. С. 12–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-pravovoy-ideologii-i-pravovoy-psihologii-kak-faktor-preodoleniya-krizisa-pravosoznaniya-v-sovremennom-rossiyskom> (дата обращения: 16.01.2024).
3. Бондарев А. С. Правосознание – неотъемлемая и ведущая часть правовой культуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1 (31). С. 6–15. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-6-15.
4. Манакова Л. К. Правосознание как творческая воля к цели права (на основе концепции правосознания И. А. Ильина) // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1 (51). С. 34–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-kak-tvorcheskaya-volya-k-tseli-prava-na-osnove-kontseptsii-pravosoznaniya-i-a-ilina> (дата обращения: 16.01.2024).
5. Миргородский А. А. Феномен правосознания в творчестве Ивана Ильина в контексте современных проблем образования // Вестник Донецкого педагогического института. 2018. № 3. С. 223–228. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-pravosoznaniya-v-tvorchestve-ivana-ilina-v-kontekste-sovremennyh-problem-obrazovaniya> (дата обращения: 16.01.2024).
6. Субботина И. К., Горевая Л. П. Формирование правосознания личности на основе произведений русской литературы // Безопасность, личность, общество: социально-правовые аспекты : сб. ст. по материалам Всерос. круглого стола / ред. В. П. Очередыко, В. Г. Бондарев. СПб. : Изд. дом «Петрополис», 2016. С. 239–244. ISBN: 978-5-9676-0829-2.

7. Тимофеева А. А. Русская художественная литература как компонент повышения профессиональной правовой культуры юристов // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3. С. 311–313. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-hudozhestvennaya-literatura-kak-komponent-povysheniya-professionalnoy-pravovoy-kul'tury-yuristov> (дата обращения: 16.01.2024).
8. Фатеев А. В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. М. : МАКС Пресс, 2007. 352 с. ISBN: 978-5-317-02061-3. URL: <https://psyfactor.org/lib/detlit.htm> (дата обращения: 16.01.2024).
9. Долженко Л. В. Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50–80-х годов XX в. (Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, А. Г. Алексин, В. П. Крапивин) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. 39 с.
10. Пыхалов И. В. Закон о пяти колосках // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 4. С. 100–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-ryati-koloskah> (дата обращения: 19.02.2024).

References

1. Derbina, A. V. [On the issue of legal consciousness as a factor in the formation of the legal position of the subject of lawmaking in modern Russia]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal* = [Leningrad Legal Journal]. 2011;(2):164-174. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravosoznanii-kak-faktore-formirovaniya-pravovoy-pozitsii-subekta-pravotvorchestva-v-sovremennoj-rossii> (Accessed: 16.01.2024).
2. Gusarova, M. A. [The relationship between legal ideology and legal psychology as a factor in overcoming the crisis of legal consciousness in modern Russian society (philosophical and legal aspect)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* = [Bulletin of the Vyatka State University]. 2017;(6):12-16. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-pravovoy-ideologii-i-pravovoy-psihologii-kak-faktor-preodoleniya-krizisa-pravosoznaniya-v-sovremennom-rossiyskom> (Accessed: 16.01.2024).
3. Bondarev, A. S. [Legal awareness as a leading and integral part of legal culture]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2016;(1):6-15. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-6-15.
4. Manakova, L. K. [Legal consciousness as a creative will towards the goal of law (based on the concept of legal consciousness by I. A. Ilyin)]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal* = [Leningrad Legal Journal]. 2018;(1):34-42. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-kak-tvorcheskaya-volya-k-tseli-prava-na-osnovekontseptsii-pravosoznaniya-i-a-ilina> (Accessed: 16.01.2024).
5. Mirgorodsky, A. A. [The phenomenon of legal consciousness in the works of Ivan Ilyin in the context of modern problems of education]. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo instituta* = [Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute]. 2018;(3):223-228. (In Russ.) URL: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/fenomen-pravosoznaniya-v-tvorchestve-ivana-ilina-v-kontekste-sovremennyh-problem-obrazovaniya (Accessed: 16.01.2024).
6. Subbotina, I. K., Gorevaya, L. P. [Formation of legal awareness of the individual on the basis of the russian literature works]. In: V. P. Ocheredko, V. G. Bondarev, eds. *[Security, personality, society: social and legal aspects]*. Collection of articles based on materials of the All-Russian Round Table. St. Petersburg: Petropolis Publishing House; 2016. Pp. 239–244. (In Russ.) ISBN: 978-5-9676-0829-2.
 7. Timofeeva, A. A. Russian fiction as a component of raising the professional legal culture of lawyers. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018;7(3):311-313. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-hudozhestvennaya-literatura-kak-komponent-povysheniya-professionalnoy-pravovoy-kultury-yuristov> (Accessed: 16.01.2024).
 8. Fateev, A. V. *[Stalinism and children's literature in the politics of the nomenclatura of the USSR]*. Moscow: MAKS Press; 2007. 352 p. ISBN: 978-5-317-02061-3. (In Russ.) URL: <https://psyfactor.org/lib/detlit.htm> (Accessed: 16.01.2024).
 9. Dolzhenko, L. V. *[Rational and emotional in Russian literature of the 50–80s of the XX century (N. N. Nosov, V. Yu. Dragunsky, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin)]*. Abstract of Dr. Sci. (Philology) Dissertation. Volgograd; 2001. 39 p. (In Russ.)
 10. Pykhalov, I. V. [The Law of Five Spikelets]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* = *[Society. Habitat. Development]*. 2011;(4):100-104. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-pyati-koloskah> (Accessed: 19.02.2024).

Информация об авторах / Information about the authors

Згоржельская Светлана Сергеевна, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Svetlana S. Zgorzhelskaya, Cand. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory of Law, State and Judicial Authority Department, Russian State University of Justice named after V. M. Levedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Соловьева Наталья Юрьевна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Natalia Yu. Solovjeva, Cand. Sci. (Art Criticism), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and Speech Culture Department,

Russian State University of Justice named after V. M. Levedev (69 Novochere-
mushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования
18.06.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 18.06.2024;
accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.76-91

Государство-цивилизация: концептуальные подходы и проблема конституционализации

Евгений Иванович Колюшин

*Центральная избирательная комиссия Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
ekolushin@gmail.com*

Аннотация

Введение. Концепция внешней политики Российской Федерации впервые для нормативного акта федерального уровня исходит из квалификации России как государства-цивилизации.

Теоретические основы. Методы. Теоретическим ориентиром парадигмы (образца) государства-цивилизации служат философско-историко-политические исследования относительно разнообразия цивилизаций. Совокупность общенаучных и юридико-научных методов (индукции и дедукции, функционального и системно-структурного, телеологического и описательно-оценочного (дескриптивного), историко-правового, сравнительно-правового, формально-логического и формально-догматического) при стремлении к объективности и системности позволяет делать научно обоснованные выводы, теоретически и практически полезные и актуальные предложения.

Результаты исследования. Предложены теоретико-юридические подходы к феномену страны-цивилизации, который неизвестен теории российского конституционного (государственного) права, и его интеграции в конституционно-правовое поле. Автор выступает против скатывания в идеологически обусловленные крайности концептуализации указанного феномена, каковыми являются огосударствление страны и растворение государства в «мировой цивилизации». В связке «Я – Общество – Государство – Цивилизация» первые три действующих лица являются наиболее подвижными величинами, могут меняться местами по степени влияния друг на друга и на цивилизацию в целом, а последняя, будучи композитным сплавом их функционирования, представляется некоей константой и гарантией существования и развития страны. Вносятся предложения в русле переосмысления содержания конституционной конструкции суверенного, демократического, правового, федеративного, социального и светского государства посредством наделения его новыми обязанностями при обеспечении баланса прав, свобод и обязанностей граждан страны-цивилизации.

Обсуждение и заключение. Конституционного закрепления требует не та или иная идеология, а статус России как страны-цивилизации, концептуализация

и конституционализация которой представляются объективно необходимым, но долгосрочным процессом.

Ключевые слова: цивилизация, страна, государство, общество, гражданин, баланс прав и обязанностей, правда

Для цитирования: Колюшин Е. И. Государство-цивилизация: концептуальные подходы и проблема конституционализации // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 76–91. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.76-91.

Original article

State-Civilization: Conceptual Approaches and the Problem of Constitutionalization

Evgeny I. Kolyushin

*Central Election Commissions of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation
ekolushin@gmail.com*

Abstract

Introduction. The concept of foreign policy of the Russian Federation for the first time for a normative act at the federal level is based on the qualification of Russia as a state-civilization.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical reference point of the paradigm (model) of the state-civilization is philosophical-historical-political research regarding the diversity of civilizations. The combination of general scientific and legal-scientific methods (induction and deduction, functional and systemic-structural, teleological and descriptive-evaluative (descriptive), historical-legal, comparative-legal, formal-logical and formal-dogmatic) with the desire for objectivity and systematicity allows us to make scientifically sound conclusions, theoretically and practically useful and relevant proposals.

Results. Theoretical and legal approaches to the phenomenon of a country-civilization, which is unknown to the theory of Russian constitutional (state) law and its integration into the constitutional and legal field, are proposed. The author opposes the slide into ideologically conditioned extremes of conceptualization of the said phenomenon, which are the nationalization of the country and the dissolution of the state in the “world civilization”. In the link “1 – Society – State – Civilization” the first three actors are the most mobile quantities, they can change places in terms of the degree of influence on each other and on Civilization as a whole, and the latter, being a composite alloy of their functioning, appears to be a certain constant and a guarantee of the existence and development of the country. Proposals are made in line with rethinking the content of the constitutional structure of a sovereign, democratic, legal, federal, social and secular state by endowing it with new responsibilities while ensuring a balance of rights, freedoms and responsibilities of citizens of the country-civilization.

Discussion and Conclusion. It is not this or that ideology that requires constitutional consolidation, but the status of Russia as a country-civilization, the conceptualization and constitutionalization of which seems to be an objectively necessary, but long-term process.

Keywords: civilization, country, state, society, citizen, balance of rights and responsibilities, truth

For citation: Kolyushin, E. I. State-civilization: conceptual approaches and the problem of constitutionalization. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):76-91. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.76-91.

Введение

Россия находится в периоде крутого поворота истории. В октябре 2021 г., выступая на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил о наступлении эпохи перемен: «Все говорят о том, что существующая модель капитализма, а это сегодня основа устройства в подавляющем большинстве стран, исчерпала себя»¹. По словам Президента, в ней больше нет выхода из клубка противоречий.

После развала СССР в 1991 г. большие российские надежды и ожидания от вступления как равноправного партнера в круг «цивилизованных» стран, каковыми считают себя ныне де-юре объявленные недружественными России государства, не оправдались. Адресованные России и ее гражданам действия недружественных стран в виде многочисленных запретов и создания атмосферы демонизации «страны-врага» направлены на разрушение ее экономического и общественного строя, прав и свобод граждан. Такие действия свидетельствуют о непризнании права России на суверенное развитие, о нераспространении на российских граждан концепции прав и свобод человека как высшей ценности, о дифференцированном применении или неприменении этой концепции в отношении граждан собственных государств в зависимости от их отношения к нашей стране.

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 Концепция внешней политики Российской Федерации впервые для нормативного акта федерального уровня исходит из квалификации России как **государства-цивилизации**: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»².

Анализ потенциала Концепции не входит в предмет статьи. Однако очевидно, что без теоретического обоснования и конституциализации, т. е.

¹ URL: <https://tass.ru/politika/12727815?ysclid=m5v1zrm466247376260>.

² Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении концепции внешней политики Российской Федерации» (п. 4) // *Собрание законодательства*. 2023. № 14. Ст. 2406.

введения в конституционно-правовое поле, адекватной практики внутри-государственного развития глубина представлений о государстве-цивилизации не выйдет за пределы красивого лозунга.

Теоретические основы. Методы

Побудительным теоретическим, но весьма относительным в силу больших противоречий позиций ориентиром парадигмы (образца) государства-цивилизации могут служить философско-историко-политические исследования относительно разнообразия цивилизаций³.

Методологическую базу статьи образует комплекс общепризнанных методов и приемов научного познания бытия России в различные исторические периоды. В исследовании сочетаются методы исторического, метафизического, диалектического и формально-юридического подходов к анализу конституционно-правового статуса Российской Федерации в свете концепции государства-цивилизации. Государство-цивилизация является многовекторной естественной средой российской действительности, признанной научной категорией историко-философского происхождения, оптимальное конституирование которой представляется весьма сложной, наполненной внутренними противоречиями проблемой. Ее решение означает включение названной категории в конституционно-правовую действительность, что, в свою очередь, уменьшит риски скатывания в крайности идеологической чистоты.

Совокупность общенаучных и юридико-научных методов (индукции и дедукции, функционального и системно-структурного, телеологического и описательно-оценочного (дескриптивного), историко-правового, сравнительно-правового, формально-логического и формально-догматического) при стремлении к объективности и системности позволяет делать научно обоснованные выводы, теоретически и практически полезные и актуальные предложения.

Ныне перед наукой конституционного (государственного) права, как и в начале XX в., стоит проблема сочетания акцентов. В 1911 году известный русский государствовед В. М. Гессен писал: «В зависимости от характера и содержания положительного права той или иной эпохи, той или иной страны в его разработке преобладает то история, то догма, то политика права» [1, с. 218].

Результаты исследования

1. Теоретический пробел

Феномен «государства-цивилизации» неизвестен теории конституционно-го (государственного) права, хотя вслед за историками и философами понятия «цивилизация», «цивилизованные страны» нередко используются, но

³ «В социально-гуманитарных науках нет пока единого понимания термина “цивилизация”, как нет и общего представления о том, что именно собой представляет цивилизация в исторической реальности» (Основы российской государственности : учеб. пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / под ред. С. В. Перевезенцева. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. С. 135).

при этом прямо или косвенно речь идет о некоем надгосударственном образовании. Под страной обычно понимаются не только государство и право с их институтами, но и общество в богатстве его компонентов и проявленной человеческой деятельности, природно-географических характеристик.

Обзор научных трудов, посвященных цивилизационному подходу к развитию стран, свидетельствует не только о разбросе мнений относительно понимания, что такое цивилизация, но и об их количестве и о наличии или отсутствии перспектив возникновения единой цивилизации⁴. Глобалистская позиция исходит из господствующих на Западе и имеющих немало сторонников в России либеральных представлений о делении мира на **цивилизированный и нецивилизированный**. Нетрадиционно откровенно для дипломата ее подтвердил Д. Боррель – Верховный комиссар ЕС по международным делам: «Европа – это сад... Все здесь работает, это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности. Большая часть остального мира – это джунгли... Мы привилегированные люди...»⁵ Убежден: указанная доктрина едва ли согласуется с признанием цивилизационного многообразия как естественного и вечного состояния.

2. Советский период в контексте связи поколений

Следует предостеречь от борьбы за идеологическую чистоту государства-цивилизации. В настоящее время в социогуманитарных науках теоретическое предпочтение отдается так называемой идеологии консерватизма. Ее сильной стороной является крен в сторону российских традиций. Их юридикация – задача, подобная определению квадратуры круга, т. е. в принципе нерешаемая с позиции математики.

Однако в государстве и праве в отличие от математики нет абсолютных истин. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁶.

⁴ См.: Основы российской государственности / под ред. С. В. Перевезенцева. Отмечается, что историк Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» (1869) обосновывал наличие 15 «культурно-исторических типов», включая формирующийся славянский. К. Н. Леонтьев в известном сочинении «Византизм и славянство» (1875) вслед за Данилевским подчеркивал разнообразие мира, но не разделял его взгляды относительно России как славянской цивилизации. Выделяя особо уровень развития Византии, он в русле концепции «Москва – третий Рим» полагал, что Россия является самостоятельной цивилизацией, отличной от славянской и западных. Немецкий историк и философ О. Шпенглер в двухтомном сочинении «Закат Европы» (1918; 1922), в название которого вынесено авторское предсказание о деградации Западной Европы вплоть до катастрофы к 2300 г., выделял в истории человечества 11 цивилизаций, включая китайскую и русскую. Английский историк и философ А. Тойнби повествовал и о 21, и о 37 цивилизациях, среди которых указывал православную христианскую в России.

⁵ URL: <https://ria.ru/amp/20221013/evropa-1823673165.html>.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

В пункте 4 этого нормативного правового акта традиционные ценности квалифицируются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Пункт 5 содержит закрытый перечень названных ценностей⁷. Думается, простое перечисление традиционных ценностей – только первый шаг на пути их конституциализации.

Вопреки акцентам на связь поколений и достоинства цивилизационного подхода как обеспечивающего историческую целостность **советский период развития продолжительностью в три четверти века исключается из этой целостности**. Такой подход, с которым трудно согласиться, методологически не отличается от либерального, считающего советский период развития, его государственное право тоталитарными и, следовательно, не оставившими никаких достойных статуса традиций в цивилизационном развитии России. Поскольку пророков в своем отечестве нет, постольку обращаюсь к выводу английского (далеко не левых взглядов) профессора права Г. Дж. Бермана. Справедливо подчеркивая принципиальные отличия советской правовой идеологии от западной, тем не менее он пишет: «Правовые постулаты социализма, хотя они и отличаются во многих отношениях от либерально-демократических, имеют с ними общего предка в мире христианства. Советский “Моральный кодекс строителя коммунизма”, например, который советские школьники должны были учить наизусть и который брался за основу советской правовой политики, содержит среди прочих такие принципы: “сознательный труд на благо общества – кто не работает, тот не ест”; “забота каждого о сохранении и приумножении общественного богатства”; “коллективизм и товарищеская взаимопомощь – один за всех и все за одного”; “честность и правдивость, моральная чистота, скромность, нетребовательность в общественной и личной жизни”; “бескомпромиссное отношение к несправедливости, паразитизму, нечестности, карьеризму, стяжательству”... Советская система активно подчеркивала воспитательную роль закона и всенародное участие в юридических процедурах и наблюдении за исполнением законов – через товарищеские суды, народную дружину и путем отдания людей на поруки коллективу предприятия или квартала» [2, с. 47]. Кодекс появился в 1961 г. вместе с обозначением вскоре преданных забвению сроков наступления коммунизма, который среди прочего должен был привести к замене государства и права коммунистическим самоуправлением наро-

⁷ «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

да. Думается, что утопичность этой концепции отнюдь не нуллифицирует большую часть провозглашенных названным Кодексом ценностей, которые оказывают и будут оказывать влияние на развитие государства-цивилизации и его конституционного права. Формула «человек человеку друг, товарищ и брат» не имеет шансов на правовое закрепление, но ее рано отправлять на свалку истории.

3. Крайности подходов

Юристы-конституционалисты обычно проводят принципиальное различие между государством и обществом вплоть до крайностей, приводящих к противопоставлению государства и общества, его активной части, называемой гражданским обществом. Поэтому трудно не констатировать, что **президентское нормотворчество в очередной раз вышло за рамки юридической догмы**, наиболее распространенной не только в российской науке конституционного (государственного) права. Однако эффективность конструкции государства-цивилизации не может не зависеть от ее концептуализации с перспективой конституциализации. На этом пути велики риски двух крайностей:

первая – своеобразный культ идеологического государства монархического типа (государство и есть цивилизация), т. е. огосударствление всего того, что понимается под страной;

вторая – растворение государства в единой общечеловеческой цивилизации.

По существу первый подход обосновывается в весьма содержательном, но и столь же нигилистичном в правовом отношении исследовании трех известных авторов: политологов Т. Н. Сергейцева и Д. Е. Куликова, одного из разработчиков российской модели приватизации П. П. Мостового [3]. Думается, что действительно уникальный исторический путь России содержит и взлеты, и падения, протекает во взаимодействии и борьбе разных идеологий, но их персонализация и абсолютизация доведены до крайности. Если копировать употребляемую терминологию, то перечисляемые в монографии государства можно назвать **именными**: «государство Петра I Великого», «государство Ленина – Сталина: Советский Союз», «государство Владимира Путина». Авторы пишут: «“Демократия” остается главным инструментом в руках тех, кто стремится разрушить нашу государственность и пресечь нашу историю» [3, с. 789]. «...Конституция – это акт не правовой, а идеологический. Что никак не удастся рассмотреть через призму соответствующих теорий государства и права» [3, с. 595]. Действующей считается новая «Конституция России 2020 года» [3, с. 657], которая «...обеспечивает реализацию монархического принципа как исторического основания верховной власти в России, конституирует Президента страны как выборного народного монарха; открывает новый этап модернизации народа – его превращение в гражданскую нацию...» [3, с. 673].

Формат статьи препятствует дедуцированному анализу приведенных авторами позиций, с которыми нельзя согласиться. **По своей сути они настолько противоречивы, что, с одной стороны, антилиберальны, в**

русле известных теоретических обоснований монархии считают народ органом государства, а с другой – вопреки словесной критике либеральной идеологии в итоге смыкаются с ее оценками российской государственности.

Либеральная революция 90-х гг. прошлого века заклеяла марксизм-ленинизм как идеологию прекратившего свое существование социалистического государства, провозгласив идеологическое и политическое многообразие. В действительности идеология либерализма стала «основным символом современного этапа отечественной методологии государства и права» [4, с. 15]. Профессор П. П. Серков справедливо обратил внимание на большое расхождение между либеральными идеями и словами, с одной стороны, и правовой действительностью – с другой, констатируя, что «...по прошествии 100 лет либерализм возродился как правовая идеология **снова** в формате определенного **романтизма** прошлых лет» (выделено мною. – Е. К.) [5, с. 611]. Поддерживая его вывод о либерализме-тоталитаризме, трудно согласиться с категоричным противопоставлением так называемой политической и правовой идеологий. Он пишет: «Политическая подоплека права, его принципов издавна негативно сказывалась и сказывается на развитии правовых отношений. В политике как таковой главный принцип – принцип целесообразности, вытесняющий обычно на задний план подлинно правовое или низводящий его до уровня пустых абстракций. Нормативы, взращенные политической идеологией, это не правовые нормативы. Как засвидетельствовал исторический опыт, между правовой идеологией и политической идеологией не может быть парадигматической взаимодополняемости. Одно другое исключает. Политическая идеология зачастую выступает как дезорганизующая сила в становлении и развитии тех или иных процессов в системе общественных отношений. Именно таким образом повела себя так называемая либеральная идеология в России на стыке XX и XXI вв., насаждая безудержный индивидуализм, коррупционную корпоративность (перечеркивая конструктивную значимость правовой субъектности государства, его управленческих органов), сугубо рыночные принципы организации общественных отношений, породившие столько социальных противоречий, такое социальное расслоение в обществе. Верно констатируется, что подобный либерализм – это “вывернутый наизнанку” тот же тоталитаризм» [5, с. 613–614].

В правовом государстве то, что П. П. Серков называет политической подоплекой права, означает адекватное правовое реагирование на меняющуюся политическую ситуацию на поле государства-цивилизации и вокруг него. Очевидно, что специальная военная операция на Украине влечет, кроме прочего, большие изменения в правовом регулировании и статусе военнослужащих, ведущих боевые действия, и необходимость правовой легитимации идущей из народных глубин энергии, направленной на достижение победы. Не в последнюю очередь и сама эта «военно-политически-санкционная подоплека» является одним из катализаторов развития государства-цивилизации.

Утративший свое государственно-монопольное положение марксизм-ленинизм и в настоящее время является одной из идеологий рос-

сийского общества, а построенная на его основе одна из политических партий – Коммунистическая партия Российской Федерации – имеет свое представительство и в парламенте страны, и в других органах публичной власти. Либерализм тоже никуда не ушел и едва ли уйдет из российского общества, имеет определенное институциональное оформление, но теряет свое былое могущественное влияние по мере укрепления государства-цивилизации.

Думается, что сегодня в России достаточно опыта, чтобы не впасть как в одну, так и другую крайности. Так, в советское время Россия прошла путь от представлений о государстве как временном явлении через трансформацию государства диктатуры пролетариата до превращения его в общенародное. Страна достигла больших высот во многих сферах экономического, политического и государственного развития, но периодические волны сознательного или конъюнктурного усиления и ослабления государства в итоге привели к гибели СССР. В постсоветское время дискуссии и практика первых двух десятилетий в тренде «государства – ночного сторожа» вели Россию по пути последних лет СССР.

В итоге концепция государства-цивилизации с позиции конституционного (государственного) права предполагает **наделение государства новым комплексом обязанностей – заботиться о естественном бытии и свободном развитии человека, общества, среды их функционирования. В связке «Я – Общество – Государство – Цивилизация» первые три действующих лица являются наиболее подвижными величинами, могут меняться местами по степени влияния друг на друга и на Цивилизацию в целом, а последняя, будучи композитным сплавом их функционирования, представляется некоей константой и гарантией существования и развития страны.**

Особо актуальны новые обязанности государства-цивилизации в так называемую цифровую эпоху, когда реальность не только дополняется, но и все активнее и агрессивнее замещается виртуальностью.

Появившаяся в вузах новая учебная дисциплина «Основы российской государственности» построена на преобладающих в политологии взглядах, согласно которым проводятся серьезные различия между понятиями «государство» и «государственность»⁸. «Мы разделяем мнение, что государственность как феномен за сравнительно небольшой период обретения определенного научно-теоретического статуса поступательно превращается в один из универсальных методологических инструментов познания совершенно нового, интегрированного направления и формата современной науки и практики, позволяющей проводить панорамные проекты на междисциплинарном уровне» [7, с. 355].

⁸ Включают в государственность не только государство, но и другие элементы, а именно: «экономический строй общества, где ведущее место принадлежит отношениям собственности; социальная организация общества, в том числе национальные, конфессиональные, иные межличностные отношения; духовно-культурная организация» [6].

Трудно возражать против междисциплинарных исследований. Государство всегда было предметом исследований и юристов, и экономистов, и историков, и политологов. Однако само по себе подобное разделение содержания понятий «государство» и «государственность» едва ли способствует углублению проникновения в материю. При этом в целях уменьшения рисков подмены и/или смешения понятий представляется более корректным использование термина «**страна-цивилизация**».

4. Традиции и новации

Действующий конституционный статус государства, содержащий закрепленную в неизменяемой части Конституции Российской Федерации 1993 г. его квалификацию как суверенного, демократического, правового, федеративного, социального, светского, безусловно, имеет, среди прочего, и серьезные родимые пятна времени происхождения, но и на нынешнем этапе без прямого конституционного указания на страну-цивилизацию не исчерпал свой потенциал. Нужно **переосмысление содержания каждого из перечисленных элементов посредством наделения государства новыми обязанностями при обеспечении баланса прав, свобод и обязанностей граждан страны-цивилизации**.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах законодательных (представительных) и исполнительных органов...» дано по сути понятие государственного суверенитета, включающее в себя не только верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, но и ее **полноту** на своей территории, а также независимость в международном общении (п. 2.1). С позиций цивилизационных государственный суверенитет и правовое государство влекут за собой, в частности, **обязанность государства** квалифицировать так называемую зарубежную заморозку российских публичных и частных активов, выстраивая дорожную карту собственных действий. Ключевой вопрос: **это нарушение государственного суверенитета Российской Федерации или нет?** В части государственных активов, полагаю, трудно оценивать иначе как нарушение. Недружественные страны заморозили также частные активы граждан России в виде иностранных ценных бумаг на триллионы рублей⁹. На сегодня имеются решения российских судов, обязываю-

⁹ Точные цифры «замороженных» западными странами государственных и частных активов официально не определены или не обнародуются. Однако представление о масштабах события имеется. Так, одна из авторитетных и осведомленных российских газет сообщает: «Иностранные активы, принадлежащие российским инвесторам, были заморожены весной 2022 года из-за блокировки счетов НРД (российский Национальный расчетный депозитарий. – Е. К.) в европейских депозитариях Euroclear и Clearstream. Тогда их объем оценивался в 6 трлн руб.» (Иностранные активы принесли на обмен // Коммерсант. 2024. 15 мая). В этой же статье приводится цитата из заявления министра финансов Российской Федерации А. Силуанова от 21 декабря 2023 г.: «Мы надеемся, что около 2,5 млн человек

щие восстановить права собственников этих бумаг, но они не исполняются. Нарушено право собственности граждан России. Есть ли здесь нарушение государственного суверенитета? При поверхностном взгляде напрашивается отрицательный ответ и, соответственно, отсутствие каких-либо обязанностей со стороны государства. Частно-правовые отношения не входят в предмет государственного суверенитета. По этой причине теоретически трудно поддерживать наблюдающееся ныне в России **размножение суверенитетов** в виде продовольственного, технологического, электорального, культурного и др. Нелишне напомнить, что в упомянутом Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации даже нет деления суверенитета на народный, национальный и государственный, поскольку **многонациональный народ России объявляется и источником, и единственным носителем суверенитета**.

Однако не только масштабы нарушений (речь идет о миллионах граждан России) дают основания для квалификации их с позиции посягательства на государственный суверенитет. В этом случае должен происходить **перевод отношений в статус публично-правовых**. Подобная методология Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации уже используется, но как временная мера и в весьма ограниченных масштабах¹⁰. Вместе с тем концепция «государства-цивилизации» (страны-цивилизации) не предполагает копирования позиции американских властей, которые успешно или безуспешно пытаются распространять действие собственного внутреннего права на территории России и других государств. Так называемое американское «санкционное право» как один из инструментов зарубежного продвижения корпоративных интересов представляется **не правом, а произвольным нарушением государственного суверенитета, прав и свобод граждан**. Неправовой характер такого вторжения требует и научной реакции, и правовых оценок со стороны Конституционного Суда Российской Федерации. Какие обязанности в этом кейсе предусмотрены для федеральных органов публичной власти во главе с Президентом Российской Федерации? Президент Российской Федерации в силу ст. 80 Конституции России обязан **принимать меры по охране суверенитета Российской Федерации**, а при вступлении в долж-

смогут получить и вернуть свои вложения». Следует уточнить, что даже при теоретически возможном, а практически – маловероятном успешном прохождении всех поданных российских заявок через юрисдикции недружественных стран 2,5 млн человек смогут при установленном лимите в 100 тыс. руб. на одного инвестора вернуть себе максимум 25 млрд руб., т. е. менее 2,4 %.

¹⁰ Так, Указом Президента Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 302 «О временном управлении некоторым имуществом» в случае лишения Российской Федерации и (или) российских юридических и физических лиц права собственности на имущество, находящееся на территориях недружественных иностранных государств, вводится временное управление в отношении имущества этих государств и их граждан на территории России, но лишения права собственности не происходит (Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3290).

ность согласно ст. 82 Конституции Российской Федерации обязался **защищать суверенитет**.

Статус страны-цивилизации влечет за собой **дополнительные обязанности государства во взаимоотношениях с религиозной средой**.

До конца 1917 г. православие было государственной религией, а известная формула «православие, самодержавие, народность» давала основание для причисления православия к идеологическим основам царской России. Породившая новую государственность Октябрьская социалистическая революция 1917 г. отстранила православие от идеологического руководства государством. При этом православие сохранилось в советском обществе и как имеющее многовековую традицию учение, и как организация под государственным контролем с разной степенью автономии вплоть до восстановления ликвидированного Петром I института Патриарха Всея Руси.

Конституционное (государственное) право рассматривает религию с двух позиций: как мировоззрение и как деятельность. Каждое религиозное мировоззрение основано на сакральной вере в Бога, которая не подвержена правовому регулированию со стороны светского государства. Право не устанавливает ни статуса этого мировоззрения, ни статуса верующего. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹¹ фиксирует две реально сложившиеся традиции: особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, а также многоконфессиональность без закрытого списка конфессий, но с перечислением четырех основных: христианство, ислам, буддизм, иудаизм. Однако **христианство имеет три направления: православие, католицизм и протестантизм, два из которых едва ли являются традиционными для России**. Рассмотрение религии как деятельности человека позволяет конституционному праву регламентировать статус создаваемых в связи с этой деятельностью объединений, не посягая на автономность мировоззрений.

5. Сбалансированность прав и обязанностей гражданина

Часть 1 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека¹² гласит: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом». Как минимум в русле конституционализации рассматриваемой концепции **положение ст. 75.1 Конституции Российской Федерации о сбалансированности прав и обязанностей гражданина не может не влиять на трактовку конституционных прав и свобод, закрепленных в главе второй Основного закона, а в перспективе все труднее будет находить объяснения отсутствия такой конституционной сбалансированности**.

Концептуально целесообразно вспомнить, что понятие «свобода» нередко (например, free – англ.) не только представляется в виде идеальных ценностей, но и имеет вполне материальное измерение, которое сводится

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4464.

¹² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

к его обнулению (по аналогии с известной нулевой ставкой налогообложения), так как означает **бесплатность** чего-либо. Иначе говоря, влияет на рыночные отношения, которые, как известно, строятся на извлечении прибыли.

Например, в отличие от США обучение в вузах ФРГ построено не на рыночных отношениях, а бесплатно для студентов, что конституционно обусловлено наличием социального государства.

В советских конституциях закреплялось **единство основных прав и обязанностей**, поэтому они содержали широкий перечень не только прав, но и обязанностей. Так, в Конституции СССР 1977 г. было указано почти полтора десятка обязанностей гражданина СССР, включая обозначенные как долг: добросовестно трудиться и соблюдать трудовую дисциплину; беречь и укреплять социалистическую собственность; бережно относиться к предоставленному жилищу; беречь природу и охранять ее богатства; уважать права и законные интересы других лиц; быть непримиримым к антиобщественным поступкам; всемерно содействовать охране общественного порядка; заботиться о воспитании детей; готовить детей к общественно полезному труду; защита социалистического Отечества – обязанность и священный долг; служить в Вооруженных Силах СССР – почетная обязанность; уважение национального достоинства других граждан, укрепление дружбы наций и народностей многонационального государства; обязанность детей заботиться о родителях и оказывать им помощь; беречь природу и охранять ее богатства; забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей; содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию всеобщего мира¹³.

В Конституции РСФСР 1978 г. первоначально воспроизводились закрепленные в союзной Конституции обязанности, но в период перестройки перечень был сокращен.

Современное конституционное регулирование обязанностей в России представляется идеологически ограниченным в связи с отказом от принципа единства прав и обязанностей и возведением в ранг высшей ценности только прав и свобод. Речь идет как о традиционных для любой конституции обязанностях граждан (соблюдать конституцию и законы, платить налоги, защищать Отечество), так и новых (обязанность основного общего образования, обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам). В ряде случаев Конституция идет по пути закрепления одной и той же диспозиции в качестве и права, и обязанности.

6. Правда на благо страны-цивилизации

Включение в Конституцию Российской Федерации положения о том, что Российская Федерация обеспечивает защиту **исторической правды**, следует

¹³ Советское государственное право : учебник для вузов / ред. С. С. Кравчук. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1985. С. 177–204.

рассматривать не только как **новую обязанность государства**. Речь идет о достаточно осторожном и робком, но **первом шаге на длинном пути открытия шлюза для движения созидательной энергии в направлении признания правовым государством ценностей правды не только в исторической ретроспективе, но и в правовом регулировании.**

Позволю себе обратиться к реальному кейсу.

Директор Института РАН А. Кудрявцев после выступления с докладом на пленарном заседании Третьей Международной научно-богословской конференции в ответ на неоднозначную реакцию коллег-генетиков заявил в интервью газете, что использовал терминологию, соответствующую богословской конференции, которую на научной конференции он бы никогда не употреблял. «Например, меня обвиняют в том, что я говорю: грех отражается на геноме. Богослов бы сказал, что грех пьянства влияет на потомство. На научной конференции это был бы доклад о генотоксическом воздействии этанола, и мне никто не смог бы возразить, потому что по этому поводу имеются десятки обзоров и статей... Да, я ученый, и знаю, что в научной картине мира нет места Богу, но это не мешает мне заниматься научными исследованиями и верить в Него. Если я выступаю на научных конференциях и пишу статьи в научные журналы, таких рассуждений вы там не найдете»¹⁴.

Если проанализировать изложенное в русле господствующей парадигмы свободы научного творчества, то ситуация едва ли вызывает какие-то вопросы. Речь может идти о правоотношениях, которые регулируются совокупностью норм публичного и частного права – от конституционных до авторских, и таких отношениях, которые не породили правоотношений (например, отношения, возникшие в процессе определения организаторами конференции круга докладчиков, в который был включен человек воцерковленный, но отрицающий Бога как ученый). Однако **подключение к анализу ценностей правды свидетельствует, видимо, как минимум о раздвоении поведения человека (его действий, бездействия), зависимости самого вектора поведения от ситуации.** Разумеется, нельзя упрекать человека в том, что ситуация оказывает влияние на детали его поведения. Однако **с позиции правды** два взаимоисключающих варианта **поведения человека, в зависимости от личного удобства признающего или отрицающего один и тот же факт, свидетельствуют о конфликте общественных и личных интересов, от участия в разрешении которого право страны-цивилизации едва ли должно уклоняться.**

Обсуждение и заключение

Процесс концептуализации и конституционализации России как страны-цивилизации представляется **объективно необходимым, долгосрочным** даже по историческим меркам и наполненным диалектическими противо-

¹⁴ «Уберите руки от моей веры». Член-корреспондент РАН Александр Кудрявцев объяснил свое выступление на богословской конференции // Московский комсомолец. 2023. 31 марта.

речиями между традициями и прогрессом, между государственно-правовыми и иными регуляторами общественных отношений.

Конституционного закрепления требует не та или иная идеология, а **статус России как страны-цивилизации**.

Список источников

1. Гессен В. М. Очерки истории науки государственного права // Известия Санкт-Петербургского Политехнического института. 1911. Т. 16. С. 181–218.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М. : Изд-во МГУ, 1994. 592 с. ISBN: 5-211-03193-8.
3. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. СПб. : Питер, 2021. 848 с. ISBN: 978-5-00116-621-4.
4. Скуратов Ю. И. Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития : моногр. М. : Проспект, 2021. 416 с. ISBN: 978-5-392-33769-9.
5. Серков П. П. Правоотношение: теория и практика современной правовой политики : в 2 ч. Ч. 1 : Правовая доктрина и меры правовой политики. М. : Норма, 2023. 870 с. ISBN: 978-5-00156-234-4.
6. Удычак Ф. Н. Понятие «государственность» как новая категория для российской науки и практики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2. С. 188–192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstvennost-kak-novaya-kategoriya-dlya-rossiyskoy-nauki-i-praktiki/viewer>.
7. Гришин О. Е., Глебов В. А. Российская государственность: некоторые современные политологические взгляды // Вестник РУДН. Сер.: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9, № 4. С. 351–359. DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-4-351-359.

References

1. Gessen, V. M. [Essays on the history of the science of public law]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Politekhnicheskogo instituta* = [Bulletin of the St. Petersburg Polytechnic Institute]. 1911;(16):181-218. (In Russ.)
2. Berman, G. J. [Law and revolution: The formation of the western legal tradition]. Moscow: Moscow University Publishing House; 1994. 592 p. (In Russ.) ISBN: 5-211-03193-8.
3. Sergeitsev, T., Kulikov, D., Mostovoy, P. [Ideology of Russian statehood]. St. Petersburg: Piter; 2021. 848 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00116-621-4.
4. Skuratov, Yu. I. [Eurasian paradigm of Russia and modern problems of its constitutional and legal development]. Monograph. Moscow: Prospekt; 2021. 416 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-33769-9.

5. Serkov, P. P. [Legal relationship. Theory and Practice of Modern Legal Policy]. In 2 pts. Pt. 1. [Legal doctrine and legal policy measures]. Moscow: Norma; 2023. 870 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00156-234-4.
6. Udychak, F. N. Concept of statehood as a new category for the Russian science and practice. *The Bulletin of the Adyge State University. Series: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2009;(2):188-192. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstvennost-kak-novaya-kategoriya-dlya-rossiyskoy-nauki-i-praktiki/viewer>.
7. Grishin, O. E., Glebov, V. A. Russian statehood: contemporary political views. *RUDN Journal of Public Administration*. 2022;9(4):351-359. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-4-351-359.

Информация об авторе / Information about the author

Колюшин Евгений Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (Российская Федерация, 109012, Москва, Б. Черкасский пер., д. 9).

Evgeniy I. Kolyushin, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation (9 Bolshoy Cherkassky Lane, Moscow, 109012, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.05.2024; одобрена после рецензирования 17.09.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 29.05.2024; approved after reviewing 17.09.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.92-98

Присяга как основа нравственного воспитания выпускников вузов юридических специальностей

Александр Валерьевич Канцеляров^{1, 2},

Илья Борисович Миронов³,

Елена Александровна Шкабура⁴

¹ Ассоциация юристов Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация

² Совет по развитию антикоррупционного комплаенса и деловой этики, Торгово-промышленная палата Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

³ Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

¹ alex190303@mail.ru, ³ mironov@duma.gov.ru,

⁴ shkaburaea@rsuj.ru

Аннотация

В статье проводится анализ процедуры торжественного принятия присяги. Рассмотрена роль института принятия присяги в системе органов государственной власти. В системе образования выделяется профессия юриста как фундаментальная.

Ключевые слова: клятва Гиппократ, моральное обязательство, присяга юриста, моральная деформация юриста, учебный процесс

Для цитирования: Канцеляров А. В., Миронов И. Б., Шкабура Е. А. Присяга как основа нравственного воспитания выпускников вузов юридических специальностей // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 92–98. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.92-98.

Original article

The Oath of Graduates in Law Specialties as the Basis for the Moral Education of Lawyers

**Alexandr V. Kantselyarov^{1, 2}, Ilya B. Mironov³,
Elena A. Shkabura⁴**

¹ Association of Lawyers of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

² Council for the Development of Anti-Corruption Compliance and Business Ethics, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

³ State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

⁴ Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

¹ alex190303@mail.ru, ³ mironov@duma.gov.ru, ⁴ shkaburaea@rsuj.ru

Abstract

The article briefly examines the procedure for the solemn taking of the oath, analyzes the role of the institution of taking the oath in the system of public authorities, highlights the legal profession as fundamental in the education system.

Keywords: Hippocratic oath, moral obligation, oath of a lawyer, moral deformation of a lawyer, educational process

For citation: Kantselyarov, A. V., Mironov, I. B., Shkabura, E. A. The oath of graduates in law specialties as the basis for the moral education of lawyers. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):92-98. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.92-98.

Приисяга – это клятва, которую обязан принести человек при поступлении на определенную службу, получении должности или нового статуса. Она подразумевает торжественное обещание выполнить определенный перечень действий и дается публично. Кроме того, присяга накладывает на давшее ее лицо ответственность, которую человек обязан выполнять. Исторически сложилось, что присягу принимают в тех профессиях, в которых решения могут прямо влиять на жизнь и здоровье людей.

Наряду с военной присяга ассоциируется с клятвой Гиппократов, которую дают медицинские работники после освоения всей образовательной программы и при получении документа об образовании и о квалификации. Клятва Гиппократов – этическое и моральное обязательство врачей, которое олицетворяет основные принципы медицины: не причинять вред пациентам, соблюдать конфиденциальность и посвятить себя помощи больным. В эти слова заложен основополагающий принцип о святом долге врача перед своими пациентами.

Действующая клятва врача в Российской Федерации законодательно закреплена Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Согласно ст. 71 лица, завершившие освоение образовательной программы высшего медицинского образования, при получении документа об образовании и о квалификации в торжественной обстановке дают клятву врача следующего содержания: «Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь: честно исполнять свой врачебный долг, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека; быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к пациенту, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии; хранить благодарность и уважение к своим учителям, быть требовательным и справедливым к своим ученикам, способствовать их профессиональному росту; доброжелательно относиться к коллегам, обращаться к ним за помощью и советом, если этого требуют интересы пациента, и самому никогда не отказывать коллегам в помощи и совете; постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, беречь и развивать благородные традиции медицины».

Врач – это профессия, поскольку деятельность врача сводится к лечению пациентов. Вместе с тем, если его деятельность обусловлена выполнением конкретных служебных обязанностей (административно-хозяйственных, организационно-распорядительных функций), врач является и должностным лицом.

Профессия юриста, так же как и профессия врача, отличается высокой степенью социальной ответственности и направлена на профессиональную помощь неопределенному кругу лиц. Такая параллель профессий обуславливает и общие принципы соответствовать определенным требованиям. В связи с этим принятие присяги в России является обязательной процедурой и для должностей, связанных с высокими коррупционными рисками (должностей, наделенных государственно-властными полномочиями), и для должностей, связанных с защитой прав и свобод граждан, общества и государства (военных, адвокатов, прокуроров, сотрудников МЧС, МВД и т. д.).

Институт принятия присяги широко используется и в иных сферах (при приеме в гражданство России и т. д.). Зачастую присяга имеет юридическую силу, а ее нарушение влечет за собой дисциплинарную или даже уголовную ответственность.

Говоря о профессии юриста, также хотелось бы подчеркнуть степень ответственности образовательных организаций при подготовке специали-

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

стов данной области. Граждане, обращаясь за помощью к юристу, должны быть уверены, что сценарий решения их вопроса не приведет к еще большим проблемам, а путь решения проблемы со стороны юриста как специалиста будет правильным.

Необходимо отметить, что Конституция Российской Федерации (далее – Конституция России) гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48). Нельзя умалять и иные виды оказания и поддержания государством на достаточно высоком уровне любых иных видов оказываемой помощи. Совершенно очевидно, что медицинская помощь имеет не менее важное, а зачастую и первостепенное значение в жизни каждого. Вместе с тем в отличие от положений ст. 48 Конституции России в ст. 41 Конституции закреплены гарантии на охрану здоровья и медицинскую помощь без указания на критерий «квалифицированной помощи». На наш взгляд, такой подход был избран неслучайно: в данном случае речь идет не только о закрепленных Конституцией России гарантиях определенных прав и свобод, но и об их лишении. Недопустимость произвола в принятии решений, ограничивающих права и свободы конкретного человека, потребовала особо выделить в Конституции России именно юридическую помощь.

В широком смысле квалифицированная юридическая помощь направлена на обеспечение правовой стабильности в деятельности государственных институтов и государства. Судья Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононов, комментируя рассматриваемые конституционные положения, указывает, что «право каждого на получение квалифицированной юридической помощи служит гарантией осуществления других закрепленных в Конституции прав и свобод, в частности на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), на судебную защиту (ст. 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123), находится во взаимосвязи с ними (см. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 14-П) и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах (см. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 г. № 8-П)» [1, с. 437].

Конституция государства рассматривает профессию юриста прежде всего как деятельность по обеспечению защиты прав и свобод граждан. В качестве наиболее заметных направлений, непосредственно вовлеченных в оказание квалифицированной юридической помощи, следует отметить деятельность судов [2], прокуратуры, адвокатуры и следствия. Все перечисленные направления деятельности юристов в соответствии с законом требуют, по нашему мнению, принесения присяги (Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»², Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»³, Федеральный закон

² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁴, Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁵, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»⁶).

В то же время оказание юридической помощи, конечно же, не ограничивается перечисленными институтами, является многогранной деятельностью и обеспечивается даже в отсутствие непосредственно в ней гражданина. Это правовая составляющая государственных институтов, а также производственных, инвестиционных, строительных и любых иных отраслевых направлений. Если в отдельных случаях, как, например, в деятельности Уполномоченного по правам человека, законодательство предусматривает принесение присяги, то во множестве случаев, где участие юристов предусмотрено законом, присяга как торжественная клятва следования закону отсутствует.

Например, согласно ст. 48 ГПК РФ представителями в суде, в апелляционных и кассационных инстанциях судов общей юрисдикции могут выступать наряду с адвокатами иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. В данном случае логически невозможно даже в пределах одной статьи Кодекса объяснить, почему законоположение о принесении присяги установлено только для лиц в статусе адвоката.

Поскольку профессия юриста направлена на защиту прав и свобод человека, отстаивание интересов граждан, общества и государства, полагаем целесообразным ввести процедуру принятия присяги для выпускников учебных заведений по юридическим специальностям.

Негативными факторами совершения юристами тех или иных правонарушений (нарушения служебного долга или профессиональной тайны, формализм, халатность и т. д.) являются, на наш взгляд, низкая этическая культура и нравственность. Моральная деформация некоторых юристов обусловлена, возможно, тем, что их деятельность связана постоянно с проявлениями жестокости, противоправного поведения, нарушениями прав и свобод и т. д.

Устойчивые моральное сознание и поведение формируются на протяжении всей жизни юриста, а потому важным является определение образовательными организациями первоначальных морально-нравственных и профессиональных ориентиров будущего специалиста, в том числе для снижения рисков моральной деформации выпускников.

Таким образом, одним из путей решения данного вопроса может быть выстраивание учебного процесса юриста с целевым ориентиром на принципы совести, чести, справедливости. Принятие присяги как акт, имеющий нравственное содержание и влекущий моральную ответственность,

⁴ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

будет основой в становлении выпускника-юриста как полноправного члена юридического сообщества в целом и позволит повысить авторитет юридического сообщества.

Данный важный подход может быть реализован в образовательных организациях и без законодательного закрепления, в форме рекомендаций на уровне Ассоциации юристов России, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации.

Список источников

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд. М. : Норма : Инфра-М, 2011. 1007 с. ISBN: 978-5-91768-218-1.
2. Момотов В. В. О роли Верховного Суда Российской Федерации в гуманизации законодательства и правоприменительной практики // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 8–31. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.8-31.

References

1. Zorkin, V. D., ed. [*Commentary on the Constitution of the Russian Federation*]. 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M; 2011. 1007 p. ISBN: 978-5-91768-218-1.
2. Momotov, V. V. On the role of the Supreme Court of the Russian Federation in humanising legislation and law enforcement practice. *Pravosudie/Justice*. 2024;6(2):8-31. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.8-31.

Информация об авторах / Information about the authors

Канцеляров Александр Валерьевич, сопредседатель Правления Ассоциации юристов Чувашской Республики (Российская Федерация, 428003, Чебоксары, ул. Дзержинского, д. 20/29), член Совета по развитию антикоррупционного комплаенса и деловой этики Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (Российская Федерация, 109012, Москва, ул. Ильинка, 6/1).

Alexandr V. Kantselyarov, Co-Chairman of the Board of the Association of Lawyers of the Chuvash Republic (20/29 Dzerzhinsky St., Cheboksary, 428003, Russian Federation), Member of the Council for the Development of Anti-Corruption Compliance and Business Ethics, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (6/1 Ilyinka St, Moscow, 109012, Russian Federation).

Мионов Илья Борисович, кандидат юридических наук, руководитель аппарата по государственному строительству и законодательству Государ-

ственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Российская Федерация, 103265, Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1).

Цуа В. Mironov, Cand. Sci. (Law), Head of the Office for State Construction and Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1 Okhotny Ryad St., Moscow, 103265, Russian Federation).

Шкабура Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель ректора по качеству образовательной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elena A. Shkabura, Cand. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Deputy Rector for Educational Quality, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 22.01.2025.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Original article

UDC 347.77

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.99-116

Cross-Border IP Enforcement Challenges in Biomedicine E-Commerce

Anna V. Pokrovskaya^{1, 2}

¹ Law Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

² Intellectual Property Center "Skolkovo", Moscow, Russian Federation

¹ 1142220181@pfur.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6473-2027>

Abstract

Introduction. Biomedicine has embraced the e-commerce world, where digital markets play a substantial role in distributing life-saving pharmaceuticals, medical devices, and healthcare products. The convergence of biomedicine and e-commerce poses challenges in protecting intellectual property rights across borders due to the global nature of online transactions. E-commerce platforms have enabled global reach for biomedicine companies by breaking geographical boundaries, operating 24/7, facilitating online advertising, easing product distribution, offering personalization, and utilizing data analysis to understand market dynamics. Intellectual property plays a crucial role in safeguarding innovations in biomedicine, encouraging investment, maintaining a competitive edge, allowing licensing agreements, protecting trademarks, and garnering local support. Therefore, the author's objective was to analyze the cross-border protection of intellectual property in e-commerce of biomedical goods with a focus on the differences in the regulatory framework, the problems of counterfeiting and piracy, as well as the identification of jurisdictions requiring cooperation in their solution by stakeholders.

Methods. The methods used in this article involve a comprehensive review of existing international IP enforcement frameworks, with a focus on their application in the biomedicine e-commerce sector. The study applies a multidisciplinary approach, analyzing legal, technological, and regulatory challenges through secondary sources, including international treaties, national laws, and scholarly research. Comparative analysis is conducted to identify gaps in enforcement mechanisms across jurisdictions. Furthermore, case studies and contemporary examples of cross-border IP violations in biomedicine e-commerce are examined to illustrate practical challenges and potential solutions. Policy recommendations are developed by synthesizing insights from legal, technological, and institutional perspectives to propose enhanced enforcement strategies within a globalized context.

Results. Legal and regulatory variations, divergent enforcement procedures, jurisdictional issues, and cultural barriers complicate the enforcement of intellectual property rights in cross-border biomedicine e-commerce. Counterfeit products and piracy endanger consumers, harm reputable manufacturers, and erode stakeholder trust. Addressing these challenges demands coordinated efforts from governments, businesses, and society.

Discussion and Conclusion. Cross-border IP enforcement challenges in biomedicine e-commerce necessitate a comprehensive approach to protect intellectual property rights, combat counterfeiting, and address jurisdictional complexities effectively. Collaborative efforts involving technology, data analytics, legal frameworks, and stakeholder engagement are crucial in mitigating the risks associated with intellectual property infringement in the global digital marketplace. Emphasizing robust enforcement mechanisms and promoting legal harmonization are essential steps towards safeguarding innovation and ensuring a fair and secure environment for biomedicine e-commerce.

Keywords: biomedicine, e-commerce, cross-border IP protection, global market, legal issues

Acknowledgments: the research was supported by Russian Science Foundation grant No. 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>.

For citation: Pokrovskaya, A. V. Cross-border IP enforcement challenges in biomedicine e-commerce. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):99-116. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.99-116.

Научная статья

Проблемы трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в электронной торговле биомедицинскими товарами

Анна Владимировна Покровская^{1, 2}

¹ Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

² ЦИС «Сколково», Москва, Российская Федерация

¹ 1142220181@pfur.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6473-2027>

Аннотация

Введение. Биомедицина стала частью электронной коммерции, где цифровые рынки играют существенную роль в распространении жизненно важных фармацевтических препаратов, медицинских приборов и товаров здравоохранения. Слияние биомедицины и электронной коммерции создает проблемы в защите прав интеллектуальной собственности за пределами границ государств в связи с глобальным характером онлайн-операций. Платформы электронной коммерции позволили биомедицинским компаниям выйти на мировой рынок, преодолев географические границы, работая круглосуточно, облегчая онлайн-рекламу, упрощая распространение продукции, предлагая персонализацию и используя анализ данных для понимания динамики рынка. Интеллектуальная собственность играет решающую роль в защите инноваций в биомедицине, стимулировании инвестиций, сохранении конкурентных преимуществ, разрешении лицензионных соглашений, защите товарных знаков и привлечении местной поддержки. Поэтому автор анализирует трансграничную защиту интеллектуальной собственности в электронной торговле биомедицинскими товарами с

акцентом на различия в нормативной правовой базе, проблемы контрафакции и пиратства, а также определения юрисдикции требующих сотрудничества в их решении заинтересованных сторон.

Методы. Методы, использованные в данной статье, включают всесторонний обзор существующих международных механизмов защиты ИС с акцентом на их применение в секторе электронной торговли биомедицинскими товарами. В исследовании применяется междисциплинарный подход, анализируются правовые, технологические и нормативные проблемы на основе вторичных источников, включая международные договоры, национальные законы и научные исследования. Проводится сравнительный анализ для выявления пробелов в механизмах правоприменения в разных юрисдикциях. Кроме того, для иллюстрации практических проблем и потенциальных решений рассматриваются современные примеры трансграничных нарушений ИС в электронной торговле биомедицинскими товарами. Политические рекомендации разрабатываются на основе синтеза знаний исходя из правовой, технологической и институциональной точек зрения с целью предложить усовершенствованные стратегии защиты прав в условиях глобализации.

Результаты исследования. Различия в нормативном правовом регулировании, несопадающие процедуры правоприменения, проблемы юрисдикции и культурные барьеры осложняют обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности в трансграничной электронной торговле биомедицинскими товарами. Контрафактная продукция и пиратство ставят под угрозу потребителей, наносят ущерб авторитетным производителям и подрывают доверие заинтересованных сторон.

Обсуждение и заключение. Задачи трансграничной защиты прав интеллектуальной собственности в электронной торговле биомедицинскими товарами требуют комплексного подхода для защиты прав интеллектуальной собственности, борьбы с контрафактом и эффективного решения юрисдикционных сложностей. Совместные усилия, включающие технологии, аналитику данных, правовую базу и взаимодействие с заинтересованными сторонами, имеют решающее значение для снижения рисков, связанных с нарушением прав интеллектуальной собственности на глобальном цифровом рынке. Упор на надежные механизмы правоприменения и содействие гармонизации законодательства являются важнейшими средствами защиты инноваций и обеспечения справедливой и безопасной среды для электронной торговли биомедициной.

Ключевые слова: биомедицина, электронная коммерция, трансграничная защита интеллектуальной собственности, глобальный рынок, правовые вопросы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>.

Для цитирования: Покровская А. В. Проблемы трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в электронной торговле биомедицинскими товарами // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 99–116. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.99-116.

Introduction

Biomedicine has embraced the e-commerce world as the digital market is becoming substantial in the distribution and avail of life-saving pharmaceuticals, medical devices, and healthcare products. The convergence of biomedicine

cine and e-commerce is not only changing the landscape through which people access and purchase healthcare products. It has also elicited the issue of intellectual property protection in a cross-border scenario. Today, the digital era has made it economical for transactions and clients to be conducted and obtained from various locations without the restrictions of geographical boundaries.

Therefore, intellectual property rights (hereinafter – IPR) should be highly protected to save the fruits of innovative technologies, research discoveries, and proprietary information in the biomedicine industry. IPR not only creates a breeding ground for innovation and capital investment, but also provides a barrier that chokes the use, replication, or commercialization of biomedical products and inventions.

This article seeks to bring out the challenges and counter challenges that are associated with the enforcement of IPR in biomedicine e-commerce. We will be addressing the complex issues involved in cross-border IPR enforcement in the active and dynamic e-commerce field from varying angles as possible to offer insight into the issues facing the industry and suggesting a way out.

1. Understanding the Biomedicine E-Commerce Landscape

The biomedicine industry is a super critical sector encompassing the development, production and distribution of medical products and services for the betterment of human health and well-being [1]. It covers: pharmaceuticals, medical devices, biotechnology, diagnostics, and health care services. Because the industry as a whole has recently been subject to major digital transformation opportunities seeking to exploit technological progress, leveraging changes in consumer behavior, and merging of digital tools and platforms to drive rapid growth, particularly in the field of biomedicine in a much broader sense, biomedical e-commerce has given the industry a possibility to open up completely new sales channels, a global market place, and simply overarching opportunities. Biomedicine e-commerce has allowed companies to go beyond traditional selling points in drugstores or medical supply stores and sell directly to patients. Similar solutions apply to any sales channels such as health and dietary supplements stores offering a direct cause-driven approach to reach their target customers. Strengthened by digital e-commerce platforms, these business cases have been completely redefined as drug availability accuracy, promotion, and sales capabilities have all been shuffled out of proportion facilitating both their market value and sales availability. However, digital solutions have also enabled new types of medical care solutions such as telemedicine, digital medicine monitoring tools, personalized medicine approaches, and solutions driven by artificial intelligence. All this further enhances development opportunities and the ability to monetize processed data for companies. Biomedicine's e-commerce development and digitalization has opened completely new opportunities and a much broader and more expansively developing field. On the other hand, however, it also causes many 'evils' in the field of intellectual property law. Business players are forced to protect the law from the development of their numerous innovations, brands, and from vul-

nerability due to diverse regulations and extensive supply chains to the global market.

1.1. Importance of Intellectual Property in Protecting Innovations in Biomedicine

Intellectual property rights are essential in protecting developments in biomedicine. The following are reasons that illustrate the importance of intellectual property in protecting biomedicine innovations: encouraging investment; protection of intellectual property through patents, copyrights, and trademarks gives mineralization organizations and research stakeholders the reason to invest in research and developments; namely, owners have the exclusive rights to their inventions [2]. When investors have such rights, the findings of their research secure them returns, and they can recoup their investment costs. Essentially, for any company to invest in a venture, they must examine how they will benefit from the investment. The exclusive rights maintain the competitive edge, as the original innovators will benefit from their creation and control the market. The third reason is for a competitive edge. As companies protect their research findings and inventions, other organizations cannot directly copy the research or product. Licensing agreements; mineralization organizations can share their research findings with other organizations, research stakeholders, or other institutions while maintaining supremacy. The fourth reason is for a competitive edge. The fifth is protecting one's mark. The article illustrates the importance of having a unique mark because companies producing biomedicine products and services have distinguished products. Local's support is essential for the development of the findings. They sell the patent findings at local markets, hence reducing the prevalence of counterfeit goods. For any biomedicine company, these arguments are valid reasons to own an intellectual property right.

It would also be desirable to separately note and emphasize such objects of copyright, which play an important role in the field of biomedicine, as copyrights. The biomedical field protects various copyrighted items such as scientific research, articles, monographs, software, visualizations of research results, medical graphs, charts, designs of medical equipment and devices, and certain medical techniques, procedures, and algorithms. These objects may be protected by copyright if they represent the result of original creativity. Protection of these objects helps to stimulate innovation, research and development, ensures that authors are entitled to remuneration for their work and encourages further creativity in the field of biomedicine.

1.2. E-commerce in Biomedicine: International Experience

In different countries of the world, e-commerce in biomedicine is regulated by a variety of legal acts reflecting the peculiarities of the legal system of each jurisdiction. Let us consider the experience of several countries:

1. USA:

– The U.S. Health Insurance Portability and Accountability Act (HIPAA)¹ sets standards for protecting the privacy and security of medical data in the digital environment.

¹ The Health Insurance Portability and Accountability Act (HIPAA), 1996.

– The Federal Trade Commission (FTC) oversees compliance with e-commerce laws, including advertising and consumer protection regulations.

2. European Union:

– The General Data Protection Regulation (GDPR)² is the primary tool for regulating the processing of personal data in the European Union, including medical data.

– The Medical Device Directive (MDR)³ and the In Vitro Diagnostic Medical Device Directive (IVDR)⁴ set quality and safety standards for medical products and approve certification procedures.

3. Russia:

Russian legal doctrine addresses biomedicine issues through the prism of various legal and political aspects, including protection of patients' rights, ethical norms in medicine, responsibility of medical professionals and regulation of medical activities. The main areas of study of these issues include:

1. Protection of patients' rights: this aspect examines the legal mechanisms of ensuring patients' rights to receive quality medical care, informed consent and confidentiality of medical information [3; 4]. The issues of accessibility of medical care and protection of interests of participants of medical procedures are also considered.

2. Ethical aspects in medicine: within the framework of the study of this direction the questions of ethical norms and principles regulating the behavior of medical workers, as well as the relationship between doctor and patient are considered. Ethical aspects of biomedicine are important to ensure honesty, trust and professionalism in the medical field [5; 6].

3. Medical liability: legal doctrine analyzes the issues of medical professionals' liability for errors, mistakes and violations of patients' rights [7; 8]. The procedure of damages, disciplinary and criminal liability in case of violations of health care legislation is considered.

4. Regulation of medical technologies: in the modern world new technologies in medicine, such as telemedicine, the use of artificial intelligence, genetic engineering and others, are actively developing. Legal doctrine explores the issues of regulation and control over the use of these technologies, considering ethical norms and patients' rights [9; 10].

Thus, Russian legal doctrine considers the problems of biomedicine in various aspects, which contributes to the formation of a balanced and effective legal regulation in the field of health care and biomedicine.

In the Russian Federation, biomedical issues are regulated by a number of federal laws that cover various aspects of health care and medical activities.

² Regulation (EU) 2016/679, General Data Protection Regulation (GDPR).

³ Regulation (EU) 2017/745 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2017 on medical devices, amending Directive 2001/83/EC, Regulation (EC) No. 178/2002 and Regulation (EC) No. 1223/2009 and repealing Council Directives 90/385/EEC and 93/42/EEC.

⁴ Regulation (EU) 2017/746 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2017 on in vitro diagnostic medical devices and repealing Directive 98/79/EC and Commission Decision 2010/227/EU.

The Federal Law “On the Fundamentals of Citizens’ Health Protection in the Russian Federation”⁵ establishes the foundations of state policy in the field of citizens’ health protection, contains provisions on the rights and obligations of citizens in the field of health protection and promotion (Article 33), the basic rights and obligations of medical workers (Article 34) and the rights and obligations of patients (Article 35). It also regulates medical assistance, compulsory and voluntary health insurance, sanitary and epidemiological well-being of the population and other aspects of health care.

In addition, in this context, the Federal Law “On Protection of Citizens’ Health from Exposure to Ambient Tobacco Smoke and Consequences of Tobacco Consumption”⁶ is important; it establishes measures to protect citizens from exposure to tobacco smoke, including restrictions on smoking in public places, places of work, medical institutions and other places. It also regulates the manufacture, labeling, advertising and sale of tobacco products (Article 10).

The Federal Law “On Circulation of Medicines”⁷ establishes the procedure for circulation of medicines on the territory of the Russian Federation. It regulates the issues of clinical trials of medicines (Article 4) and their registration (Article 5). Also, it establishes the procedure for the use of new medical technologies (Article 52), the procedure for control over the quality of medicines and liability for violation of legislation in this area.

The above-mentioned laws and articles play an important role in ensuring an adequate level of healthcare quality, protecting the health of citizens and developing biomedical technologies in Russia. They are based on the principles of responsibility, professionalism and care for the health of citizens, which is a key element in modern medical care and biomedical development.

2. Cross-Border IP Enforcement Challenges

The challenge of cross-border protection of biomedical information systems is critical in today’s world where patient data is stored and transferred across different countries and jurisdictions. Here are some specific challenges and practical examples of IP protection in biomedicine from different jurisdictions:

1. Protecting patients’ personal medical data is a major challenge. For example, the European Union has the General Data Protection Regulation (GDPR)⁸, which sets high privacy standards and requirements for the processing of personal data in healthcare.

⁵ Federal Law of 21 November 2011 No. 323-FZ “On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation”. Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.

⁶ Federal Law of 23 February 2013 No. 15-FZ “On Protection of Citizens’ Health from Exposure to Ambient Tobacco Smoke and Consequences of Tobacco Consumption”. Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.

⁷ Federal Law of 12 April 2010 No. 61-FZ “On Circulation of Medicines”. Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.

⁸ Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation – GDPR).

2. Cross-border transfers of healthcare data require security measures. For example, U.S. laws such as HIPAA (Health Insurance Portability and Accountability Act)⁹ establish requirements to protect sensitive medical information when data is transferred outside the country.

3. Another challenge is managing risk and compliance with different legal requirements in different jurisdictions. For example, healthcare organizations must comply with different standards and certifications depending on the country in which they operate.

4. It is equally important to provide technical security measures to protect IP from cyberattacks and data breaches. Examples include the use of data encryption, multi-factor authentication, and regular security updates.

5. Adherence to international standards, such as ISO/IEC 27001¹⁰, helps to ensure a high level of data protection in cross-border health information systems.

These challenges and examples of protecting biomedical information systems emphasize the importance of international cooperation and compliance with data security legislation to ensure an appropriate level of protection and privacy of patients medical information.

2.1. Legal and Regulatory Variations

One of the challenges when it comes to enforcing IP rights across borders is legal and regulatory variations among jurisdictions [11].

They can largely influence the effectiveness of IP enforcement in the biomedicine industry e-commerce. Among the concerns are:

Every country or a region has its own body of laws, regulation, and special judicial system that governs IP rights. Legal divergences are manifested in varied legal standards applicable for IP protection enforcement. For example, the definition of IP infringement, its scope, and available remedies.

Enforcement of IP rights also greatly differs from one jurisdiction to another. Cross-border procedural differences include dissimilar court proceedings and requirements for evidence, availability of interim measures – injunctions. It is a challenge for biomedicine companies to protect their IP assets when they enter a foreign market.

It is often a challenge to decide on which court to appeal when filing an IP infringement claim. Among the difficult questions are where the infringement took place, where the infringement is located and which courts can have jurisdiction. It is a task to know that often requires a deep analysis of legal principles such as territoriality.

Even though international treaties and agreements aim at harmonizing IP law, it is still a challenge. The harmonization of treaties can be flawed because of its poor implementation and interpretations. Such harmonization variations create legal uncertainties that make it complicated for companies that operate in multi-jurisdictions.

⁹ The Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA).

¹⁰ ISO/IEC 27001:2022, Information security, cybersecurity and privacy protection – Information security management systems.

Cross-border IP enforcement is also influenced by cultural differences and language barriers. The most pronounced element in cross-border e-commerce that will impact IP enforcement is a language. Different nationalities speak different languages and the perception of one language by one could be really hard on another.

Also in connection with the discussion of the cross-border nature of intellectual property, and its peculiarity, which is its “territorial” character, we should elaborate on this aspect. “Territorial character” of intellectual property refers to the principle that intellectual property rights (copyright, patent rights, trademark rights and others) are protected within a certain territory exclusively in accordance with the law of that territory [12]. This principle implies that in order to ensure the protection of one’s intellectual property rights, it is necessary to comply with the laws of the particular country or region where the legislation establishes the rules governing the use, protection and enforcement of intellectual property rights.

One of the key aspects of the discussion of the territorial nature of intellectual property is related to the need to register intellectual property rights. Registration makes it possible to clearly define the legal status of authors, inventors and right holders, and to establish their exclusive rights to works, inventions or trademarks. This process also ensures that the rights of right holders can be effectively protected in the event of disputes or infringements [13].

Intellectual property registration provides owners with legal protection and exclusive rights for a specified period of time. Owners are able to control the use of their creative products and innovations, protect their interests from competitors and fraudsters, and benefit financially from the complex commercialization of their intellectual assets.

However, in case of insufficient or absent registration of intellectual property rights in certain states, serious problems arise in ensuring effective protection of these rights. Unregistered trademarks, works of authorship or patents are vulnerable to infringement, copying or unlawful use without the ability to hold infringers accountable.

2.2. Challenges in Intellectual Property Infringement Detection and Prevention

In the case of biomedicine, detecting and preventing IPR infringement in cross-border e-commerce is extraordinarily challenging. The problem is based on counterfeiters’ anonymity, quick adaptation, the distribution of many sources of counterfeits, and the extent of digital border sales [14]. Identifying fake items and the unapproved use of intellectual property requires technology for detection, data analytics, communication among all homeowners, and industry-related organizations, customs employees, and maybe law enforcement agencies. Additionally, sometimes actions must obey laws of several states, making it even tougher to tackle the piracy in biomedicine e-commerce. A robust response built on high-tech enforcement, detection, and stakeholder collaboration.

Counterfeiting and Piracy

Counterfeit products and piracy have devastating consequences for the biomedicine sector that, in turn, impacts e-commerce on multiple fronts [15].

Counterfeit pharmaceuticals, medical equipment, and health products endanger consumers' lives and health; in addition, they tarnish the name of reputable biomedicine manufacturers. Furthermore, piracy of original or confidential research, investments, and inventions harms the competitiveness of companies. The availability of fakes and illegally traded products on the web undermines customers' and stakeholders' loyalty and results in financial harm and legal actions against biomedicine businesses.

Jurisdictional Issues

Regarding jurisdictional problems in cross-border IP disputes in biomedicine e-commerce, the challenges are due to the interdependence of international trade and digital commerce. In this sense, the following can be said:

- 1) complexity determining jurisdiction in cross-border IP disputes, and
- 2) challenges enforcing IP rights across multiple jurisdictions in biomedicine e-commerce.

As for the first problem, it is necessary to consider the combination of several factors that make the jurisdictional issue complex due to the multiformity of these factors. When an infringement occurs online, the determination of jurisdiction is even worse because the internet has no borders, and e-commerce platforms are often multinational. Therefore, it results in the fact that it is difficult for the parties to ascertain the period and the court where they can file the claim. This problem leads to an infringement in searching for a court (forum shopping), which delays prosecution and causes uncertainty over the outcome [16]. If the second problem is considered, it is appropriate to mention that IP enforcement differs among nations. It is a material and procedural matter. Multilateral cooperation, clear legislation, and conflict resolution mechanisms can help solve such difficulties.

3. Solutions for Effective Cross-Border IP Enforcement

3.1. International Cooperation

International cooperation is essential for pushing back against cross-border IP infringement in the biomedicine e-commerce sector. Without the ability to share information, expertise, and resources, doing so effectively becomes almost impossible. This is because most intellectual property crimes will have already transcended one or more national borders [17]. In collaboration, countries will be able to better enforce their laws against IP infringement in other countries, expedite the legal process, and ensure that cross-border infringers can't take advantage of judicial red tape.

Several successful international instruments show that international collaboration is beneficial in enforcing IP across the border. The World Intellectual Property Organization provides a stage on which States Members cooperate on IP matters, develop shared guidelines and best practices [18]. The WIPO Arbitration and Mediation Center provide IP-specific alternative dispute resolution procedures to address international disputes more quickly. Among other commercial agreements that affect IP is the Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights agreement within the World Trade Organization. TRIPS provisions set the minimum standards for IP protection and enforcement and push the cooperating countries to adopt and adhere to similar laws [19].

As with other aspects of international cooperation, there are also bilateral and regional agreements promoting cross-border IP enforcement. One of the examples is the European Union Intellectual Property Office, which cooperates with each of its IP counterparts across the European Union. Agencies combine their efforts in fighting counterfeiting and piracy, form joint enforcement teams and coordinate data sharing.

Several successful international instruments demonstrate that collaboration and international friendship contribute to cross-border enforcement of IP. The World Intellectual Property Organization serves as a platform for cooperating States Members to develop shared IP protections and guidelines and even provides for shared best practices [20]. The WIPO Arbitration and Mediation Center provides alternative dispute resolution specifically adapted to IP issues and allows for quicker solving of international disputes. The phenomenon is also described by various commercial agreements that impact IP, which includes the Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights within the World Trade Organization.

3.2. Technology and Tools

Additionally, technology is a critical contributor to increased enforcement of intellectual property rights in the sector of biomedicine e-commerce [21]. Due to the massive increase in online commerce, technology has been crucial in the monitoring, detection, and fighting against various forms of IP infringements. Notably, the various aspects of technology that are considered here include data analysis and monitoring technologies used to check and track the online platforms and marketplaces where IP infringements arise. Similar technologies are also used to analyze and identify counterfeit products and the unauthorized distribution of trademarks. Secondly is the digital rights management which is solutions designed to fasten the reaction of the rights holders through tracing digital work ownership distribution. Blockchain technology, as discussed earlier, is an IT tool used to improved traceability and verification of products to reinforce IP ownership security [22]. Artificial technology also plays a role in the sense of AI and Machine Learning automation capabilities, which help the companies to detect the patterns and anomalies in IP infringements and respond promptly. In the platform aspect, online monitoring and enforcement also provide the status of IP infringement information in real time to allow timely respond.

As mentioned earlier, IP provides a significant aspect in biomedicine e-commerce, as it promotes innovation and guarantees patient safety [23]. For this reason, thus, it is essential that specialized technology tools and solutions are used.

4. Future Trends and Recommendations

4.1. Biomedicine E-Commerce Emerging Trends and Implications for IP Enforcement

The biomedicine e-commerce landscape is rapidly changing opportunities are driven by technology development, consumer tendencies, and market regulation modifications. In view of these changes, we need to outline and analyze current trends that underpin the dimensions in which biomedicine products

are purchased, sold, and distributed. This will help to outline the most likely challenges and opportunities concerning all aspects of enforcing intellectual property in our sector.

1. *Digital health platforms*

The online platforms and marketplaces specifically dedicated to solutions of digital health, telemedicine, and wearable healthcare devices are changing the world's way of providing and accessing health services. Due to their convenience factor for consumers, one of the main problems for IP enforcement consists of their universality, being open to customers and suppliers from all over the world.

2. *Personalized medicine*

Genomics sequencing and personalized therapy advance demands for biomedicine products tailored for each individual. Moreover, this trend becomes a suitable offer for diagnostics, which drives many practitioners to implement personalized solutions of products. These circumstances require stronger intellectual protection because biomedicine firms and computers more and more rely on the data-based algorithms of AI permitting personalized treatments.

3. *The power of blockchain*

Blockchain integration is transforming the most critical sectors of the biomedicine industry, including supply chains and authentication, as well as data transferring. They provide opportunities to keep up with IP enforcement by recording transactions and supply and dissemination history.

4. *Artificial intelligence and machine learning*

The demand for AI and machine learning algorithms and inventions includes pharmaceutical sciences, diagnostics, and individual therapy and diagnostics. AI more often migrates up to e-commerce articulating IP enforcement

The use of new tools, such as blockchain and artificial intelligence, to protect infringed rights, including intellectual property, represents a significant opportunity to increase the effectiveness of control mechanisms and ensure reliable protection of rights holders' rights. Let's take a closer look at the challenges they can address:

1. *Blockchain:*

– Immutable record of information: Blockchain technology enables the creation of immutable records of data, helping to protect rights and prevent tampering.

– Access and rights management: Blockchain can be used to implement smart contracts that control access to intellectual property and automate compliance with legal agreements.

– Tracking the chain of title: Blockchain provides transparency and integrity of the chain of title documents, which facilitates proof of ownership and authorship.

2. *Artificial intelligence:*

– Big Data Analytics: AI is capable of processing large amounts of data, identifying patterns of infringement and predicting possible threats to intellectual property.

– Image Recognition: Machine vision and image processing technologies help identify and protect copyrights in graphic works.

– Process automation: Artificial intelligence can automate processes for monitoring infringement, managing rights and protecting intellectual property data.

The effective application of blockchain and artificial intelligence in intellectual property protection improves transparency, reduces the risks of infringement and conflict, and automates protection processes. These tools not only provide increased security for the legal interests of right holders, but also contribute to the overall development of the intellectual property protection system.

4.2. Recommendations on the Algorithm of Actions to Protect Intellectual Property Objects in Foreign Countries in the Field of Biomedical Technologies

In the modern world, the protection of intellectual property rights in cross-border electronic commerce is a complex and urgent problem that requires a comprehensive approach and concerted action at the international level. With the diversity of legal and regulatory systems in different countries, there are some complexities and challenges that may make it difficult to effectively protect intellectual property rights abroad. In this context, it is particularly important to develop and apply strategies and measures aimed at preventing infringements and ensuring effective protection of intellectual property owners' rights. In order to ensure such protection, it is necessary to take into account the specificities of each jurisdiction and to act jointly at the international level. The following recommendations on the algorithm of actions for protection in foreign countries in the absence of a unified protection mechanism are presented, which can serve as a basis for the development of effective strategies to combat infringement of intellectual property rights in the international context.

In the context of protecting intellectual rights in the field of biomedical technologies, the following specific measures can be proposed:

1. Registration of patents: One of the key ways to protect intellectual rights in the field of biomedical technologies is to register patents for new inventions. This will eliminate the possibility of illegal copying and use of developments by others.

2. Confidentiality and non-disclosure of information: Confidential agreements in the exchange of information and materials between partners, specialists and researchers will help to prevent leakage of intellectual content and unfair use of research results.

3. Adherence to international standards: It is important to follow international intellectual property standards and regulations to ensure that biomedical developments are legally and safely protected.

4. Licensing of rights: In case it is necessary to use the intellectual developments of third parties, it is beneficial to enter into licensing agreements that define the terms and conditions of the permitted use and compensation for it.

5. State support and control: Interaction with state authorities to ensure control over the observance of intellectual property rights and support of innovative developments in the field of biomedicine.

The application of these measures will create a more favorable environment for the development of biomedical technologies, ensuring their protection and promoting innovative development of this important field of science.

Conclusion

Intellectual property and its protection play a key role in today's digital world, especially in the field of biomedicine and e-commerce. As the research analysis shows, the problems of cross-border protection of intellectual property rights in e-commerce of biomedical goods have many aspects that require attention and solutions.

In the context of Russia, it is important to note that the existing differences in legal regulation, enforcement procedures, problems of counterfeiting and piracy, as well as jurisdictional complexities create additional challenges for the effective protection of intellectual property rights in cross-border e-commerce. The need for coordinated efforts on the part of government, business and society becomes even more acute in light of such complex problems.

Consequently, high technology, stakeholder cooperation and enforcement of various legal frameworks are necessary to successfully overcome the challenges of intellectual property infringement. Only collaborative efforts involving technological innovation, data analytics, legislative development and active stakeholder engagement will effectively mitigate the risks associated with intellectual property infringement in the global digital marketplace.

By emphasizing the importance of robust enforcement mechanisms and encouraging legislative harmonization, a significant step can be taken towards protecting innovation and ensuring a fair and safe environment for biomedical e-commerce. The implementation of comprehensive measures and joint efforts will be a crucial factor in successfully combating the challenges facing the biomedical e-commerce industry in today's world.

References

1. Benis, A., Tamburis, O., Chronaki, C., Moen, A. One digital health: a unified framework for future health ecosystems. *Journal of Medical Internet Research*. 2021;23(2):e22189. DOI: 10.2196/22189.
2. Kieff, F. S. Property rights and property rules for commercializing inventions. *Minnesota Law Review*. 2000;(85):697. DOI: 10.2139/ssrn.229981.
3. Bogdanova, E. E., Maleina, M. N., Ksenofontova, D. S. Separate problems of protection of citizens' rights in the use of genomic technologies. *Lex Russica*. 2020;5(162):129-142. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142.
4. Donetsky, D. V., Kravchenko, N. V. [Current problems of patient rights protection in the Russian Federation]. [*Research of innovative potential of society and formation of directions of its strategic development*]. Collection of scientific articles of the 13th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. In 2 vols. Kursk: Universitet-skaya kniga; 2023. Pp. 175–177. (In Russ.)
5. Gridneva, L. G., Barabanova, L. V., Gridnev, Yu. V. [Ethical aspects in medicine]. [*Actual Directions of Scientific Research of the XXI Century: Theory and Practice*]. 2016;4(3):144-146. (In Russ.)

6. Shcherbakov, A. A., Pavlova, M. V. [Ethical aspects of the “Hippocratic Oath” in modern medicine]. *Zdravookhranenie Chuvashii = [Healthcare in Chuvashia]*. 2008;(4):35-38. (In Russ.)
7. Kichenina, V. S. [Liability of a medical worker due to improper provision of medical care resulting in harm to the life and health of a citizen]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii = [Scientific Notes of the Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy]*. 2018;(4):75-77. (In Russ.)
8. Khodusov, A. A. [Features of criminal liability of medical workers for improper fulfilment of professional duties in the sphere of medical services]. *Aktual'nye problemy meditsiny i biologii = [Actual Problems of Medicine and Biology]*. 2022;(2):39-44. (In Russ.)
9. Orlova, N. V., Suvorov, G. N., Gorbunov, K. S. Ethics and legal regulation of the use of large databases in medicine. *Medical Ethics*. 2022;3(10):4-9. (In Russ.) DOI: 10.24075/medet.2022.056.
10. Salimov, R. R., Zaripova, R. S. [Ethical and legal aspects of the use of artificial intelligence in medicine]. *[Digital systems and models: theory and practice of design, development and application]*. Proceedings of the All-Russian (with international participation) Scientific-Practical Conference. Kazan, 10–11 April 2024. Kazan: Kazan State Power Engineering University; 2024. Pp.1060–1063. (In Russ.)
11. Fawcett, J. J., Torremans, P., eds. *Intellectual property and private international law*. Oxford University Press; 2011. 560 p. ISBN: 9780198853312.
12. Borodaenko, N. V., Maksimenko, A. V. The territoriality of intellectual property rights on the Internet and private international law. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(11-3):82-84. (In Russ.)
13. Shchetinin, V. A. International protection of intellectual property rights. *Economics. Business. Banks*. 2017;(S8):71-76. (In Russ.)
14. Farrand, B. Combatting physical threats posed via digital means: the European Commission’s developing approach to the sale of counterfeit goods on the Internet. *European Politics and Society*. 2018;19(3):338-354. DOI: 10.1080/23745118.2018.1430721.
15. Ekeledo, I., Sivakumar, K. The impact of e-commerce on entry-mode strategies of service firms: a conceptual framework and research propositions. *Journal of International Marketing*. 2004;12(4):46-70. DOI: 10.1509/jimk.12.4.46.5321.
16. Maloy, R. Forum shopping: what’s wrong with that? *QLR*. 2005;(24):25.
17. Kar, D., Spanjers, J. Transnational crime and the developing world. *Global Financial Integrity*. 2017:53-59. URL: <https://globalinitiative.net/analysis/transnational-crime-and-the-developing-world/>.
18. May, C. The world intellectual property organization. *New Political Economy*. 2006;11(3):435-445. DOI: 10.4324/9780203004067.
19. Reichman, J. H. The TRIPS Agreement comes of age: conflict or cooperation with the developing countries. *Case Western Reserve Journal of Inter-*

- national Law*. 2000;(32):441. URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol32/iss3/3>.
20. George, A. Transcending territoriality: international cooperation and harmonization in intellectual property enforcement and dispute resolution. *Tsinghua China Law Review*. 2017;(10):225. URL: <https://www.tsinghua-chinalawreview.law.tsinghua.edu.cn/issues/info/10217>.
 21. Ezell, S., Cory, N. The way forward for intellectual property internationally. *Information Technology and Innovation Foundation*. 2019. April. URL: https://www.researchgate.net/publication/333292534_The_Way_Forward_for_Intellectual_Property_Internationally.
 22. Zhu, P., Hu, J., Li, X., Zhu, Q. Using blockchain technology to enhance the traceability of original achievements. *IEEE Transactions on Engineering Management*. 2021;70(5):1693-1707. DOI: 10.1109/TEM.2021.3066090.
 23. Mackey, T. K., Nayyar, G. Digital danger: a review of the global public health, patient safety and cybersecurity threats posed by illicit online pharmacies. *British Medical Bulletin*. 2016;118(1):110-126. DOI: 10.1093/bmb/ldw016.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Benis A., Tamburis O., Chronaki C., Moen A. One digital health: a unified framework for future health ecosystems // *Journal of Medical Internet Research*. 2021. Vol. 23, no. 2. Art. e22189. DOI: 10.2196/22189.
2. Kieff F. S. Property rights and property rules for commercializing inventions // *Minnesota Law Review*. 2000. Vol. 85. P. 697. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.229981>.
3. Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex russica*. 2020. № 5 (162). С. 129–142. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142.
4. Донецкий Д. В., Кравченко Н. В. Актуальные проблемы защиты прав пациентов в Российской Федерации // *Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития* : сб. науч. ст. 13-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 т. Курск : Университет. кн., 2023. С. 175–177.
5. Гриднева Л. Г., Барабанова Л. В., Гриднев Ю. В. Этические аспекты в медицине // *Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика*. 2016. Т. 4, № 3. С. 144–146.
6. Щербаков А. А., Павлова М. В. Этические аспекты «Клятвы Гиппократ» в современной медицине // *Здравоохранение Чувашии*. 2008. № 4. С. 35–38.
7. Киченина В. С. Ответственность медицинского работника вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, повлекшей причинение вреда жизни и здоровью гражданина // *Ученые записки*

- Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 4 (68). С. 75–77.
8. Ходусов А. А. Особенности уголовной ответственности медицинских работников за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей в сфере оказания медицинских услуг // *Актуальные проблемы медицины и биологии*. 2022. № 2. С. 39–44.
 9. Орлова Н. В., Суворов Г. Н., Горбунов К. С. Этика и правовое регулирование использования больших баз данных в медицине // *Медицинская этика*. 2022. № 3. С. 4–9. DOI: 10.24075/medet.2022.056.
 10. Салимов Р. Р., Зарипова Р. С. Этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в медицине // *Цифровые системы и модели: теория и практика проектирования, разработки и применения : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., Казань, 10–11 апреля 2024 г. Казань : Казан. гос. энергет. ун-т, 2024. С. 1060–1063.*
 11. *Intellectual property and private international law* / eds. J. J. Fawcett, P. Torremans. Oxford : Oxford University Press, 2011. 560 p. ISBN: 9780198853312.
 12. Бородаенко Н. В., Максименко А. В. Территориальность прав интеллектуальной собственности в Интернете и международное частное право // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 11-3 (62). С. 82–84.
 13. Щетинин В. А. Международная защита прав интеллектуальной собственности // *Экономика. Бизнес. Банки*. 2017. № S8. С. 71–76.
 14. Farrand B. Combatting physical threats posed via digital means: the European Commission’s developing approach to the sale of counterfeit goods on the Internet // *European Politics and Society*. 2018. Vol. 19, no. 3. P. 338–354. DOI: 10.1080/23745118.2018.1430721.
 15. Ekeledo I., Sivakumar K. The impact of e-commerce on entry-mode strategies of service firms: a conceptual framework and research propositions // *Journal of International Marketing*. 2004. Vol. 12, no. 4. P. 46–70. DOI: 10.1509/jimk.12.4.46.5321.
 16. Maloy R. Forum shopping – what’s wrong with that // *QLR*. 2005. Vol. 24. P. 25.
 17. Kar D., Spanjers J. Transnational crime and the developing world // *Global Financial Integrity*. 2017. P. 53–59. URL: <https://globalinitiative.net/analysis/transnational-crime-and-the-developing-world/>.
 18. May C. The world intellectual property organization // *New Political Economy*. 2006. Vol. 11, no. 3. P. 435–445. DOI: 10.4324/9780203004067.
 19. Reichman J. H. The TRIPS Agreement comes of age: conflict or cooperation with the developing countries // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 2000. Vol. 32. P. 441. URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol32/iss3/3>.

20. George A. Transcending territoriality: international cooperation and harmonization in intellectual property enforcement and dispute resolution // *Tsinghua China Law Review*. 2017. Vol. 10. P. 225. URL: <https://www.tsinghuachinalawreview.law.tsinghua.edu.cn/issues/info/10217>.
21. Ezell S., Cory N. The way forward for intellectual property internationally // Information Technology and Innovation Foundation. 2019. April. URL: https://www.researchgate.net/publication/333292534_The_Way_Forward_for_Intellectual_Property_Internationally.
22. Zhu P., Hu J., Li X., Zhu Q. Using blockchain technology to enhance the traceability of original achievements // *IEEE Transactions on Engineering Management*. 2021. Vol. 70, no. 5. P. 1693–1707. DOI: 10.1109/TEM.2021.3066090.
23. Mackey T. K., Nayyar G. Digital danger: a review of the global public health, patient safety and cybersecurity threats posed by illicit online pharmacies // *British Medical Bulletin*. 2016. Vol. 118, no. 1. P. 110–126. DOI: 10.1093/bmb/ldw016.

Information about the author / Информация об авторе

Anna V. Pokrovskaya, Assistant at the Department of Civil Law and Civil Procedure and International Private Law, Research Assistant, Postgraduate Student at the Law Institute of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation); Expert in Patent Practice at IP Center "Skolkovo" (4, build. 2 Lugovaya St., Moscow, 121205, Russian Federation).

Покровская Анна Владимировна, ассистент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, стажер-исследователь, аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); эксперт патентной практики ООО ЦИС «Сколково» (Российская Федерация, 121205, Москва, ул. Луговая, д. 4, корп. 2).

The author declares no conflict of interests.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 22.01.2025.

Научная статья

УДК 347.73

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.117-129

Финансовая грамотность как фактор благосостояния населения и стабильности национальной финансовой системы

Арина Сергеевна Чуева¹,
Елена Валентиновна Вороненко²

^{1, 2} Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация

¹ *arina.chuieva.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1664-265X>*

² *elena.voronenko23@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Целью настоящей статьи является установление взаимосвязи уровня финансовой грамотности населения с обеспечением его благосостояния и устойчивостью финансовой системы российского государства к внутренним и внешним рискам.

Методы. В основу методологии исследования положены методы лингвистического анализа, синтеза, технико-юридический и системный методы.

Результаты исследования. Сформулирована дефиниция финансовой грамотности, установлено ее научное и правовое содержание. Определены роль и значение финансовой грамотности (в том числе цифровой финансовой грамотности) как стабилизатора национальной финансовой системы.

Обсуждение и заключение. Обосновано, что финансовая грамотность оказывает воздействие на уровень состоятельности российских граждан, а также степень устойчивости и эффективности финансовой системы государства.

Ключевые слова: финансовая грамотность, цифровая грамотность, финансовая система, финансовые инструменты, финансовые риски, финансы, финансовое право

Для цитирования: Чуева А. С., Вороненко Е. В. Финансовая грамотность как фактор благосостояния населения и стабильности национальной финансовой системы // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 117–129. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.117-129.

Original article

Financial Literacy as a Factor of Public Welfare and Stability of the National Financial System

Arina S. Chueva¹, Elena V. Voronenko²

^{1, 2} North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation

¹ arina.chueva.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1664-265X>

² elena.voronenko23@yandex.ru

Abstract

Introduction. The purpose of this article is to establish the relationship between the level of financial literacy of the population with the provision of its welfare and the stability of the financial system of the Russian state to internal and external risks.

Methods. Research methodology is based on the method of linguistic analysis, synthesis, technical and legal and systemic methods.

Results. The definition of financial literacy is formulated, established its scientific and legal content, the role and significance of financial literacy (including digital financial literacy) determined as a stabilizer of the national financial system.

Discussion and Conclusion. It is substantiated that financial literacy affects the level of wealth of Russian citizens, as well as the degree of stability and efficiency of the state financial system.

Keywords: financial literacy, digital literacy, financial system, financial instruments, financial risks, finance, financial law

For citation: Chueva, A. S., Voronenko, E. V. Financial literacy as a factor of public welfare and stability of the national financial system. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):117-129. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.117-129.

Актуализация повышения финансовой грамотности населения России в условиях противодействия внешним вызовам и угрозам

Предметом внимания в данной статье выступает такой значимый элемент современной действительности, как «финансовая грамотность», а также анализ ее влияния, во-первых, на финансовое поведение субъектов технологически развитого общества в кризисных условиях и, во-вторых, на устойчивость финансовой системы. Необходимость подобного рода исследования продиктована прежде всего стремительным ростом инновационных финансовых инструментов, потому очень важно понимать, какие неблагоприятные последствия может повлечь за собой неграмотность в финансовой и цифровой областях.

Очевидно, что финансовая система – гарант национальной безопасности цивилизованного общества и государства. В этой связи вопрос, касающийся установления факторов, стимулирующих эффективную организацию и развитие финансовой системы, в последние годы стал одним из важнейших в повестке государственной политики Российской Федерации.

Действительно, состояние российской экономики и финансового рынка сегодня вызывает беспокойство, а атмосфера на внешнеполитической и внешнеэкономической аренах оставляет желать лучшего. Такие суровые события, как вспышка пандемии COVID-19 (2020 г.), экономические санкции иностранных государств (2014 г., март 2022–2024 гг.), стали мощными вызовами финансовой безопасности, стабильности, суверенитету, общему устойчивому развитию нашего государства в целом и индивидуально-финансовому благополучию каждого российского гражданина в частности. Несмотря на нарастающие агрессивные шаги со стороны недружественных государств, наша страна вполне эффективно выстраивает систему мер противодействия им. Не последнее место в этой системе занимает повышение финансовой грамотности населения России.

Отметим, что изучению разных аспектов финансовой грамотности в отечественной и зарубежной литературе уделено немало внимания. Отдельным направлением исследований выступает проблематика развития цифровой грамотности [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

Примечательно, что в начале 2020-х гг. курс по изучению финансовой грамотности в нашей стране стал обязательным, что нашло свое отражение в федеральных государственных образовательных стандартах (далее – ФГОС) как начального, так и основного образования. В частности, в утвержденном приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 286¹ ФГОС начального общего образования закреплены предметные результаты по таким учебным предметам, как «Математика» и «Окружающий мир», которые должны обеспечивать в числе прочего: «использование начальных математических знаний при решении учебных и практических задач и в повседневных ситуациях для описания и объяснения окружающих предметов, процессов и явлений, оценки их количественных и пространственных отношений, в том числе *в сфере личных и семейных финансов*» (здесь и далее курсив наш. – А. Ч., Е. В.) (п. 43.4); «формирование навыков здорового и безопасного образа жизни на основе... в том числе знаний о небезопасности разглашения личной и *финансовой информации* при общении с людьми вне семьи, в сети Интернет и опыта соблюдения *правил безопасного поведения при использовании личных финансов*» (п. 43.5).

В результате российские школьники осваивают навыки безопасного совершения финансовых онлайн-операций, учатся анализировать доходы и расходы семейного бюджета, компилировать персональный финансовый план².

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

² Отметим, что в ФГОС основного общего образования, утвержденном приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287, закреплены предметные результаты по ряду дисциплин (математике, информатике, обществознанию), которые должны обеспечивать: «умение решать задачи разных типов (в том числе на проценты, доли и части, движение, работу, цену товаров и стоимость покупок и услуг, налоги, задачи из области управления личными и семейными финансами)» (п. 45.5.1); «умение распознавать попытки и

Особого внимания и одобрения, на наш взгляд, заслуживает применение практико-ориентированного подхода в обучении финансовой грамотности, когда перед учениками ставится конкретная задача и они, опираясь на имеющиеся знания, должны найти самостоятельное, логически обоснованное решение, в том числе посредством составления (заполнения) заявлений, обращений, деклараций доверенностей и иных форм (документов). Благодаря этому «следующее поколение уже сможет более разумно решать финансовые проблемы, а значит, повышать уровень благополучия своей семьи и населения в целом»³.

Итак, высокий уровень финансовой грамотности населения является одним из значимых факторов обеспечения благосостояния и устойчивости финансовой системы нашего государства.

Это детерминировано тем, что:

- финансовая грамотность способствует пониманию индивидом основных концепций в финансовой сфере;
- финансовая грамотность позволяет гражданину принимать разумные финансовые решения, приумножающие его материальное благосостояние (например, как правильно составить «личный бюджет», расписать собственные доходы и расходы, управлять долгом, куда вложить сэкономленные деньги и т. д.);
- финансовая грамотность дает возможность быть финансово проницательным потребителем и предвидеть финансовые риски до проведения той или иной финансовой операции (речь идет о понимании компромисса между риском и собственными доходами обывателя, а также об оценке рисков, связанных с концентрацией денежных средств в определенные категории финансовых активов);
- финансово грамотное население «играет на руку» поставщикам кредитных услуг (например, при рациональном управлении личным денежным балансом индивид способствует снижению кредитных рисков для банков и т. д.);
- финансово просвещенное общество выступает стимулом для поставщиков финансовых услуг (финансовых учреждений) при создании инновационных финансовых инструментов и продукции, отвечающих потребительскому спросу и вызовам современной действительности;

предупреждать вовлечение себя и окружающих в деструктивные и криминальные формы сетевой активности (в том числе кибербуллинг, фишинг)» (п. 45.5.3); «приобретение опыта использования полученных знаний, включая основы финансовой грамотности, в практической (включая выполнение проектов индивидуально и в группе) деятельности, в повседневной жизни для реализации и защиты прав человека и гражданина, прав потребителя (в том числе потребителя финансовых услуг) и осознанного выполнения гражданских обязанностей; для анализа потребления домашнего хозяйства; для составления личного финансового плана» (п. 45.6.2) и т. д. См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

³ Преподавание финансовой грамотности станет обязательным в 1–9 классах школ. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=11018> (дата обращения: 25.01.2024).

– финансово образованное государство выступает гарантом эффективного и действенного контроля над рисками учреждений, осуществляющих деятельность в сфере финансов.

На наш взгляд, для российской правовой науки сегодня особенно актуальны разработки концептуальных основ повышения финансовой грамотности (потребителя/поставщика) на цифровых платформах, поскольку навыки в этой сфере являются жизненно важными и направлены непосредственно на достижение достойного уровня финансового благополучия как всего государства, так и каждого его гражданина.

Понятие финансовой грамотности: научное и правовое содержание

Чтобы сформулировать понятие финансовой грамотности, стоит провести краткий семантический анализ интересующей нас категории. Соблюдая методологическое правило о том, что видовое понятие (в нашем случае – «финансовая грамотность») подчиняется родовому (у нас – «грамотность»), начнем с трактовки термина «грамотность». Выявление смысла родового понятия имеет существенное значение и позволит в итоге представить наиболее полную дефиницию финансовой грамотности.

Итак, согласно Толковому словарю русского языка грамотный – это «обладающий необходимыми знаниями, сведениями в какой-нибудь области»⁴. В Большом энциклопедическом словаре грамотность применительно к характеристике населения – один из базовых показателей его социально-культурного развития. Конкретное содержание понятия «грамотность» исторически изменчиво, имеет тенденцию к расширению с ростом общественных требований к развитию индивида: от элементарных умений писать, читать, считать – к владению некоторым комплексом различных общественно необходимых знаний и навыков, позволяющих человеку сознательно участвовать в социальных процессах (так называемая функциональная грамотность)⁵.

Учитывая, что в научной и учебной литературе наблюдается плюрализм мнений относительно формулировки понятия «финансовая грамотность», далее считаем целесообразным рассмотреть наиболее авторитетные, на наш взгляд, трактовки данной категории, существующие в доктрине.

По мнению Д. В. Моисеевой, сравнительный анализ теорий зарубежных и российских ученых позволяет выделить два основных подхода к определению понятия «финансовая грамотность»: 1) компетентностно-ориентированный (структурно-функциональный) и 2) культурологический (социокультурный). В рамках первого подхода финансовая грамотность понимается как способность (умение) человека принимать участие в экономической жизни посредством управления финансовыми ресурсами, основанная на

⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : АСТ : Мир и Образование, 2018. С. 224.

⁵ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 1997. С. 306.

наличии одного или нескольких (в разных сочетаниях) элементов: финансовые знания, финансовые навыки, финансовые установки. В рамках второго – это «совокупность культурных элементов (знаний, умений, навыков, норм, ценностей, традиций) на широком социокультурном фоне и с учетом локальной культурной ситуации» [14, с. 9]. Наконец, Д. В. Моисеева финансовой грамотностью индивида (человека) как социального качества личности признает «способности использовать общественно необходимые знания, позволяющие человеку сознательно участвовать в процессах поступления, расходования, распределения денежных средств, их накопления и использования с целью обеспечения его финансового благосостояния» [14, с. 9].

Интересной представляется позиция Г. В. Белеховой и О. Н. Калачиковой, которые на основе критического анализа существующих теоретико-методологических подходов российских и зарубежных ученых к исследованию финансовой грамотности населения определили финансовую грамотность как «способность человека, предполагающую сочетание знаний, навыков и установок, а также информированности, ответственности и отношения, которая помогает ему принимать обоснованные финансовые решения для обеспечения собственного материального благосостояния» [15, с. 149]. Следовательно, финансовая грамотность, по мнению названных ученых, «сочетая в себе когнитивный, деятельностный и ценностно-мотивационный компоненты, проявляется в конкретных финансовых решениях и действиях, в совокупности формирующих финансовое поведение» [15, с. 149].

Значительное внимание совершенствованию правового регулирования отношений в сфере формирования финансово грамотного поведения населения уделяется на высоком государственном уровне.

Так, 1 января 2024 г. вступило в силу распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 октября 2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года»⁶, основная цель которой – формирование «...ключевых элементов финансовой культуры (ценностей, установок и поведенческих практик), способствующих финансовому благополучию гражданина, семьи и общества, в том числе через формирование компетенций по финансовой грамотности, расширение практических навыков и опыта принятия финансовых решений, обеспечение надежности функционирования финансовой системы». Примечательно, что в процитированной Стратегии представлены дефиниции терминов «финансовая грамотность» и «финансовая культура». В частности, под *финансовой грамотностью* в данном документе понимаются «основные знания, умения и навыки, необходимые для принятия финансовых решений в целях достижения финансового благополучия и управления финансовыми рисками»; *финансовая культура* представляет собой «ценности, установки и поведенческие практики граждан в финансовой сфере, зависящие от воспитания, уровня финансовой

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 45. Ст. 8091.

грамотности, опыта принятия финансовых решений, уровня развития финансового рынка и общественных институтов».

Еще одним примером расширения правового регулирования рассматриваемой сферы общественных правоотношений является Федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа»⁷. Согласно ст. 1 указанного акта «Банк России во взаимодействии с Правительством Российской Федерации реализует мероприятия по повышению уровня финансовой грамотности населения и субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Помимо основных функций Банк России принимает участие в подготовке и актуализации образовательных материалов для школ и вузов, проводит вебинары и очные мероприятия, выпускает информационные ролики и обучающие игры. При этом он постоянно дополняет свой арсенал новыми современными форматами. Для молодежи это подкасты, выступления в социальных сетях и коллаборации с известными финансовыми блогерами. Для людей старшего возраста это онлайн-занятия «PensionFG», а также беседы с пенсионерами во время городских и сельских мероприятий, в центрах социального обслуживания, библиотеках, отделениях почты. Для лиц с различными формами инвалидности это аудиолекции, видеоролики на жестовом языке, книги и брошюры по финансовой грамотности шрифтом Брайля и другие адаптированные материалы. Для студентов – циклы вебинаров «Финтрек», где в прямом эфире с ними общаются представители Банка России, финансовые эксперты, ученые. Наконец, огромное количество полезных материалов для самой широкой аудитории размещено на сайте «Финансовая культура»⁸.

На наш взгляд, заслуживает внимания и одобрения активное участие в повышении финансовой грамотности населения ПАО «Сбербанк». Названный российский банк разработал специальную платформу «СберСова»⁹, постоянно обогащает библиотеку знаний по кибербезопасности «Кибрарий»¹⁰, обновляет и дополняет актуальной информацией портал «Активный возраст»¹¹. Наконец, нельзя не отметить актуальность создания такого образовательного центра, как «СберУниверситет»¹².

Следует отметить, что помимо правовой составляющей расширяется и субъектный состав правоотношений в сфере повышения финансовой грамотности. Так, по мнению Е. А. Бочкаревой, в настоящее время к ним относятся: «государственные органы и органы местного самоуправления,

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2036.

⁸ Банк России : официальный сайт. URL: https://cbr.ru/protection_rights/finprosvet/ (дата обращения: 21.03.2024).

⁹ URL: <https://sbersova.ru/> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁰ URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary> (дата обращения: 10.03.2024).

¹¹ URL: <https://sberbankaktivno.ru/> (дата обращения: 10.03.2024).

¹² URL: <https://sberuniversity.ru/> (дата обращения: 10.03.2024).

наделенные властными полномочиями в экономической (финансовой), социальной и образовательной сферах; участники банковской системы; учреждения образования, науки и культуры; органы и организации, осуществляющие защиту прав граждан в финансовой и в иных сферах; разнородные общественные организации; средства массовой информации; иные субъекты (МФЦ, организации ТОС). <...> Особое место в их системе занимают центры финансовой грамотности, которые в настоящее время достаточно разнородны и по формам организации, и по содержанию деятельности» [16, с. 6–7].

На основании изложенного предпримем попытку сформулировать собственную дефиницию термина «финансовая грамотность». Финансовая грамотность определяется нами как *комплекс общественно востребованных компетенций (знаний, умений, навыков), позволяющих индивиду вступать во взаимодействие с обществом и государством и выражающихся в принятии рациональных финансовых решений, направленных на достижение подходящего уровня финансового благополучия отдельного гражданина и населения в целом, а также служащих инструментом результативной организации и развития финансовой системы страны.*

Цифровая грамотность как фактор формирования финансовой культуры

Обратим внимание на Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹³, согласно которому на территории нашего государства параллельно с наличной и безналичной формами национальной валюты была установлена еще одна форма – цифровой рубль, оператором платформы которого стал Центральный банк Российской Федерации.

По этому поводу Е. В. Кудряшова вполне обоснованно отмечает следующее: «Цифровой рубль – это, наверное, наиболее значимое нововведение в финансовой системе, которое можно сравнивать с такими изобретениями в финансах, как монополия на чеканку монеты, порча монеты, бумажные деньги и так далее» [17, с. 28].

«Внедрение цифрового рубля, – считает Е. А. Бочкарева, – может повысить уровень контроля за целевым расходованием денег из бюджета за счет записей всех транзакций на платформе Банка России, проводить адресные выплаты, оптимизировать процесс возврата неизрасходованных средств за счет полной отчетности о тратах и остатках средств на счетах» [18, с. 36]. В перспективе, по мнению указанного автора, «...ничто не мешает все бюджетные расходы проводить в цифровых рублях. Более того, он может быть избран в качестве основной формы для реализации налоговой обязанности, использоваться как средство оплаты труда и осуществления социальных выплат» [18, с. 36].

Представляется, что указанные нововведения в сфере финансов и цифровых технологий:

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5766.

- порождают новый вид финансовых правоотношений, а именно финансово-цифровые правоотношения;
- генерируют новый спектр научных и практических задач, адекватное и своевременное решение которых позволит избежать коллапса финансовой системы, а также конфликта публичных и частных интересов в процессе осуществления финансовой деятельности государства (муниципальных образований);
- устанавливают новые контуры границ финансово-правового регулирования;
- ставят на повестку дня развитие такого направления финансовой грамотности, как *цифровая финансовая грамотность*.

Заключение

Результаты исследования состоят в следующем.

1. Сообразно методологическим правилам научного исследования термин «финансовая грамотность» является видовым понятием и подчиняется родовому «грамотность».

2. Под финансовой грамотностью следует понимать комплекс общественно востребованных компетенций (знаний, умений, навыков), позволяющих индивиду вступать во взаимодействие с обществом и государством и выражающихся в принятии рациональных финансовых решений, направленных на достижение подходящего уровня финансового благополучия отдельного гражданина и населения в целом, а также служащих инструментом результативной организации и развития финансовой системы страны.

3. Финансовая грамотность является одним из факторов обеспечения достойного уровня материального благополучия населения страны и устойчивости национальной финансовой системы.

4. Значение финансовой грамотности многоаспектно и выражается в следующем: она способствует пониманию основополагающих концепций в финансовой сфере; позволяет принимать рациональные финансовые решения; дает возможность заблаговременно предусмотреть и оценить финансовые риски до проведения той или иной финансовой операции; финансово просвещенное общество выгодно поставщикам кредитных услуг, а также мотивирует финансовые учреждения на изобретение и модернизацию инновационных финансовых инструментов (продукции); финансово образованное государство – гарант эффективного контроля над рисками учреждений, осуществляющих деятельность в сфере финансов.

5. Трансформация в области финансов и цифровых технологий:

- порождает новый вид финансовых правоотношений, а именно финансово-цифровые правоотношения;
- формирует диапазон принципиально новых научных и практических задач, решение которых позволит избежать деградации финансовой системы государства, а также конфликта интересов (публичных и частных) в процессе осуществления финансовой деятельности;
- устанавливает новые рубежи финансово-правового регулирования;
- выступает предпосылкой развития такого направления финансовой грамотности, как *цифровая финансовая грамотность*.

Как показал анализ, в так называемую «эру цифровизации» отрасль финансового права модифицируется, приспосабливается к вызовам современной действительности. В этой связи назрела острая необходимость введения новых финансовых институтов и, как следствие, актуализировалась потребность совершенствования финансового законодательства о банковской и инвестиционной деятельности, в области рынка ценных бумаг и фондового рынка.

Список источников

1. Абдрахманова Г. И., Ковалева Г. Г. Цифровые навыки населения // Цифровая экономика : экспресс-информ. 2017. Т. 58, № 1. С. 1–4.
2. Берман Н. Д. К вопросу о цифровой грамотности // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. 2017. Т. 8, № 6-2. С. 35–38. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-2-35-38.
3. Дортман С. Р. Финансовая грамотность в условиях новой цифровой реальности // Вестник экспертного совета. 2022. № 1 (28). С. 70–75. URL: [https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/1\(28\)_2022.pdf](https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/1(28)_2022.pdf).
4. Петренко Г. М., Петренко М. С. Финансовая грамотность и индивидуальные финансовые практики как фактор материального благополучия // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 4 (47). С. 69–93. DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1374.
5. Пеша А. В. Развитие цифровых компетенций и цифровой грамотности в XXI веке: обзор исследований // Образование и саморазвитие. 2022. Т. 17, № 1. С. 201–220. DOI: 10.26907/esd.17.1.16.
6. Финансовая грамотность населения: проблемы, региональные практики и перспективы развития : сб. науч. ст. по материалам межрегион. научн.-практ. конф. / под ред. В. А. Матчинова, О. Н. Сусяковой. Калуга : Финуниверситет, 2021. 298 с. ISBN: 978-5-6045988-7-0.
7. Abdul A., Naima U. Rethinking digital financial inclusion: evidence from Bangladesh // Technology in Society. 2021. Vol. 64. Art. 101509. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101509.
8. Bowden D. Information literacy and digital literacy: a review of concepts // Journal of Documentation. 2001. Vol. 57, issue 2. P. 218–259. DOI: 10.1108/EUM0000000007083.
9. Zaimović A., Torlaković A., Arno-Berilo A. et al. Mapping financial literacy: a systematic literature review of determinants and recent trends // Sustainable Development. 2023. Vol. 15, issue 12. Art. 9358. DOI: 10.3390/su15129358.
10. Choi I., Kim W. C. Enhancing financial literacy in South Korea: integrating AI and data visualization to understand financial instruments' interdependencies // Societal Impacts. 2023. No. 1–2. Art. 100024. DOI: 10.1016/j.socimp.2023.100024.

11. Leora C., Lusardi A., Panos G. A. Financial literacy and its consequences: evidence from Russia during the financial crisis // *Journal of Banking & Finance*. 2013. Vol. 37, issue 10. P. 3904–3923. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2013.07.014.
12. Nejad M. G. Research on financial innovations: an interdisciplinary review // *International Journal of Bank Marketing*. 2022. Vol. 40, no. 3. P. 578–612. DOI: 10.1108/IJBM-07-2021-0305.
13. Sumit A., Amromin J., Ben-David I. et al. Financial literacy and financial planning: evidence from India // *Journal of Housing Economics*. 2015. No. 27. P. 4–21. DOI: 10.1016/j.jhe.2015.02.003.
14. Моисеева Д. В. Финансовая грамотность населения российского региона: экономико-социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2017. 29 с.
15. Белехова Г. В., Калачикова О. Н. «Век живи – век учись»: концептуальный дискурс о финансовой грамотности населения // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11, № 6. С. 143–165. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.9.
16. Бочкарева Е. А. О субъектах правоотношений в сфере повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры // *Финансовое право*. 2024. № 2. С. 5–7. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-2-5-7.
17. Кудряшова Е. В. Цифровой рубль и финансовая грамотность общества // *Банковское право*. 2022. № 4. С. 28–34. DOI: 10.18572/1812-3945-2022-4-28-34.
18. Бочкарева Е. А. Перспективы реализации контрольной функции цифрового рубля в бюджетных правоотношениях // *Состояние и тенденции развития права государств Кавказского региона : сб. материалов Междунар. юрид. форума (г. Ставрополь, 9–11 нояб. 2023 г.) / под ред. Д. А. Смирнова, А. А. Бирюкова. Ставрополь : Параграф, 2024. С. 35–38. ISBN: 978-5-605-11062-0.*

References

1. Abdrakhmanova, G. I., Kovaleva, G. G. Digital skills of the population. *Tsifrovaya ekonomika = [The Digital Economy]*. Express information. 2017;58(1):1-4. (In Russ.)
2. Berman, N. D. To the question of digital literacy. *Society of Russia: Educational Space, Psychological Structures and Social Values*. Scientific e-journal. 2017;8(6-2):35-38. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-2-35-38. (In Russ.)
3. Dortman, S. R. Financial literacy in the light of the new digital reality. *Vestnik ekspertnogo soveta = [Bulletin of the Expert Council]*. 2022;(1):70-75. (In Russ.) [https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/1\(28\)_2022.pdf](https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/1(28)_2022.pdf).

4. Petrenko, G. M., Petrenko, M. S. Financial literacy and individual financial practices as a factor of financial well-being. *Journal of Wellbeing Technologies*. 2022;(4):69-93. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/4/1374>.
5. Pesha, A. V. The development of digital competencies and digital literacy in the 21st century: a survey of studies. *Education and Self-Development*. 2022;17(1):201-220. (In Russ.) DOI: 10.26907/esd.17.1.16.
6. Matchinov, V. A., Suslyakova, O. N., eds. [*Financial literacy of the population: problems, regional practices and development prospects*]. Collection of scientific articles on the materials of the Interregional Scientific and Practical Conference. Kaluga: Financial University; 2021. 298 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-6045988-7-0.
7. Abdul, A., Naima, U. Rethinking digital financial inclusion: evidence from Bangladesh. *Technology in Society*. 2021;(64):101509. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101509.
8. Bowden, D. Information literacy and digital literacy: a review of concepts. *Journal of Documentation*. 2001;57(2):218-259. DOI: 10.1108/EUM0000000007083.
9. Zaimović, A., Torlaković, A., Arno-Berilo, A., et al. Mapping financial literacy: a systematic literature review of determinants and recent trends. *Sustainable Development*. 2023;15(12):9358. DOI: 10.3390/su15129358.
10. Choi, I., Kim, W. C. Enhancing financial literacy in South Korea: integrating AI and data visualization to understand financial instruments' interdependencies. *Societal Impacts*. 2023;(1-2):100024. DOI: 10.1016/j.socimp.2023.100024.
11. Leora, C., Lusardi, A., Panos, G. A. Financial literacy and its consequences: evidence from Russia during the financial crisis. *Journal of Banking & Finance*. 2013;37(10):3904-3923. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2013.07.014.
12. Nejad, M. G. Research on financial innovations: an interdisciplinary review. *International Journal of Bank Marketing*. 2022;40(3):578-612. DOI: 10.1108/IJBM-07-2021-0305.
13. Sumit, A., Amromin, J., Ben-David, I., et al. Financial literacy and financial planning: evidence from India. *Journal of Housing Economics*. 2015;(27):4-21. DOI: 10.1016/j.jhe.2015.02.003.
14. Moiseeva, D. V. [*Financial literacy of the population of the Russian region: economic and sociological analysis*]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd; 2017. 29 p. (In Russ.)
15. Belekhova, G. V., Kalachikova, O. N. "Live and learn": conceptual discourse on people's financial literacy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018;11(6):143-165. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.9.
16. Bochkareva, E. A. On subjects of legal relations in the sphere of raising financial literacy and the establishment of financial culture. *Financial Law*. 2024;(2):5-7. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1220-2024-2-5-7.

17. Kudryashova, E. V. Digital ruble and financial literacy of the society. *Bankovskoe parvo = [Banking Law]*. 2022;(4):28-34. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3945-2022-4-28-34.
18. Bochkareva, E. A. [Prospects of realization of the control function of the digital ruble in budgetary legal relations]. In: D. A. Smirnov, A. A. Biryukov, eds. *[State and trends in the development of law of the Caucasus region states]*. Collection of materials of the International Legal Forum (Stavropol, November 9–11, 2023). Stavropol: Paragraf; 2024. Pp. 35–38. (In Russ.) ISBN: 978-5-605-11062-0.

Информация об авторах / Information about the authors

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 350020, Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234).

Arina S. Chueva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Administrative and Financial Law Department, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (234 Krasnykh Partizan St., Krasnodar, 350020, Russian Federation).

Вороненко Елена Валентиновна, старший преподаватель кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 350020, Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234).

Elena V. Voronenko, Senior Lecturer of the Administrative and Financial Law Department, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (234 Krasnykh Partizan St., Krasnodar, 350020, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 347.73

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.130-144

Соотношение понятий «самозанятый» и «плательщик налога на профессиональный доход» в практике Конституционного Суда Российской Федерации

Ольга Игоревна Лютова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
olyutova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6603-8859>*

Аннотация

Введение. В условиях продолжающегося отсутствия в российском законодательстве нормативной дефиниции понятия «самозанятый» анализ ее содержания, имеющийся в судебной практике, представляет как научный, так и практический интерес. Целью исследования является установление значения термина «самозанятый», в том числе в соотношении с понятием «плательщик налога на профессиональный доход». Для достижения цели проанализированы правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации различных временных периодов, которые коррелируются с развитием налогового законодательства, в том числе о налоге на профессиональный доход.

Теоретические основы. Методы. В исследовании на основе работ российских ученых-налоговедов анализируются отдельные выводы Конституционного Суда Российской Федерации относительно сходства и различий самозанятых и плательщиков НПД. На их основе высказаны суждения о возможных перспективах развития налогового законодательства в этой области, а также сформулированы выводы о роли Суда по вопросам развития представлений о самозанятости. При подготовке статьи применялись общенаучные (обобщение, анализ, синтез) и частнонаучные (историко-правовой, формально-юридический, толкование права) методы исследования.

Результаты исследования. Проведенный анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам определения понятия «самозанятый» позволил затронуть ряд дискуссионных положений, а также выявил, что актуальными остаются некоторые проблемы, связанные с определением видов деятельности самозанятых, возможностью признания таковыми индивидуальных предпринимателей и отсутствием документа, официально подтверждающего соответствующий статус. Отдельное внимание автор уделит новым правовым позициям Суда, принципиальным образом меняющим подходы к пониманию самозанятости.

Обсуждение и заключение. Отсутствие единообразия судебной практики по вопросам содержания термина «самозанятый» является значительным препят-

ствием к реализации налогоплательщиками своих прав. Полагаем, что в качестве возможного решения проблемы стоит рассматривать вариант определения понятия самозанятого в российском налоговом законодательстве и отнесения к их числу как физических лиц, так и индивидуальных предпринимателей.

Ключевые слова: самозанятый, налогоплательщик, индивидуальный предприниматель, налог на профессиональный доход, специальный налоговый режим, род занятий, Конституционный Суд Российской Федерации

Благодарности: работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ «ВШЭ»).

Для цитирования: Лютова О. И. Соотношение понятий «самозанятый» и «плательщик налога на профессиональный доход» в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 130–144. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.130-144.

Original article

The Relationship Between the Concepts of “Self-Employed” and “Payer of Professional Income Tax” in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation

Olga I. Lyutova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

olyutova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6603-8859>

Abstract

Introduction. In the context of the continued absence of a normative definition of the concept of “self-employed” in Russian legislation, the analysis of its content available in judicial practice is of both scientific and practical interest. The purpose of the study is to establish the meaning of the term “self-employed”, including in relation to the concept of “professional income tax payer”. To achieve this goal, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation of various time periods are analyzed, which are correlated with the development of tax legislation, including on the tax on professional income.

Theoretical Basis. Methods. The study analyzes individual conclusions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the similarities and differences between the self-employed and NAP payers based on the work of Russian tax scientists. Based on them, judgments are made about the possible prospects for the development of tax legislation in this area, as well as conclusions about the role of the Court on the development of ideas about self-employment.

General scientific (generalization, analysis, synthesis) and private scientific (historical-legal, formal-legal, interpretation of law) research methods were used in the preparation of the article.

Results. The analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the definition of the self-employed has allowed us to address a number

of controversial issues, and also revealed that some problems remain relevant related to the definition of the types of activities of the self-employed, the possibility of recognizing individual entrepreneurs and the lack of a document officially confirming the relevant status. Special attention is paid by the author to the new legal positions of the Court, fundamentally changing approaches to understanding self-employment.

Discussion and Conclusion. The lack of uniformity of judicial practice on the content of the term “self-employed” is a significant obstacle to taxpayers exercising their rights. We believe that as a possible solution to the problem, it is worth considering the option of defining the concept of self-employed in Russian tax legislation, and classifying both individuals and individual entrepreneurs among them.

Keywords: self-employed, taxpayer, individual entrepreneur, professional income tax, special tax regime, occupation, Constitutional Court of the Russian Federation

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).

For citation: Lyutova, O. I. The relationship between the concepts of “self-employed” and “payer of professional income tax” in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):130-144. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.130-144.

Введение

Самозанятость представляет собой относительно новое социально-экономическое явление [1, с. 168–169], вызванное цифровой трансформацией наемного труда и индивидуального предпринимательства [2, с. 48], обладающее при этом межотраслевым характером с точки зрения его правового регулирования, что, в свою очередь, обуславливает многоаспектность понятия самозанятости, а также создает проблему использования соответствующего термина с несовпадающим значением применительно к различным жизненным ситуациям.

Что касается легального определения, то, по справедливому замечанию Р. М. Бозиева, несмотря на то что «термин “самозанятые” является устоявшимся, и он широко используется налоговым органом, в правовой науке и в средствах массовой информации, определения данного понятия на сегодняшний день не закреплено» [3, с. 4]. Фактически понятие «самозанятость» стало повсеместно использоваться в российском праве с 2017 г.¹, а с 2019 г. с появлением нового специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»² (далее – НПД) самозанятые ассоциируются

¹ В Федеральном законе от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» впервые было упомянуто о возможности осуществления гражданами предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

² См.: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессио-

преимущественно с плательщиками налога на профессиональный доход. В связи с этим М. И. Клеандров отмечает, что «понятие самозанятости явилось основой для формирования специального налогового режима» [4, с. 9], оставляя при этом вопрос о соотношении таких понятий, как «самозанятый» и «плательщик НПД», открытым.

Особую роль в установлении сходства и различий указанных субъектов играет значительный объем судебной и иной правоприменительной практики, сформированной на сегодняшний день. Исключительный интерес в этой связи представляют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержание которых развивалось на основании и во исполнение налогового законодательства. Представляя собой акты официального толкования права, постановления и определения Суда содержат принципиально важные выводы по вопросам понятия самозанятости, от смысла которых прямо зависит возможность эффективного осуществления налогоплательщиком своей финансово-хозяйственной деятельности.

Теоретические основы. Методы

В качестве теоретической основы исследования вопросов определения понятия самозанятого и соотнесения его с понятием налогоплательщика, перешедшего на специальный налоговый режим «НПД», можно назвать работы Л. А. Арзумановой [5], А. В. Жигачева [6], С. М. Мироновой и Е. Я. Стеценко [7], М. Б. Напсо [8], А. А. Ситника [9], С. С. Тропской [10], М. Д. Шапсуговой [11] и других, в которых в той или иной степени была затронута проблема отсутствия нормативного определения понятий «самозанятость» и «самозанятый», необходимых, по мнению указанных авторов, в контексте современного развития налоговых правоотношений. Особо в этой связи стоит отметить диссертационное исследование Р. М. Бозиева [3], в котором обосновывается идентичность понятий самозанятого и плательщика НПД с точки зрения специального (финансово-правового) подхода. При этом комплексно проблемы выработки универсальных критериев для определения термина «самозанятый» для целей его нормативного дефинирования, а также отграничения от смежных понятий в российской науке ранее не рассматривались.

Во многих научных работах проводится анализ соответствующих терминов через призму правовых позиций судов различных инстанций, сформулированных за период действия Федерального закона № 422-ФЗ. Базовым в этой области можно считать исследование Ю. Д. Жуковой и А. С. Подмарковой, которые на основе оценки судебных решений последних лет приходят к выводу об обоснованности применения понятия «самозанятый» только к тем плательщикам НПД, у которых отсутствует статус индивидуального предпринимателя [1, с. 168]. При этом указанные авторы обозначают ключевые проблемы, связанные с законодательной неопределенностью правового положения самозанятых:

нальный доход» (далее – Федеральный закон № 422-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

- отсутствие нормативного понятия профессиональной деятельности как возможного критерия разграничения понятий «самозанятый» и «плательщик НПД»;
- сложности определения подведомственности споров с участием различных категорий самозанятых;
- установление возможности применения к отношениям с участием самозанятых законодательства о защите прав потребителей.

Важно отметить, что отсутствие легального определения самозанятого [12, с. 38; 13, с. 45; 14, с. 44], а также неопределенность места плательщика НПД в ряду участников налоговых отношений [15, с. 58–59; 16, с. 12] традиционно оцениваются в правовой литературе в негативном аспекте и представляют собой основу для проведения дальнейшей разработки темы поиска критериев отграничения самозанятости от смежных категорий.

Свое исследование мы сконцентрировали вокруг лишь одного аспекта определения понятия самозанятого – установление общего и особенного по отношению к плательщику НПД – и основываем свои выводы на практике Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе его новых выводах, сформулированных им в Постановлении от 30 мая 2024 г. № 27-П³ при рассмотрении дела о регистрации кандидата в депутаты представительного органа внутригородского муниципального образования, указавшего самозанятость в качестве рода занятий. Полагаем, что целесообразно при этом проследить динамику развития правовых позиций Суда по указанным вопросам, что позволит оценить сложившиеся тенденции и возможные перспективы развития правового регулирования статуса самозанятых.

Цель настоящего исследования – провести анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам установления содержания понятия «самозанятый» и соотношения его с понятием «плательщик НПД», а также выявить их проблемные вопросы и выработать предложения по их разрешению.

Для достижения поставленной цели в работе были решены следующие задачи:

- рассмотрены особенности определения понятия самозанятого на основании практики Конституционного Суда Российской Федерации различных временных периодов;
- исследована проблема признания Конституционным Судом Российской Федерации в качестве самозанятых только физических лиц либо также включения в эту категорию индивидуальных предпринимателей;

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2024 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности подпункта 57 статьи 2 и подпунктов “в”, “в.1” пункта 24 статьи 38 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Е. Г. Силаевой». Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное.

– проведен содержательный анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных им в Постановлении от 30 мая 2024 г. № 27-П, отличающихся новизной и оригинальностью;

– оценены перспективы нормативного регулирования термина «самозанятый» в соотношении с понятием «плательщик НПД».

При написании статьи применялись общенаучные (обобщение, анализ, синтез) и частнонаучные (историко-правовой, формально-юридический, толкование права) методы исследования.

Результаты исследования

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу соотношения понятий самозанятого и плательщика НПД до принятия Федерального закона № 422-ФЗ

На начальном этапе использования понятия «самозанятый» в российском законодательстве и судебной практике Конституционным Судом Российской Федерации были заложены основы его официального толкования: в обобщенном виде определено понятие, обозначен перечень видов профессий самозанятых и т. д. Обозначим ключевые позиции Суда на этот счет.

Прежде всего необходимо отметить значительную многочисленность актов Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам установления понятий самозанятости и самозанятого, принятых до введения в действие Федерального закона № 422-ФЗ о специальном налоговом режиме «НПД». Такие понятия устанавливаются главным образом для определенных целей – уплаты обязательных платежей (страховых взносов и других) или получения различных выплат (пособия по беременности и родам, по временной нетрудоспособности). В качестве отдельных исключений можно назвать споры об установлении возрастного предела для получения права на занятие самозанятыми отдельными видами деятельности.

Принципиально важно, что в рассматриваемый период в качестве самозанятых Суд признавал «граждан, которые осуществляют свободно избранную ими деятельность на основе частной собственности на свой страх и риск, в отношении которых на государстве не лежит обязанность уплачивать за них страховые взносы»⁴, а также тех, которые «занимаются индивидуальной торговой деятельностью»⁵. Очевидно, Суд основывался на

⁴ См., например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2000 г. № 124-О «По жалобе гражданина Мусинова Дмитрия Николаевича на нарушение его прав положениями Федеральных законов от 21 декабря 1995 года и от 5 февраля 1997 года о тарифах страховых взносов в государственные социальные внебюджетные фонды и Федерального закона от 1 мая 1999 года «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 1999 год»».

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2000 г. № 124-О «По жалобе гражданина Серкина Олега Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 4 и 5 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и пунктами 2 и 4 Порядка уплаты страховых взносов работодателями и гражданами в Пенсионный фонд Российской Федерации (России)».

определении предпринимательской деятельности, пытаясь отграничить от нее самозанятость, указав на отсутствие в действиях самозанятых направленности на систематическое получение прибыли.

Как известно, признак систематичности получения прибыли является одной из наиболее неоднозначных характеристик предпринимательской деятельности с точки зрения отграничения ее от деятельности тех или иных лиц, использующих собственное имущество для личных (бытовых) нужд. По справедливому замечанию А. В. Брызгалина, целесообразным было бы на законодательном уровне раскрыть содержание такой систематичности, однако этого до настоящего момента не сделано ни в законодательных актах, ни в судебной практике, ни в доктрине [17, с. 37]. Важно в этой связи отметить, что при отсутствии на сегодняшний день перспектив решения вопросов определения систематичности в гражданском законодательстве Федеральный закон № 422-ФЗ в некоторой степени нивелировал проблему оценки той или иной деятельности как систематически осуществляемой, перманентно актуальную в контексте налогообложения, признавая плательщиками НПД не только индивидуальных предпринимателей, но и физических лиц, не зарегистрированных в таком качестве.

Что касается конкретных видов деятельности и профессий самозанятых, то к ним Конституционный Суд Российской Федерации в рассматриваемый временной период относит частных нотариусов⁶, адвокатов⁷, частных детективов и частных охранников⁸. Логично, что в своих суждениях Суд основывался на положениях подп. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ, в котором помимо предпринимателей перечислены иные лица – участники налоговых правоотношений, обладающие специфическим набором прав и обязанностей, которые занимаются частной практикой, т. е. адвокаты, медиаторы, нотариусы, арбитражные управляющие, оценщики, патентные поверенные. Стоит обратить внимание на то, что перечень таких лиц в налоговом законодательстве сформулирован как открытый неисчерпывающий, однако прецедентов рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации до принятия Федерального закона № 422-ФЗ в качестве самозанятых лиц иных профессий не установлено.

⁶ См., например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2002 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кувшинова Андрея Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации».

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2003 г. № 66-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Цехновицер Инны Борисовны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 3 статьи 235 и пункта 1 статьи 245 Налогового кодекса Российской Федерации».

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2002 г. № 133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юрчика Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 11 и пункта 6 статьи 83 Налогового кодекса Российской Федерации».

При характеристике различных категорий самозанятых лиц Суд отмечает, что, по его мнению, у них должны быть также различные «статусные публично-правовые характеристики»⁹. Иными словами, речь идет об установлении необходимости дифференцированного регулирования, в том числе с точки зрения налогово-правового статуса. Интересно, что Суд устанавливает общее и особенное для различных самозанятых: в качестве общего критерия указываются виды деятельности, осуществляемые различными категориями самозанятых, а различия предлагается проводить в зависимости от того, является самозанятый индивидуальным предпринимателем или нет.

Соответственно, рассматриваемый период характеризуется неоднозначностью решения вопроса о возможности признания Судом в качестве самозанятых индивидуальных предпринимателей. Интересно, что только в 2010 г. Конституционный Суд Российской Федерации впервые отмечает, что самозанятыми могут быть в том числе индивидуальные предприниматели¹⁰. Позже эта позиция была подтверждена в ряде иных решений Суда.

В этой связи логичным представляется сделать вывод о том, что проблематика определения понятия самозанятых постоянно была предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации до принятия Федерального закона № 422-ФЗ, в результате чего соответствующую практику можно считать устоявшейся. При этом единообразный подход в вопросе возможности отнесения к самозанятым индивидуальных предпринимателей в период до принятия Федерального закона № 422-ФЗ отсутствовал.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу соотношения понятий самозанятого и плательщика НПД за период 2019–2024 гг.

В указанный период практика Конституционного Суда Российской Федерации по спорам с участием самозанятых весьма незначительна как с точки зрения количества судебных решений, так и в отношении содержащихся в них выводов. Как отмечено выше, до 2019 г. Суд сформировал ключевые правовые позиции, связанные с понятиями самозанятости и самозанятых, а появление специального налогового режима «НПД» явилось фактором, катализирующим отдельные изменения в формальных подходах

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2017 г. № 2515-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пименова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 5 и положением части 11.1 статьи 12 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»».

¹⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. № 1677-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Славик Вероники Халитовны на нарушение ее конституционных прав частью 2.1 статьи 14 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»».

путем ориентации на содержание складывающихся отношений, возникающих на основе нового регулирования.

Прежде всего отметим, что после введения в действие Федерального закона № 422-ФЗ Суд однозначно начал признавать в качестве самозанятых в том числе индивидуальных предпринимателей¹¹. В основе этой позиции лежат правила ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 422-ФЗ, в соответствии с которой плательщиками НПД могут быть как физические лица, так и индивидуальные предприниматели, на которые Суд ссылается на постоянной основе при характеристике субъектного состава лиц-самозанятых.

С одной стороны, можно констатировать, что в результате принятых законодательных новелл, по факту поддержанных Судом, произошла трансформация правового статуса самозанятого из некоего уникального явления в полноценного участника налоговых и иных отношений. Конституционным Судом Российской Федерации была занята позиция отождествления понятий самозанятых и плательщиков НПД, которая в настоящее время реализуется также налоговыми и финансовыми органами.

Однако, с другой стороны, именно признание индивидуальных предпринимателей в качестве самозанятых предопределило в дальнейшем споры о необходимости признания таких лиц в качестве не только нового участника рынка, но и нового самостоятельного субъекта налогового права [18, с. 32]. Так, отдельные исследователи, основываясь на высказываниях представителей власти¹², обосновывали ценность закрепления в НК РФ дефиниции «самозанятый» и включения таких лиц в перечень участников налоговых правоотношений, приведенный в ст. 9 НК РФ, в качестве особого вида индивидуальных предпринимателей [19, с. 72]. По мнению исследователей, подобные новеллы налогового законодательства могли бы обеспечить однозначность правового регулирования налогообложения самозанятых, а также логику развития налогового законодательства. Как представляется, реализация подобной инициативы возможна, скорее, при условии признания на законодательном уровне самозанятыми исключительно физических лиц, поскольку индивидуальные предприниматели, занимающиеся различными видами деятельности, уже обладают существенной спецификой их статуса как субъектов налогового права.

Еще одной интересной позицией Суда в период после принятия и введения в действие Федерального закона № 422-ФЗ является непризнание лица, зарегистрированного в качестве плательщика НПД, не получающего при этом дохода от своей деятельности, безработным. Значение тако-

¹¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 1200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смолика Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 5 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² *Шувалова М.* Борис Титов: «Самый простой способ создания института самозанятых – в качестве особого вида ИП». URL: <https://www.garant.ru/news/892915/> (дата обращения: 11.07.2024).

го вывода заключается в том, что он добавляет к понятию самозанятости характеристику деятельности самозанятого в качестве профессиональной, т. е. осуществляемой в рамках той или иной профессии, предполагающей специальные знания и осуществляемой на постоянной основе. Именно это заключение значимо для квалификации активности самозанятых, осуществляемой в условиях массовой практики переквалификации гражданско-правовых договоров с ними в трудовые [20, с. 99–100].

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержащиеся в Постановлении от 30 мая 2024 г. № 27-П

В 2024 году проблема установления содержания понятия «самозанятый», а также соотношения его с понятием плательщика НПД актуализировалась в связи с принятием Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2024 г. № 27-П. Суть кейса состоит в том, что формальное различие между терминами «самозанятый» и «плательщик НПД» послужило поводом для отказа в регистрации кандидата в депутаты представительного органа внутригородского муниципального образования. Так, в качестве сведений о роде своего занятия кандидат в депутаты указала «самозанятая» и в подтверждение этого факта представила справку о регистрации в качестве плательщика НПД. В итоге представленные ею сведения были признаны избирательной комиссией недостоверными. В последующем позиция избирательной комиссии была поддержана всеми судебными инстанциями, включая Верховный Суд Российской Федерации.

В свою очередь Конституционный Суд Российской Федерации усмотрел в таком правоприменении нарушение принципа поддержания доверия к закону и действиям государства, что существенным образом ограничило избирательные права заявительницы. В итоге Суд признал за заявителем право на получение компенсации.

Основу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации составили следующие выводы, отличающиеся новизной и оригинальностью.

1. Понятие «самозанятый» по своему объему шире, чем понятие «плательщик НПД». Суд отметил, что самозанятыми могут быть не только плательщики НПД, но и иные лица. При этом какого-либо комментария и/или перечисления видов самозанятых, не являющихся плательщиками НПД, их видов деятельности и профессий Суд не приводит.

Помимо этого, Суд установил различия между самозанятыми и плательщиками НПД по формальному критерию, подчerkнув, что статус последнего удостоверяется справкой о постановке на учет, а самозанятость не обеспечивается каким-либо документальным подтверждением.

На наш взгляд, с выводами Суда можно согласиться лишь отчасти.

Во-первых, поскольку понятие самозанятости на сегодняшний день отсутствует в налоговом законодательстве, вполне логично не проводить подмену понятий, как это предлагает делать Суд, даже несмотря на массовость ассоциирования самозанятости и статуса плательщика НПД налоговыми органами.

Сама по себе самозанятость носит межотраслевой характер, как указано выше. При этом постановка самозанятого на учет в качестве налогоплательщика является его обязанностью, а не правом, что обусловлено публично-правовым (властным) характером налогово-правового регулирования. Соответственно, по общему правилу все самозанятые должны получить статус налогоплательщиков, а в силу специфики осуществляемой ими деятельности для физических лиц – самозанятых в качестве возможного режима налогообложения может быть использован только специальный налоговый режим «НПД».

Во-вторых, можно предположить, что подобный вывод о различиях между самозанятыми и плательщиками НПД сделан Судом с учетом того, что перечень видов деятельности для таких лиц не сформулирован в налоговом законодательстве исчерпывающим образом, и поэтому могут появляться новые категории самозанятых.

Безусловно, на сегодняшний день проблема соотношения понятий самозанятого и плательщика НПД носит не только этимологический характер, в связи с чем назрела необходимость ее разрешения на законодательном уровне. Однако, как представляется, однозначная позиция Конституционного Суда Российской Федерации, обосновывающая неразрывность самозанятости и статуса плательщика НПД, могла бы стать действенным подспорьем в ее решении;

2. Принципиально важным, по мнению Суда, в качестве самозанятых признавать только физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя. При этом самозанятость определена Судом как правовой институт, она также является налогооблагаемой деятельностью, приносящей доход, и представляет собой род занятий гражданина, зарегистрированного в качестве плательщика НПД и не являющегося индивидуальным предпринимателем.

Подобное определение самозанятости, приведенное Судом, отличается оригинальностью и является принципиально новым по сравнению с теми, которые содержались в ранее принятых актах. Интересно отметить, что те признаки, которые указывает Суд в качестве характеризующих самозанятость, равным образом могут характеризовать как физических лиц, так и индивидуальных предпринимателей.

Полагаем, что подобный вывод Суда относительно непризнания самозанятыми индивидуальных предпринимателей возрождает дискуссию о появлении в НК РФ нового субъекта налоговых отношений.

Обсуждение и заключение

Рассмотренная практика Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы.

1. Развитие правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации по вопросу определения понятия самозанятого, осуществляется в непосредственной корреляции с положениями российского налогового законодательства. В этой связи необходимо отметить наличие логики и последовательности в выводах Суда.

2. Поскольку анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации показал, что понятие самозанятого остается на сегодняшний день неопределенным по ряду его существенных признаков, целесообразно закрепить дефиницию этого понятия в налоговом законодательстве.

Список источников

1. Жукова Ю. Д., Подмаркова А. С. Неопределенность правового статуса самозанятых. Обзор судебной практики // Закон. 2022. № 12. С. 168–178. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-12-168-178.
2. Шапсугова М. Д. Экономика по требованию: трансформация самозанятости в цифровой среде // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 47–53. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.047-053.
3. Бозиев Р. М. Правовое регулирование налогообложения самозанятых лиц в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 31 с.
4. Клеандров М. И. К вопросу о правовом статусе самозанятого лица в Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. 2019. № 2 (18). С. 7–13.
5. Арзуманова Л. Л. Налогообложение предпринимательской деятельности самозанятых граждан: итоги пилотного проекта // Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : моногр. / под общ. ред. В. А. Вайпана, М. А. Егоровой. М. : Юстицинформ, 2021. С. 639–647. ISBN: 978-5-7205-1741-0.
6. Жигачев А. В. Налоговые риски переквалификации гражданско-правового договора в трудовой договор при привлечении самозанятых (налогоплательщиков налога на профессиональный доход). 2023. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Миронова С. М., Стеценко Е. Я. Налогообложение самозанятых лиц (некоторые вопросы применения налога на профессиональный доход) // Право и экономика. 2019. № 9 (379). С. 74–79.
8. Напсо М. Б. Актуальные проблемы нормотворчества в сфере регулирования налоговых правоотношений: специальный налоговый режим как механизм легализации (часть 3) // Налоги. 2022. № 3. С. 11–19. DOI: 10.18572/1999-4796-2022-3-11-19.
9. Ситник А. А. Самозанятые лица как субъекты налоговых правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 31–34.
10. Тропская С. С. Налогообложение самозанятых и цифровая экономика: налог на профессиональный доход // Финансовое право. 2019. № 5. С. 22–26.
11. Шапсугова М. Д. О влиянии неопределенности материально-правового статуса самозанятого на неопределенность его процессуального статуса // Право и экономика. 2021. № 3. С. 5–9.

12. Лукьянов К. Ю. Налог на профессиональный доход в России и за рубежом: особенности правового регулирования // Юрист. 2023. № 4. С. 37–41. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-4-37-41.
13. Лютова О. И. Обязанность постановки на учет в налоговых органах в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 9. С. 42–48. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.042-048.
14. Ручкина Г. Ф. К вопросу о совершенствовании правового регулирования деятельности самозанятых граждан в Российской Федерации // Налоги. 2020. № 1. С. 42–46.
15. Лютова О. И. Операторы электронных площадок как участники налоговых отношений цифровой эпохи (на примере налога на профессиональный доход) // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 56–67. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).56-67.
16. Миронова С. М. Налог на профессиональный доход – пять лет эксперимента: промежуточные итоги // Финансовое право. 2023. № 12. С. 10–14. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-12-10-14.
17. Гринемаер Е. А. Корпоративные отношения, договоры и прочее: из практики гражданско-правового консультирования // Налоги и финансовое право. 2021. № 12. С. 8–101.
18. Измайлова М. О. О статусе самозанятого гражданина в Российской Федерации // Финансы. 2022. № 5. С. 30–36.
19. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 60–85.
20. Черных Н. В. Труд самозанятых – новая ли форма нетипичной занятости? // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 98–108. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.098-108.

References

1. Zhukova, Yu. D., Podmarkova, A. S. Uncertainty of the legal status of the self-employed. Judicial practice review. *Zakon = [Law]*. 2022;(12):168-178. (In Russ.) DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-12-168-178.
2. Shapsugova, M. D. Economics on demand: transformation of self-employment in the digital environment. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = [Law and Digital Economy]*. 2021;(3):47-53. (In Russ.) DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.047-053.
3. Boziev, R. M. *[Legal regulation of taxation of self-employed persons in the Russian Federation]*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2024. 31 p. (In Russ.)
4. Kleandrov, M. I. On the issue of the self-employed legal status in the Russian Federation. *Economics. Law. Society*. 2019;(2):7-13. (In Russ.)
5. Arzumanova, L. L. [Taxation of entrepreneurial activity of self-employed citizens: results of the pilot project]. In: V. A. Vaypan, M. A. Egorova, eds.

- Modern problems of development of entrepreneurial and corporate law in Russia and abroad.* Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2021. Pp. 639–647. (In Russ.) ISBN: 978-5-7205-1741-0.
6. Zhigachev, A. V. *Tax risks of reclassification of a civil law contract into an employment contract when attracting the self-employed (taxpayers of professional income tax).* 2023. Access from the legal reference system “ConsultantPlus”. (In Russ.)
 7. Mironova, S. M., Stetsenko, E. Ya. Taxation of self-employed persons (some issues of applying the tax on professional income). *Law and Economics.* 2019;(9):74-79. (In Russ.)
 8. Napso, M. B. Actual problems of rulemaking in the field of regulation of tax relations: a special tax regime as a mechanism of legalization (part 3). *Nalogi = [Taxes].* 2022;(3):11-19. (In Russ.) DOI: 10.18572/1999-4796-2022-3-11-19.
 9. Sitnik, A. A. Self-employed persons as subjects of tax relations. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice].* 2018;(3):31-34. (In Russ.)
 10. Tropskaya, S. S. Taxation of the self-employed and the digital economy: a tax on professional income. *Finansovoe pravo = [Financial Law].* 2019;(5):22-26. (In Russ.)
 11. Shapsugova, M. D. On the influence of the uncertainty of the material and legal status of the self-employed on the uncertainty of his procedural status. *Law and Economics.* 2021;(3):5-9. (In Russ.)
 12. Lukyanov, K. Yu. Professional income tax in Russia and abroad: legal regulation features. *Yurist = [Lawyer].* 2023;(4):37-41. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3929-2023-4-37-41.
 13. Lyutova, O. I. The obligation to register with the tax authorities in the conditions of digitalization. *Actual Problems of Russian Law.* 2022;17(9):42-48. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.042-048.
 14. Ruchkina, G. F. On the issue of improving the legal regulation of the activities of self-employed citizens in the Russian Federation. *Nalogi = [Taxes].* 2020;(1):42-46. (In Russ.)
 15. Lyutova, O. I. Electronic platform operators as participants of tax relations in the digital era (the case of professional income tax). *Law Enforcement Review.* 2020;4(4):56-67. (In Russ.) DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).56-67.
 16. Mironova, S. M. Tax on professional income – five years of experiment: interim results. *Finansovoe pravo = [Financial Law].* 2023;(12):10-14. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1220-2023-12-10-14.
 17. Grinemaer, E. A. [Corporate relations, contracts and others: from the practice of civil law consulting]. *Nalogi i finansovoe pravo = [Taxes and Financial Law].* 2021;(12):8-101. (In Russ.)
 18. Izmailova, M. O. [On the status of a self-employed citizen in the Russian Federation]. *Finansy = [Finance].* 2022;(5):30-36. (In Russ.)

19. Pokida, A. N., Zybunovskaya, N. V. Regulation of self-employed citizens activity. *Public Administration Issues*. 2020;(1):60-85. (In Russ.)
20. Chernykh, N. V. Self-employed labor – a new form of atypical employment? *Actual Problems of Russian Law*. 2021;(12):98-108. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.098-108.

Информация об авторе / Information about the author

Лютова Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, доцент Департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20).

Olga I. Lyutova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Politics and Management Department, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024; одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 22.01.2025.

The article was submitted 11.07.2024; approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 347.211

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.145-158

Сущность бездокументарных ценных бумаг: неустранимые противоречия и пути их преодоления

Тимофей Андреевич Чистов

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
civ.tim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7748-247X>*

Аннотация

Введение. Конструкция бездокументарных ценных бумаг известна российскому гражданскому праву более тридцати лет, при этом сущность данного объекта гражданских прав, а также природа возникающего на них права остается неопределенной. Одной из причин этого является отсутствие системного подхода как в процессе правотворчества, так и при толковании норм гражданского права.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили труды ученых по данной тематике. Настоящее исследование основано на использовании общетеоретических методов познания: анализа, синтеза, сравнения, а также частнонаучных методов познания: историко-правового, формально-юридического, метода буквального и системного толкования.

Результаты исследования. За время существования конструкции бездокументарных ценных бумаг было сформулировано несколько концепций сущности бездокументарных ценных бумаг: в качестве разновидности вещей; совокупности обязательственных прав; идеальной оболочки. Первые две концепции являются несостоятельными, так как не основаны на системном толковании гражданского права. Законодатель, отождествив бездокументарные ценные бумаги и права, ими удостоверяемые, в ст. 128 ГК РФ не придерживается данного подхода при конструировании иных правовых норм, в которых сохраняется двойственность бездокументарных ценных бумаг. Автор предлагает руководствоваться принципом системности при изучении сущности бездокументарных ценных бумаг и процесса правотворчества на основе соответствия теоретических и нормативных построений уже устоявшимся институтам гражданского права.

Обсуждение и заключение. По мнению автора, перспективной для науки гражданского права является концепция видения бездокументарных ценных бумаг в качестве идеальной оболочки, поскольку она не нарушает логику устоявшихся подотраслей гражданского права и соответствует нынешнему описанию пра-

вового режима данного объекта. Также следует признать, что на бездокументарную ценную бумагу у ее обладателя возникает особое право с абсолютным характером, отличное от вещного права.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, обязательственные права, абсолютное право, правовой режим, принцип системности

Для цитирования: Чистов Т. А. Сущность бездокументарных ценных бумаг: устраненные противоречия и пути их преодоления // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 145–158. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.145-158.

Original article

Essence of Uncertificated Securities: Unresolved Contradictions and ways to Overcome Them

Timofey A. Chistov

*Russian State University of Justice named after V. M. Levedev,
Moscow, Russian Federation*

civ.tim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7748-247X>

Abstract

Introduction. The design of uncertificated securities has been known to the Russian civil law for more than thirty years, while the essence of this object of civil rights, as well as the nature of the right arising on them, remains completely uncertain. One of the reasons for this is the lack of a systematic approach both in the process of law-making and in the interpretation of civil law norms.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was formed by the works of scientists on this topic. The present study is based on the use of general theoretical methods of cognition analysis, synthesis, comparison, as well as private-scientific methods of cognition: historical-legal, formal-legal methods, methods of literal and systemic interpretation.

Results. During the existence of the construction of uncertificated securities, several concepts of the vision of the essence of uncertificated securities have been formulated: as a kind of things, as obligatory rights, as an ideal shell. The first two concepts are untenable, as they are not based on a systematic interpretation of civil law. The legislator, having identified uncertificated securities and the rights certified by them in Art. 128 of the Civil Code of the Russian Federation does not adhere to this approach when constructing other legal norms, in which the duality of uncertificated securities is preserved. The author proposes to be guided by the principle of systematicity in the study of the essence of book-entry securities and law-making, which consists in assessing the compliance of theoretical and normative constructions with already established institutions of civil law.

Discussion and Conclusion. In the author's opinion, the concept of seeing uncertificated securities as an ideal shell is promising for the science of civil law, since it does not violate the logic of established sub-branches of civil law and corresponds to the current description of the legal regime of this object. It should also be recognised that on a book-entry security its holder has a special right with an absolute character, different from a proprietary right.

Keywords: uncertificated securities, property rights, obligatory rights, absolute right, legal regime, principle of systematicity

For citation: Chistov, T. A. Essence of uncertificated securities: unresolved contradictions and ways to overcome them. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):145-158. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.145-158.

Введение

Институт бездокументарных ценных бумаг известен российскому праву уже более тридцати лет, однако в науке гражданского права нет общепризнанной концепции, объясняющей сущность данного объекта гражданских прав. За время существования бездокументарных ценных бумаг было высказано множество мнений по данной проблеме, анализ которых позволяет отметить, что дихотомическое деление на документарную и бездокументарную теории является лишь поверхностным обзором доктринальных концепций бездокументарных ценных бумаг. В действующем гражданском законодательстве содержится основа для нескольких разнонаправленных подходов к определению сущности бездокументарных ценных бумаг, что сказывается на строении самой системы гражданского права.

Несмотря на масштаб проблемы, данная тема в последнее десятилетие оставалась без должного внимания, что может создать впечатление отсутствия противоречий в действующем гражданском законодательстве, в связи с чем отпала и сама необходимость исследования сущности бездокументарных ценных бумаг.

За время существования части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации законодатель трижды кардинально менял свое видение бездокументарных ценных бумаг посредством изменения редакции ст. 128 ГК РФ. С 1995 по 2013 г. в ст. 128 ГК РФ все ценные бумаги без дифференциации на документарные и бездокументарные были отнесены к категории вещей. Именно в этот период сформировались основные доктринальные подходы к сущности бездокументарных ценных бумаг и написано большинство работ по данной проблеме. Конечно же, подавляющая часть представителей доктрины находилась под влиянием легального подхода к ценным бумагам как к вещам.

В 2013 году вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ¹, которым были внесены значительные изменения в правовое регулирование бездокументарных ценных бумаг:

- в ст. 128 ГК РФ ценные бумаги были дифференцированы на документарные и бездокументарные, при этом первые были отнесены к вещам, а вторые – к иному имуществу;
- в § 3 главы 7 ГК РФ получил закрепление комплекс норм, посвященных правовому режиму бездокументарных ценных бумаг, среди которых особую ценность имеет ст. 149.3 ГК РФ, в которой предусмотрен особый способ защиты правообладателей при неправомерном списании бездокументарных ценных бумаг.

¹ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3434.

В 2019 году был принят Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ², которым ст. 128 ГК РФ была подвергнута очередным изменениям: бездокументарные ценные бумаги были определены в разряд имущественных прав. По нашему мнению, названные подходы законодателя взаимно исключают друг друга, что свидетельствует о сложности такого правового явления, как бездокументарная ценная бумага, и об актуальности дальнейших исследований сущности этого объекта гражданских прав.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили труды следующих ученых: В. А. Барулина, В. А. Белова, С. М. Бойцова, А. В. Габова, Л. Ю. Добрыниной, Е. А. Крашенинникова, Л. В. Кузнецовой, А. А. Кукушкина, Д. В. Ломакина, Д. В. Мурзина, А. Ю. Никифорова, М. А. Рожковой, В. К. Сперанского, Д. И. Степанова, Е. А. Суханова, Р. В. Чикулаева, В. Б. Чуваков, Г. Н. Шевченко, Г. Ф. Шершеневича, Л. Эннекцеруса, Л. Р. Юлдашбаевой.

Настоящее исследование основано на использовании общетеоретических методов познания: анализа, синтеза, сравнения, а также научно-исследовательских методов познания: историко-правового, формально-юридического, метода буквального и системного толкования.

Результаты исследования

Основные концепции понимания сущности бездокументарных ценных бумаг. С бездокументарными ценными бумагами традиционно связана дискуссия о возможности их отнесения к ценным бумагам в принципе. Вследствие этого возникло два теоретических направления: документарная и бездокументарная теории ценных бумаг [1, с. 17–18].

Согласно документарной теории в качестве ценных бумаг необходимо признавать лишь документ, выполненный на бумажном носителе, в связи с чем к данным объектам не могут быть отнесены бездокументарные ценные бумаги [2, с. 21; 3, с. 18–19; 4, с. 38; 5, с. 37–41].

Представители же бездокументарной концепции указывали на единую правовую природу документарных и бездокументарных ценных бумаг и рассматривали их в качестве разновидностей ценных бумаг [6, с. 50; 7, с. 30–32; 8, с. 13].

На наш взгляд, данный спор связан главным образом с проблемой понятийного аппарата законодательства и теории бездокументарных ценных бумаг. Именно неудачное понятие «бездокументарные ценные бумаги» приводит к выводу о связи данного объекта с ценными бумагами. К сожалению, более удачного понятия не было сформулировано до сих пор и, скорее всего, не произойдет этого в будущем.

Мы разделяем взгляды представителей документарной концепции ценных бумаг, потому как объекты гражданских прав отличаются друг от дру-

² Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

га своим правовым режимом, т. е. возможностью или невозможностью совершения в отношении них тех или иных действий, имеющих юридическое значение, а также порядком их совершения. Г. Ф. Шершеневич писал: «Внешним образом ценная бумага проявляется как документ, имеющий отдельное существование. Если право имеет следы в книгах, напр. по текущему счету, то ценной бумаги нет, потому что не существует особого документа» [9, с. 63]. Именно принципиальное изменение формы, внешнего образа объекта требует создания нового адекватного правового режима. О том, что бездокументарные ценные бумаги обладают особым правовым режимом, свидетельствуют наличие обособленных норм § 3 главы 7 ГК РФ, специального Федерального закона «О рынке ценных бумаг»³, который почти полностью посвящен бумагам бездокументарным, а также широкое подзаконное регулирование актами Центрального банка Российской Федерации.

Более важным не только для теории ценных бумаг, но и для теории объектов гражданского права, вещного права является направление, рассматривающее бездокументарные ценные бумаги в качестве вещей. Представители данной концепции под вещью понимали не только физически осязаемые объекты. Нормативной основой данного направления послужила ст. 128 ГК РФ, которая ценные бумаги до 2013 г. относила к вещам. Данное положение воспринималось буквально, что хорошо проиллюстрировано в работе И. А. Гумарова, в которой автор приходит к выводу от том, что взгляд на вещи как объекты материального мира является бытовым, а не юридическим [10, с. 78].

Теоретической основой данного направления является высказывание классика немецкой цивилистики Л. Эннексеруса, который указывал: «Является ли предмет телесным, т. е. вещью, решается по воззрениям оборота, но не по учению физики» [11, с. 12]. Почему-то представители отечественной доктрины восприняли эту фразу как доказательство или отправную точку для возможности рассматривать совокупности прав требования в качестве бестелесных вещей. Но здесь же автор указывал, что вещь надо воспринимать одним из органов чувств, поэтому «...для понятия вещи безразлично, является ли предмет твердым, жидким или газообразным» [11, с. 12], т. е. все же вещь должна пребывать в одном из физических агрегатных состояний. Более того, Л. Эннексерус отмечал, что не могут быть вещами права и совокупности прав [11, с. 13].

Широкое понимание вещей стало достаточно распространенным течением в отечественном гражданском праве. Так, В. А. Барулин считает, что рассматривать как объект права собственности исключительно физические вещи – излишне консервативно [12, с. 91–93]. В. К. Сперанский указывает, что бездокументарные ценные бумаги – это вещи в широком смысле слова, а отсутствие материального носителя не может лишить их свойств вещи [13, с. 15]. На этой почве возникла концепция «бестелесных вещей», согласно которой к таким объектам относят субъективные обязательственные права, регулируемые нормами вещного права [14, с. 79].

³ Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

У представителей данного направления были вполне очевидные цели: утвердительно решить вопрос о причислении бездокументарных ценных бумаг к вещам для дальнейшего распространения на них вещно-правового режима, в том числе положений о виндикации. На сегодняшний день это более не является необходимым в связи с появлением специального способа защиты правообладателей бездокументарных ценных бумаг при их неправомерном списании (ст. 149.3 ГК РФ), можно обоснованно утверждать, что данное направление себя изжило.

В то же время до сих пор существует элемент нормативной основы вещной концепции в ст. 209 ГК РФ, в которой в качестве объекта права собственности названо имущество, а не исключительно вещи.

Доминирующим же в российской правовой доктрине можно назвать направление, в соответствии с которым бездокументарные ценные бумаги рассматриваются в качестве имущественных прав. Объясняется это следующим образом: при утрате ценной бумагой физического компонента (бумаги, документа) остаются лишь сами удостоверяемые права, которые и являются в конечном итоге бездокументарной ценной бумагой [15, с. 84; 16, с. 37–38].

В настоящее время нормативной основой для данной концепции является ст. 128 ГК РФ, относящая бездокументарные ценные бумаги к имущественным правам, и абз. 2 п. 1 ст. 149.2 ГК РФ, определяющий данные объекты как обязательственные и иные права, закрепленные в решении о выпуске. То есть на законодательном уровне произошло отождествление бездокументарной ценной бумаги и прав, которые она призвана удостоверить.

Даже представители обязательственной теории бездокументарных ценных бумаг не смогли отказаться от возможности регулирования отношений, возникающих по поводу данных объектов, с помощью норм вещного права, потому что иного права с абсолютным характером на бездокументарные ценные бумаги, кроме вещного права собственности, в законодательстве найти невозможно [16, с. 37–39; 17, с. 11–14].

Полагаем, на сегодняшний день с данной теорией нельзя согласиться по следующим причинам. В ходе реформирования гражданского законодательства в § 3 главы 7 ГК РФ получил закрепление комплекс норм, посвященных правовому режиму бездокументарных ценных бумаг. Буквальный анализ соответствующих статей позволяет сделать вывод, что закон разделяет **право на бездокументарную ценную бумагу**, например: «учет прав на бездокументарные бумаги» (п. 2 ст. 149 ГК РФ); «передача прав на бездокументарные ценные бумаги» (п. 1 ст. 149.2 ГК РФ), и **право из бумаг**, например: «осуществляет права по ценной бумаге» (п. 2 ст. 149 ГК РФ); «исполнение по бездокументарной ценной бумаге» (ст. 149.1 ГК РФ). Таким образом, мы вновь имеем дело с правом **на субстанцию** и правом **из субстанции**, как это уже имело место при регулировании классических ценных бумаг, т. е. тождество между бездокументарной ценной бумагой и удостоверяемыми правами отсутствует.

Бездокументарные ценные бумаги возникают в процессе специфического способа создания этих объектов – эмиссии, но появляются они задолго до того, как они окажутся у лица, которое смогло бы предъявить требо-

вание к эмитенту по этой бумаге, т. е. некоторый период бездокументарные ценные бумаги существуют без обязанного и управомоченного по ним лиц. Представители доктрины совершенно обоснованно приходят к выводу, что акции, например, возникают на этапе регистрации, так как именно на данном этапе акции зачисляются на эмиссионный счет и им присваивается регистрационный номер [18, с. 38]. Отчуждение же эмитентом акций первым акционерам происходит лишь на этапе размещения, после чего можно говорить о возникновении прав, удостоверенных акцией, у ее приобретателя [19, с. 177–179].

В таком же ключе должен решаться вопрос о существовании акций без удостоверения ими соответствующих прав в случае их выкупа акционерным обществом. В случае выкупа акционерным обществом собственных акций права обязательственная и корпоративная составляющая акции прекращается [20, с. 21–23]. Акции же продолжают существовать и подлежат зачислению на специальный казначейский счет эмитента согласно п. 10 ст. 8.2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

Таким образом, взгляд на бездокументарные ценные бумаги как на сами обязательственные права без опосредующего звена является несостоятельным. В связи с этим интересным представляется высказывание Е. А. Суханова: «Более того, само по себе отнесение ст. 128 ГК РФ бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав к имущественным правам как к виду имущества (т. е. к объектам оборота) свидетельствует лишь о том, что закон не считает их вещами (объектами вещных прав, в том числе права собственности)» [21, с. 15]. То есть «имущественные права» – понятие условное, в которое можно включить все, что не укладывается в представление о вещах, и на самом деле те же бездокументарные ценные бумаги имущественными правами не являются? Полагаем, исходя из данной цитаты, нельзя прийти к иному выводу, кроме как к утвердительному, но для таких целей более всего, на наш взгляд, подходит категория «иное имущество», к чему целесообразно вернуться при новой редакции ст. 128 ГК РФ.

Бездокументарная ценная бумага как идеальная оболочка. Взгляд на бездокументарные ценные бумаги как на вещи в широком смысле слова или как на совокупность обязательственных прав обладает массой очевидных недостатков, поэтому необходимо было найти третий подход, способный уже не сгладить, а устранить существующие противоречия.

Идея о том, что бездокументарные ценные бумаги несводимы к удостоверяемым ими правам, а являются вполне самостоятельным объектом гражданских прав, не нова и была выдвинута в работе Д. И. Степанова [22, с. 15].

Дальнейшее развитие эта идея получила в работах Г. Н. Шевченко. По мнению этого автора, бездокументарная ценная бумага – это субстанция идеальной формы, служащая для обособления удостоверенных ею прав, не относимая к вещам или имущественным правам. На данный объект возникает абсолютное право, построенное по модели права собственности, но не тождественное ему [23, с. 32–33]. Подобного взгляда придерживается и М. А. Рожкова, по мнению которой право собственности на бездокумен-

тарную ценную бумагу не может возникнуть, но в отношении нее возникает имущественное право на нематериальный объект, носящее абсолютный характер [24, с. 10–18].

По нашему мнению, данная концепция является наиболее перспективной, но, к сожалению, наименее известной и распространенной. Конструирование нового особого абсолютного имущественного права на бездокументарные ценные бумаги способно в дальнейшем устранить противоречия в законодательстве и обогатить отечественную цивилистику. При этом множество оснований для построения этого права уже можно выделить путем буквального и систематического толкования действующих гражданско-правовых норм.

Бездокументарная ценная бумага как идеальная конструкция объекта гражданских прав. Вне зависимости от периодических изменений законодательства о бездокументарных ценных бумагах с уверенностью можно сказать, что данный объект успешно выполняет свои экономические функции и широко используется в предпринимательской, публично-правовой и потребительской сферах [25, с. 22–23].

Потребность в ценной бумаге лежит в сфере экономики, но неправильно лишь на основании данного положения утверждать, что ценность данного объекта состоит исключительно в удостоверяемых им правах. Бездокументарные ценные бумаги – это чисто юридические конструкции, и все, что мы можем знать о них, является содержанием норм права. Фактические экономические отношения и участники этих отношений могут лишь сигнализировать законодателю о необходимости создания тех или иных конструкций. Поэтому такая категория, как «ценность ценной бумаги», лежит за пределами права вообще.

Нам же следует говорить о законном интересе, который возникает у субъектов гражданского права посредством наделения их субъективными гражданскими правами [26, с. 133]. Осуществление прав, удостоверенных бездокументарной ценной бумагой, является лишь одним из законных средств реализации своего интереса, который преследует далеко не каждый обладатель бездокументарной ценной бумаги, в частности, не стоит забывать и о спекулятивных интересах, которые никак не связаны с осуществлением удостоверенных бездокументарной ценной бумагой прав. Пожалуй, единственный интерес, который преследуют все правообладатели бездокументарных ценных бумаг, – это сохранение состояния присвоения этих благ и эффективная защита от посягательств со стороны третьих лиц.

Как мы уже отмечали, бездокументарная ценная бумага – это исключительно юридическая конструкция, где только нормы права способны описать ее сущность, назначение и особенности. При таком видении бездокументарных ценных бумаг необходимо было бы признать, что абсолютно каждое слово, нашедшее отражение в законе, является безусловной истиной. В таком случае пришлось бы согласиться с тем, что сущность бездокументарных ценных бумаг действительно периодически менялась по воле законодателя в последние тридцать лет: сначала они были вещами, потом они стали иным имуществом, т. е. отличающимся от вещей, а теперь являются

имущественными (обязательственными и иными) правами. Мы готовы согласиться с тем, что правовой режим может быть изменен по воле законодателя по тем или иным причинам, но позволительно ли менять суть этого объекта исключительно с помощью одной статьи Гражданского кодекса?

Сущность правового явления можно познать только путем систематического толкования всей совокупности норм, посвященных правовому режиму бездокументарных ценных бумаг, а также фактических отношений, складывающихся по поводу бездокументарных ценных бумаг, а не ограничиваться ст. 128 ГК РФ. Руководствуясь этими критериями, попробуем дать определение понятию «бездокументарная ценная бумага».

Бездокументарная ценная бумага – это объект гражданских прав, который не имеет телесной оболочки, принадлежность которого учитывается с помощью специальных записей, совершаемых посредством усилий уполномоченного на то лица, отличного от правообладателя. Данное определение кратко описывает сущность бездокументарной ценной бумаги, не противоречит практике применения данного объекта, но самое главное – носит вневременной характер, т. е. одинаково справедливо для всего периода существования этого института в российском гражданском праве и никоим образом не зависит от ст. 128 ГК РФ.

Каково же тогда значение ст. 128 ГК РФ? Как норма-декларация она, видимо, должна отражать легальную позицию законодателя по поводу сущности бездокументарной ценной бумаги, но столь частое ее изменение указывает на неопределенность подхода законодателя к данному вопросу.

Стоит упомянуть и о попытке дать легальное определение бездокументарной ценной бумаги. Даже доктрина не смогла сформулировать емкое понятие, адекватно обозначающее данный объект. Кажется, что не следует рассчитывать и на оптимальное легальное определение понятия, обозначающего данное явление. В легальном определении бездокументарных ценных бумаг, на наш взгляд, нет необходимости. Первостепенным является описание правового режима этих объектов и закрепление определений «акция», «облигация» и т. д., что действительно необходимо для квалификации вида бездокументарных ценных бумаг при эмиссии и определении правового положения субъектов гражданского права.

Принцип системности гражданского права. Полагаем, что кризис понимания сущности бездокументарных ценных бумаг является результатом непоследовательности как при создании гражданско-правовых норм, так и при их доктринальном толковании. Необходимо помнить, что гражданское право представляет собой систему с множеством взаимосвязанных структурных элементов. В соответствии с принципом системности должно быть сформулировано правовое оформление для новых явлений в рамках гражданско-правовых институтов, соответствующих сущности данного явления и характеру отношений, подвергаемых правовому регулированию. Если же в системе гражданского права отсутствует соответствующий правовой институт, то необходимо создание новой гражданско-правовой конструкции, обладающей инструментарием, пригодным для регулирования отношений, возникающих по поводу нового правового явления.

Задача же доктрины состоит в критической оценке соответствия сущности правового явления его правовому регулированию. Может показаться, что данная мысль очевидна, но приведенные нами основные вехи развития цивилистической мысли о природе бездокументарных ценных бумаг доказывают обратное. Как оказалось, буквальное толкование ст. 128 ГК РФ способно привести к пересмотру и разрушению основ действующих институтов гражданского права (в том числе основ вещного права), в чем нет никакой необходимости.

Обсуждение и заключение

Реформирование гражданского законодательства о ценных бумагах разрешило ряд дискуссионных вопросов о правовом режиме бездокументарных ценных бумаг. Наблюдается тенденция отхода от вещных представлений о бездокументарных ценных бумагах путем ликвидации соответствующей нормативной основы. Появление совокупности норм, регулирующих правовой режим этих объектов, не только прекратило дискуссию по набравшим вопросам, но и остановило, к сожалению, исследование сущности этих объектов в принципе. Тем самым создана иллюзия завершенности познания бездокументарных ценных бумаг.

Несмотря на указание в абз. 2 п. 1 ст. 142 ГК РФ на обязательственную природу бездокументарных ценных бумаг, систематическое толкование позволяет утверждать, что законодатель более нигде не придерживается данного подхода – ни в ГК РФ, ни в Законе о рынке ценных бумаг.

По нашему мнению, на сегодняшний день перспективным является взгляд на бездокументарные ценные бумаги как на идеальный объект, отличный от тех прав, которые он удостоверяет, в отношении которого у его обладателя возникает особое абсолютное право, имеющее свое объектное и правовое основание. Такое понимание наиболее подходит для системы гражданского права, так как не нарушает основные постулаты вещного и обязательственного права, соответствует нынешнему правовому режиму бездокументарных ценных бумаг. Более того, у данного абсолютного имущественного права есть не только объектная, но и сложившаяся нормативная основа.

Учитывая изложенное, мы предлагаем вернуться к старой редакции ст. 128 ГК РФ и определить бездокументарные ценные бумаги как «иное имущество», но отделить от имущественных прав, так как категория «иное имущество» является более подходящей для объединения объектов особого рода. В противном случае действующая редакция нормы будет и далее вводить в заблуждение представителей доктрины и тех, кто еще только приступает к изучению объектов гражданских прав.

Список источников

1. Чикулаев Р. В. Юридические концепции ценных бумаг и их влияние на развитие гражданского права // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 12–24.

2. Белов В. А. Общие положения о ценных бумагах: некоторые юридические заблуждения // Законодательство. 2009. № 2. С. 10–21.
3. Суханов Е. А. О понятии ценных бумаг // Частное право и финансовый рынок : сб. ст. Вып. 1 / отв. ред. М. Л. Башкатов. М. : Статут, 2011. С. 8–21. ISBN: 978-5-8354-0761-3.
4. Крашенинников Е. А. О легальных определениях ценных бумаг // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 4. С. 35–38.
5. Чуваков В. Б. Правовая природа ценных бумаг : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. 163 с.
6. Добрынина Л. Ю. Понятие и признаки бездокументарных ценных бумаг // Хозяйство и право. 1999. № 6. С. 49–52.
7. Карабанова К. Понятие ценной бумаги в современном российском праве // Хозяйство и право. 2005. № 11. С. 26–35.
8. Кукушкин А. А. Защита прав владельцев бездокументарных ценных бумаг в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 34 с.
9. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 2 : Товар. Торговые сделки. СПб. : Бр. Башмаковы, 1908. 624 с.
10. Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2000. № 3. С. 78–84.
11. Эннекцерус Л. Курс Германского гражданского права. Т. 1, полут. 2. М. : Изд-во иностр. лит., 1950. 483 с.
12. Барулин В. А. Бездокументарные ценные бумаги в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 157 с.
13. Сперанский В. К. Именные эмиссионные ценные бумаги в системе корпоративного и акционерного правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 29 с.
14. Мурзин Д. В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М. : Статут, 1998. 176 с. ISBN: 5-89398-022-0.
15. Бойцов С. М. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 84–90.
16. Юлдашбаева Л. Р. Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций). М. : Статут, 1999. 205 с. ISBN: 5-8354-0018-7.
17. Никифоров А. Ю. Бездокументарные ценные бумаги как объекты гражданских правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 26 с.
18. Габов А. В. О проблеме определения момента возникновения акций как объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 35–50.
19. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. : Статут, 2008. 511 с. ISBN: 978-5-8354-0503-9.

20. Кузнецова Л. В. Спорные вопросы прекращения обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 11. С. 6–25.
21. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе цифрового «имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–28.
22. Степанов Д. И. Защита прав владельца бездокументарных ценных бумаг, учитываемых записью на счете. М. : Статут, 2004. 127 с. ISBN: 5-8354-0244-9.
23. Шевченко Г. Н. Право на бездокументарные ценные бумаги // Бизнес, менеджмент, право. 2006. № 2. С. 30–34.
24. Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты // Право цифровой экономики – 2020 (16) / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2020. С. 5–78. ISBN: 978-5-8354-1664-6.
25. Белов В. А. Современное состояние и перспективы развития цивилистической теории ценных бумаг // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С. 22–57.
26. Крашенинников Е. А. Интерес и субъективное гражданское право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 133–141.

References

1. Chikulaev, R. V. Legal concepts of securities and their impact on development of civil law. *Journal of Russian Law*. 2012;(12):12-24. (In Russ.)
2. Belov, V. A. [General provisions on securities: some legal misconceptions]. *Zakonodatel'stvo = [Legislation]*. 2009;(2):10-21. (In Russ.)
3. Sukhanov, E. A. [On the concept of securities]. In: M. L. Bashkatov, ed. *[Private Law and Financial Market]*. Collection of articles. Issue 1. Moscow: Statut; 2011. Pp. 8–21. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-0761-3.
4. Krasheninnikov, E. A. [About legal definitions of securities]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = [Higher Education System's News. Jurisprudence]*. 1992;(4):35-38. (In Russ.)
5. Chuvakov, V. B. *[Legal nature of securities]*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yaroslavl; 2004. 163 p. (In Russ.)
6. Dobrynina, L. Yu. [The concept and features of uncertificated securities]. *Khozyajstvo i parvo = [Economy and Law]*. 1999;(6):49-52. (In Russ.)
7. Karabanova, K. [The concept of a security in modern Russian law]. *Khozyajstvo i parvo = [Economy and Law]*. 2005;(11):26-35. (In Russ.)
8. Kukushkin, A. A. *[Protection of the rights of owners of uncertified securities in the Russian Federation]*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2007. 34 p. (In Russ.)
9. Shershenevich, G. F. *[Course of commercial law]*. In 4 vols. Vol. 2: Commodities. Commercial transactions. St. Petersburg: Bashmakov's Publishing House; 1908. 478 p.

10. Gumarov, I. [The concept of thing in the modern civil law of Russia]. *Khozyaystvo i pravo = [Economy and Law]*. 2000;(3):78-84. (In Russ.)
11. Ennekzerus, L. [*Course of German Civil Law*]. Vol. 1. Semi-vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury; 1950. 483 p. (In Russ.)
12. Barulin, V. A. [*Uncertificated securities in the civil law of Russia*]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2001. 157 p. (In Russ.)
13. Speransky, V. K. [*Name issue securities in the system of corporate and joint-stock legal relations*]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar; 2006. 29 p. (In Russ.)
14. Murzin, D. V. [*Securities are incorporeal things. Legal problems of modern securities theory*]. Moscow: Statut; 1998. 176 p. (In Russ.) ISBN: 5-89398-022-0.
15. Boytsov, S. M. [Legal nature of uncertificated securities]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = [Leningrad Law Journal]*. 2015;(2):84-90. (In Russ.)
16. Yuldashbaeva, L. R. [*Legal regulation of the turnover of equity securities (shares, bonds)*]. Moscow: Statut; 1999. 205 p. (In Russ.) ISBN: 5-8354-0018-7.
17. Nikiforov, A. Yu. [*Uncertificated securities as objects of civil legal relations*]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Tomsk; 2010. 26 p. (In Russ.)
18. Gabov, A. V. [On the problem of determining the moment of emergence of shares as objects of civil rights]. *Journal of Russian Law*. 2009;(3):35-50. (In Russ.)
19. Lomakin, D. V. [*Corporate legal relations: theory and practice of its application in economic societies*]. Moscow: Statut; 2008. 511 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-0503-9.
20. Kuznetsova, L. V. [Disputable issues of termination of obligation by coincidence of debtor and creditor in one person]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoj Federatsii = [Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation]*. 2008;(11):6-25 (In Russ.)
21. Sukhanov, E. A. [On the civil legal nature of digital property]. *Vestnik grazhdanskogo prava = [Civil Law Review]*. 2021;(6):7-28. (In Russ.)
22. Stepanov, D. I. [*Protection of the rights of the owner of uncertified securities, accounted by a record on the account*]. Moscow: Statut; 2004. 127 p. (In Russ.) ISBN: 5-8354-0244-9.
23. Shevchenko, G. N. [Entitlement to uncertificated securities]. *Biznes, menedzhment, pravo = [Business, Management, Law]*. 2006;(2):30-34. (In Russ.)
24. Rozhkova, M. A. [Property rights to new intangible objects]. In: M. A. Rozhkova, ed. [*The law of the digital economy – 2020 (16)*]. Collection of articles. Moscow: Statut; 2020. Pp. 5–78. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-1664-6.

25. Belov, V. A. [Modern state and prospects for the development of civilistic theory of securities]. *Vestnik grazhdanskogo prava = [Civil Law Review]*. 2010;(4):22-57. (In Russ.)
26. Krashennnikov, E. A. Interest and legal right. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = [Higher Education System's News. Jurisprudence]*. 2000;(3):133-141. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Чистов Тимофей Андреевич, аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Timofey A. Chistov, Postgraduate Student of the Civil Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Levedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 343.131.4

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.159-177

Состязательная модель судебного разбирательства уголовных дел: содержание, обеспечение, реализация

Татьяна Геннадьевна Бородинова

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация
tgborodinova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Повышение результативности уголовно-процессуальной деятельности в рамках современной состязательной модели судебного разбирательства уголовных дел является основным направлением в осуществлении правосудия по уголовным делам. Ключевая роль, отводимая суду в процессе организации и проведения судебного разбирательства уголовных дел, обусловленная его обязанностью создавать равноправные условия и возможности для реализации процессуальных прав сторонами в ходе судебного разбирательства, актуализирует обращение к проблемам обеспечения судом соответствующими процессуальными средствами безошибочной уголовно-процессуальной деятельности: ведь результатом должно стать постановление законного, обоснованного и справедливого решения. Акцентирование внимания суда на обеспечении равноправия сторон на всех этапах состязательного судебного разбирательства должно позитивным образом отражаться на эффективности достижения задач данной стадии и минимизировать судебные ошибки.

Теоретические основы. Методы. Исследование осуществлено с использованием классических доктринальных основ и современных теоретических разработок категории «состязательность» в уголовном судопроизводстве. В процессе работы были применены базовые общенаучные и частнонаучные методы научного познания, такие как: диалектический, исторический, систематический, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод процессуального моделирования и другие, пригодные для исследования такого этапа уголовного судопроизводства, как судебное разбирательство.

Результаты исследования. С опорой на базовые концепты состязательности в современном российском уголовном судопроизводстве охарактеризованы основные элементы современной состязательной модели судебного разбирательства в уголовном процессе. На основе анализа действующего уголовно-про-

цессуального законодательства и судебной практики выделены и проанализированы основные этапы обеспечения судом требований состязательности и равноправия сторон в судебном разбирательстве, нуждающихся в повышенном внимании субъектов судебной деятельности, с целью укрепления уровня защиты прав и законных интересов сторон, отстаиваемых ими в условиях состязательного судебного разбирательства. Обобщенно состязательная модель судебного разбирательства определена как форма уголовно-процессуальной деятельности суда и равноправных сторон, реализуемая посредством использования процессуальных средств, пригодных для организации состязательности равноправных и равносильных сторон относительно спора о виновности подсудимого.

Обсуждение и заключение. Стадия судебного разбирательства в современном уголовном судопроизводстве из всех стадий уголовного процесса наиболее полно отвечает признакам состязательной модели организации уголовно-процессуальной деятельности. В состязательном судебном разбирательстве сосредоточены максимальные гарантии реализации прав участников уголовного судопроизводства, подкрепляемые обеспеченными судом условиями для полноценного процессуального состязания равноправных сторон. Обеспечение судом гарантированных уголовно-процессуальных прав сторон, реализуемых в форме состязательности, осуществляется на всех этапах судебного разбирательства с использованием соответствующих процессуальных средств. Повышение эффективности участия сторон в судебном следствии возможно за счет конкретизации в законе права председательствующего на вынесение уведомления о необходимости предоставления дополнительных материалов.

Ключевые слова: суд, уголовное судопроизводство, принцип состязательности, обеспечение равноправия сторон, судебное разбирательство

Для цитирования: Бородинова Т. Г. Состязательная модель судебного разбирательства уголовных дел: содержание, обеспечение, реализация // 2025. Т. 7, № 1. С. 159–177. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.159-177.

Original article

Adversarial Model of Criminal Proceedings: Content, Provision, Implementation

Tatyana G. Borodinova

North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Levedev, Krasnodar, Russian Federation
tgborodinova@yandex.ru

Abstract

Introduction. Improving the effectiveness of criminal procedural activities within the framework of the modern adversarial model of criminal proceedings is the main direction in the administration of justice in criminal cases. The key role assigned to the court in the process of organizing and conducting the trial of criminal cases, due to its obligation to create equal conditions and opportunities for the exercise of procedural rights by the parties during the trial, actualizes the appeal to the problems of providing

the court with appropriate procedural means of error-free criminal procedural activity, the result of which should be the decision of a lawful, reasonable and fair decision. The court's focus on ensuring the equality of the parties at all stages of the adversarial trial should have a positive impact on the effectiveness of achieving the objectives of this stage and minimize judicial errors.

Theoretical Basis. Methods. The research was carried out on the basis of the use of classical doctrinal foundations and modern theoretical developments of the category of "competitiveness" in criminal proceedings. In the course of the work, basic general scientific and private scientific methods of scientific cognition were applied, such as: dialectical, historical, systematic, formal legal, comparative legal, method of procedural modeling and others suitable for the study of such a stage of criminal proceedings as a trial.

Results. Based on the basic concepts of competitiveness in modern Russian criminal proceedings, the main elements of the modern adversarial model of judicial proceedings in criminal proceedings are characterized. Based on the analysis of the current criminal procedure legislation and judicial practice, the main stages of ensuring by the court the requirements of competitiveness and equality of the parties in court proceedings, which need increased attention of subjects of judicial activity in order to strengthen the level of protection of the rights and legitimate interests of the parties defended by them in an adversarial trial, are identified and analyzed. Generally, the adversarial model of judicial proceedings is defined as a form of criminal procedural activity of the court and equal parties, implemented through the use of procedural means suitable for organizing the competition of equal and equivalent parties regarding a dispute about the guilt of the defendant.

Discussion and Conclusion. The stage of judicial proceedings in modern criminal proceedings, of all the stages of the criminal process, most fully corresponds to the features of the adversarial model of the organization of criminal procedural activity.

In an adversarial trial, maximum guarantees of the realization of the rights of participants in criminal proceedings are concentrated, supported by conditions provided by the court for a full-fledged procedural competition of equal parties. The provision by the court of guaranteed criminal procedural rights of the parties, implemented in the form of adversarial proceedings, takes place at all stages of the trial using appropriate procedural means.

Increasing the effectiveness of the parties' participation in the judicial investigation is possible by specifying in the law the right of the chairman to issue a notification of the need to provide additional materials.

Keywords: court, criminal proceedings, principles of adversarial proceedings, ensuring equality of the parties, judicial proceedings

For citation: Borodinova, T. G. Adversarial model of criminal proceedings: content, provision, implementation. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):159-177. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.159-177.

Введение

Вопросы реализации состязательной модели уголовного судопроизводства относятся к числу активно разрабатываемых со времени включения конституционного принципа состязательности сторон в качестве формообразующего начала в содержание Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, однако интерес к ним не ослабевает ни на уровне современных доктринальных исследований, ни на уровне правоприменительной

практики. Конечно же, это внимание обусловлено не столько избранной законодателем формой судопроизводства, сколько ее содержательным наполнением и практической реализацией с точки зрения эффективности достижения назначения уголовного судопроизводства. И в этом направлении выявлено немало дискуссионных моментов. В частности, в процессуальной науке остаются спорными вопросы о реализации принципа состязательности и равноправия сторон в различных стадиях судопроизводства, о степени активности суда в судебном следствии и др. Неразрешенной остается «проблема предоставления сторонам достаточных и сбалансированных прав и обеспечение им на практике реальных возможностей для отстаивания своей позиции перед судом» [1, с. 2126].

Остается без однозначного ответа и собственно сам вопрос о том, является ли состязательная модель организации уголовного судопроизводства наиболее оптимальной для достижения его назначения. Тем не менее именно эта модель избрана законодателем в качестве основы формообразования современного уголовного судопроизводства, и именно она в настоящее время, как признано в процессуальной науке, «...играет также роль эталона, своего рода политического критерия демократичности, цивилизованности и справедливости судопроизводства» [2, с. 18].

В череде многочисленных доктринальных рассуждений о месте состязательности в уголовном процессе сформировано преобладающее мнение о ее полноценной реализации в стадии судебного разбирательства [3, с. 45; 4, с. 68; 5, с. 301–302]. Это однозначно находит свое подтверждение и в плоскости современного уголовно-процессуального законодательства.

Однако теоретические положения о полномерном воплощении требований состязательности и равноправия сторон в судебном разбирательстве и созданные на нормативном уровне условия для этого обретают свою ценность и значимость только в случае их успешной практической реализации. Ведь, как показывает анализ современной судебной практики, нередко встречаются ошибки в обеспечении судом принципа состязательности и равноправия сторон, что подтверждает актуальность обращения к вопросу о необходимости усиления внимания судов к их обязанности создавать условия и обеспечивать ход судебного разбирательства в форме состязательности при равных процессуальных правах сторон.

Теоретические основы. Методы

Доктринальные основы состязательной модели судебного разбирательства находятся в области учения о типах (формах) уголовного процесса, которое на протяжении многих десятилетий развивается в отечественной процессуальной науке. В результате исследований учеными был сделан единодушный вывод о невозможности существования «чистой» модели уголовного судопроизводства, будь она заявлена как состязательная либо как розыскная, ибо уголовный процесс неизбежно воплощает в себе обе модели [2, с. 14; 6, с. 61; 7, с. 129].

На выбор модели судопроизводства определяющее влияние оказывают имеющиеся в государстве правовые и социальные интересы. Данное утверждение относится и к центральной стадии современного российско-

го уголовного процесса – судебному разбирательству, выстраиваемому по состязательной модели. Поэтому, говоря о «состязательной модели судебного разбирательства», мы не имеем в виду «рафинированную» теоретическую конструкцию, а рассматриваем самодостаточную процессуальную модель, реализуемую в нынешних условиях развития уголовного судопроизводства.

Современное содержание состязательной модели судебного разбирательства не сформировалось экспромтом. Анализ правовых исторических памятников позволяет заключить, что в различной степени «состязательность» всегда была присуща отечественному уголовному процессу. Ее признаки усматривают уже в «Русской Правде», где основная роль в состязании перед судом отводилась отстаивающим свои интересы сторонам [8, с. 98]. Свое развитие и нормативное закрепление «состязательность» нашла и в содержании ст. 639 Судебных уставов 1864 г., наделившей стороны в судебном состязании равными правами и одинаковыми возможностями¹.

Советское уголовно-процессуальное законодательство, несмотря на отсутствие легального закрепления принципа состязательности, все же содержало нормы, устанавливающие состязательность судебного разбирательства [9, с. 151].

В своем эволюционном пути состязательность достигает полного признания в качестве самостоятельного процессуального принципа на рубеже XX–XXI вв., когда состоялось ее «фактическое возвращение в законодательство, науку и уголовную практику» [10, с. 227].

Анализ современных исследований, посвященных категории «состязательность», свидетельствует о ее научной весомости и высокой практической значимости. В то же время многочисленные работы разного масштаба и характера до настоящего времени не привели к однозначному пониманию сущности и роли «состязательности» в уголовно-процессуальном праве, под которой предлагается понимать и принцип, и форму (модель) и метод судопроизводства [11; 12; 13; 14].

Например, С. В. Бурмагин считает, что «состязательность в уголовном судопроизводстве выступает в двух качествах: как системообразующая модель построения уголовных производств и как метод судебного познания фактических обстоятельств дела и юридических оснований его разрешения» [3, с. 45].

Согласно другому мнению, «состязательность как юридическое понятие представляет собой свойство, которое характеризует как уголовное судопроизводство в целом, так и отдельные его стадии...» [15, с. 188].

Встречаются и столь категоричные суждения, с которыми нельзя согласиться: «...современный уголовный процесс в РФ не признает принципа состязательности в целом и не обеспечивает его реализации при движении уголовного дела» [16, с. 65].

¹ Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Изданные Государственной канцелярией. СПб., 1897. Т. 1 // Библиотека репринтных изданий. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2024).

Если вспомнить «историческую судьбу» и современные обоснованные теоретические взгляды на «состязательность» подавляющего большинства ученых, то можно уверенно признать, что принцип состязательности и равенства сторон стал «...един для любого вида процесса и во всех его видах состязательность неизбежно обеспечивает объективность, справедливость и достижение материальной истины» [17, с. 7].

Результаты исследования

Принцип состязательности и равноправия сторон не может в равной мере реализоваться на всех стадиях уголовного судопроизводства. Стоит признать, что «...только в суде, где отношения между противоборствующими сторонами обвинения и защиты имеют одноуровневый характер, они равноправны и действуют на основе состязательности» [18, с. 43].

Именно в стадии судебного разбирательства на основе четкого разграничения процессуальных функций суд занимает позицию нейтралитета в обеспечиваемом им процессе «состязания» сторон, а стороны имеют равный арсенал процессуальных средств и возможностей. Фактически в судебном разбирательстве присутствуют все базовые компоненты состязательной модели, отраженные законодателем в ст. 15 УПК РФ. Иными словами, уголовно-процессуальный закон четко прописал состязательную модель судопроизводства, которая воплощается в полной мере только в стадии судебного разбирательства. При этом, конечно же, не исключаются определенные трансформации «идеальной состязательной модели», поскольку в любой реальной процессуальной системе права она, как отмечалось, неизбежно изменяется под влиянием социально-правовых традиций, общественных интересов, процессуально-технических возможностей.

Обзорный сравнительно-правовой анализ зарубежного процессуального законодательства показывает практически во всех современных процессуально-правовых системах мира наличие элементов состязательной модели судебного разбирательства, конечно же, обладающих своей спецификой.

Например, в индийском уголовном судопроизводстве судебное разбирательство выстроено на основе состязательности, однако она, «...основанная на британской модели (формальной/унаследованной), полна технических деталей и процедур, что делает систему по-прежнему чуждой большинству индийцев (чья правовая культура в большей степени является местной)» [19, р. 229].

В китайской системе судопроизводства наблюдается синтез инквизиционной и смешанной моделей уголовного судопроизводства, при этом сторона защиты встраивается в правоотношения не по классическому «треугольнику» состязательности: «суд – сторона обвинения – сторона защиты», а вступает в противоборство с так называемым «железным треугольником», представляемым «коалицией суда, обвинения и сотрудников полиции» [20].

В реализации российской состязательной модели уголовного судопроизводства также имеются некоторые шероховатости. Так, по мнению некоторых ученых, и после признания состязательности и равноправия сторон

процессуальным принципом суд «...все еще выступает в качестве покровителя одной из сторон, чаще всего стороны обвинения» [21, с. 120]. В судебной практике это может случиться, но полагаем, что это проблема отдельных судебных правоприменителей, уклоняющихся от общей, проводимой законодателем и Конституционным Судом Российской Федерации линии на строгое соблюдение и обеспечение принципа состязательности и равноправия сторон в уголовно-процессуальной деятельности, при осуществлении которой «возложение на суд обязанности в той или иной форме выполнять функцию обвинения препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия»².

Прямая обязанность суда обеспечивать в ходе судебного разбирательства состязательность и равноправие сторон для отстаивания их прав и законных интересов установлена ст. 15, 243 и 244 УПК РФ. Из этих же законодательных положений усматриваются основные правила построения состязательной модели судебного разбирательства, выполнение которых позволит наполнить ее надлежащим содержанием:

1) участники судебного разбирательства должны действовать строго в границах отведенных им уголовно-процессуальных функций;

2) стороны должны быть наделены и обеспечены равными процессуальными правами по отношению к суду;

3) стороны должны иметь фактические возможности и способности в равной мере отстаивать свои позиции в судебном разбирательстве;

4) суд в процессе состязательности сторон должен руководить этим процессом и оказывать содействие сторонам в собирании доказательств.

Состязательная модель судебного разбирательства, как и любая поведенческая модель, оживает только благодаря действиям участников уголовного процесса. Эффективность ее реализации напрямую зависит от активной деятельности сторон, несомненно имеющей «соревновательный характер... в процессе судопроизводства» [14, с. 14].

В то же время эта деятельность не представляет собой исключительно «противоборство» двух сторон в присутствии пассивного созерцателя – суда. «Состязательная модель судопроизводства базируется на признании наличия у субъектов общественных отношений разноплановых, зачастую противоположных интересов, которые неизбежно проявляются в каждом воплотившемся в юридическое дело правовом конфликте...» [3, с. 45].

Данная уголовно-процессуальная деятельность являет собой трехстороннее, в определенном смысле «вынужденное» взаимодействие независимого суда и сторон, отстаивающих в процессе спора свои противоположные интересы, где руководящая роль, несомненно, отводится суду. В данной процессуальной конструкции «принцип состязательности и равноправия

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.

сторон в его организационном аспекте уравнивает процессуальное значение функций обвинения и защиты по отношению к функции разрешения дела и функционально выделяет, делает исключительным положение суда» [1, с. 2123].

Исключительное положение суда в состязательном судебном разбирательстве, подчеркиваемое доктриной и процессуальным законом, бесспорно и очевидно. Наряду с этим нельзя обойти стороной существование некоторых «острых углов» в вопросе практического обеспечения судом состязательности и равноправия сторон.

Один из таких вопросов касается «активности» суда в состязательном судебном разбирательстве, точнее – в части судебного следствия. В науке уголовного процесса по этому поводу высказана точка зрения о том, что наличие у суда активных полномочий в судебном следствии вступает в конфликт с требованием беспристрастности суда по отношению к противоборствующим сторонам [22, с. 200]. Большинство же ученых придерживаются мнения о том, что судебное разбирательство, выстраиваемое по состязательной модели, не исключает определенной процессуальной активности суда. В частности, по мнению М. К. Свиридова, «...суд должен проявлять активность, но она должна быть ограниченной... усилия суда следует направлять не на самостоятельное собирание им недостающих доказательств, а на воздействие на стороны с тем, чтобы они в полном объеме выполнили требуемое от них – предоставить суду все необходимые доказательства...» [23, с. 106].

Схожую позицию занимают О. В. Качалова и М. В. Беляев, которые предлагают наделить суд правом «...осуществлять активные действия, в том числе сопряженные с собиранием доказательств, подтверждающих либо опровергающих доказательства, представленные сторонами, если того требуют интересы правосудия» [24, с. 59].

С учетом этого подхода важно установление верного баланса «активной» позиции суда и положения сторон. Активность суда должна проявляться в строго определенных пределах, обусловленных функцией правосудия. Если «активность» суда не вторгается в рамки процессуальных отношений сторон, не препятствует их развитию, более того, нацелена на сохранение их позитивно-нормативной формы, то такая «активность» суда полностью оправдывает свою уместность.

При этом со стороны суда должно исключаться любое принуждение сторон к использованию определенных процессуальных средств и способов отстаивания своих позиций, равно как и сам суд не вправе самостоятельно применять эти средства в интересах той или иной стороны.

Вместе с тем суд не может полагаться только на активность сторон в процессе: их функциональная направленность, собственные, обусловленные личными интересами цели в уголовном процессе не совпадают с целью правосудия. Поэтому суд параллельно с деятельностью сторон самостоятельно проводит линию на достижение своей цели, используя предоставляемый сторонами доказательственный материал в интересах разрешения дела и постановления законного, обоснованного и справедливого решения. При выявлении нарушений закона в ходе судебного разбирательства суд

обязан принять соответствующие меры к их устранению, вне зависимости от позиций сторон в этом случае.

Вторым важным моментом в уяснении сущности и способов реализации состязательной модели судебного разбирательства является обеспечение равноправия сторон. В науке уголовного процесса равноправие сторон связывается прежде всего с «равными возможностями» сторон в процессе отстаивания своих позиций. Так, по мнению Л. А. Воскобитовой, «равноправие сторон в состязательном процессе – это наличие у каждой из них равно достаточных возможностей по отстаиванию перед судом своих позиций, по защите своих или представляемых прав и законных интересов» [1, с. 2128].

Профессор Г. И. Загорский утверждает следующее: «Положение закона о равенстве сторон в судебном разбирательстве предполагает их процессуальное равноправие, которое выражается в одинаковых возможностях реализовать свои права, равные по объему и процедуре их использования»³.

Соглашаясь с приведенными суждениями, предложим следующую обобщенную формулу равноправия сторон в состязательном судебном разбирательстве: это нормативно определенная и обеспеченная судом равная по количеству и силе воздействия совокупность процессуальных средств, предоставляемых законом равным по способностям и возможностям их реализации сторонам.

Переходя к проблеме обеспечения судом состязательной модели судебного разбирательства, обратимся к содержанию ст. 244 УПК РФ, которое, по мнению Г. И. Загорского, включает следующие процессуальные позиции равноправия сторон: а) равные права сторон по заявлению отводов суду, переводчику, эксперту, специалисту и другим; б) равные права сторон на заявление различных ходатайств (в том числе повторные); в) одинаковые права сторон по предоставлению ими доказательств в ходе проведения судебного разбирательства; г) равные процессуальные возможности сторон по участию в исследовании доказательств; д) равные права на участие в прениях сторон с соблюдением требований их выслушивания; е) одинаковые возможности предоставления суду письменных формулировок по вопросам, подлежащим разрешению в приговоре; ж) равенство сторон при рассмотрении иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства⁴.

Сгруппировав данные позиции в более укрупненные, можно выделить следующие *основные этапы обеспечения судом требований состязательности и равноправия сторон*.

Обеспечивающей состязательность сторон в судебном разбирательстве деятельности суда предшествует имеющий место в стадии подготовки судебного разбирательства этап, связанный с обязанностью суда выяснить

³ Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учеб.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. с. 40.

⁴ См. там же. С. 54–56.

вопрос о том, имелась ли у подсудимого возможность подготовиться к защите от обвинения в судебном разбирательстве после ознакомления с обвинительным заключением или обвинительным актом. Именно «обвинение» рождает необходимость защиты от него. Без обвинения, собственно предмета спора и движущего начала в противоборстве сторон, априори не может состояться «состязание» сторон. Отчасти этим обусловлено существование в УПК РФ п. 2 ч. 1 ст. 228, обязывающего суд прежде всего выяснить вопрос о своевременности вручения итоговых обвинительных актов стадии предварительного расследования.

Как известно, первым звеном в системе гарантий реализации права является определенный этап доведения до сведения лиц информации о наличии у них этого права. В уголовном судопроизводстве это осуществляется посредством такого процессуального действия, как «разъяснение прав».

В структуре судебного разбирательства это действие занимает первоначальное место. Верховный Суд Российской Федерации указывает: «Судам следует иметь в виду, что в соответствии с положениями части 1 статьи 11 и части 2 статьи 243 УПК РФ председательствующий в подготовительной части судебного заседания разъясняет всем участникам судебного разбирательства права, обязанности и порядок их осуществления»⁵. Ранее в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации судам предписано: «...при рассмотрении уголовного дела по существу судом первой инстанции разъяснению подсудимому подлежат не только права, указанные в ч. 4 ст. 47 УПК РФ, но и другие его права в судебном разбирательстве, в том числе право ходатайствовать об участии в прениях сторон наряду с защитником (ч. 2 ст. 292 УПК РФ)»⁶.

Несмотря на неоднократное заострение на этом вопросе внимания Верховного Суда Российской Федерации, судами первой инстанции все же допускаются нарушения процессуального законодательства относительно данной рекомендации.

Например, «Судебной коллегией по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по итогам рассмотрения жалобы на приговор Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края от 2 апреля 2018 года и апелляционного определения Краснодарского краевого суда от 4 июля 2018 года было установлено, что в суде первой инстанции подсудимому Б. председательствующим были разъяснены лишь права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ и ст. 51 Конституции РФ. Другие права, включая право подсудимого ходатай-

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». Доступ из справочной правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.03.2024).

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2024).

ствовать об участии в прениях сторон наряду с защитником, предусмотренные ч. 2 ст. 292 УПК РФ, подсудимому Б. разъяснены не были. В прениях сторон слово подсудимому Б. не предоставлялось, несмотря на отсутствие данных о том, что он отказался от участия в этом этапе судопроизводства»⁷.

Вторым этапом (условно называемым «равенство рук») обеспечения состязательности и равноправия сторон является обеспечение непосредственного участия в судебном разбирательстве сторон.

Принцип состязательности не лишается своих достоинств только в случае, если обе стороны являются равносильными противниками, наделенными равными процессуальными возможностями. В прикладном аспекте это означает наличие равных противников в смысле способности на профессиональном уровне вести «спор» с обеих сторон.

В идеале стороне обвинения, представленной государственным обвинителем – профессиональным юристом, имеющим немалый опыт процессуальной работы, должна противопоставляться сторона защиты, «усиленная» профессиональным защитником – адвокатом. Полное отсутствие адвоката-защитника, замена его без согласия иным защитником, несогласованность позиции защитника с подзащитным – все это существенные нарушения принципа состязательности и равноправия сторон.

Невозможно рассматривать судебное разбирательство как истинно состязательное при отсутствии одного из важных элементов состязательности – равновесного процессуального противоборства, обеспечиваемого профессиональным защитником. Его участие следует признавать обязательным на всех стадиях уголовного процесса, где возникает необходимость отстаивать интересы подзащитного посредством состязания со стороной обвинения, включающей в свой состав профессионального представителя органа уголовного преследования.

Тем не менее в судебной практике есть вопиющие случаи, когда судебное разбирательство проводится в отсутствие не только защитника, но и самого подсудимого.

Например, «Судебная коллегия Третьего кассационного суда общей юрисдикции, рассмотрев уголовное дело по жалобе осужденного Г. на приговор Северодвинского городского суда Астраханской области от 1 октября 2019 года и апелляционное постановление Астраханского областного суда от 9 декабря 2019 года... установила, что уголовное дело в отношении Г. было рассмотрено судом в соответствии с требованиями гл. 40 УПК РФ. При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке по апелляционной жалобе Г. судебная коллегия рассмотрела уголовное дело с участием прокурора, без осужденного и защитника»⁸.

⁷ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31 августа 2020 г. № 77-1241/2020. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2024).

⁸ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2021 г. по делу № 77-855/2021. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2024).

Этим же судом был выявлен аналогичный негативный случай оставления подсудимого без помощи защитника в судебном разбирательстве, проведенном в апелляционной инстанции⁹.

В целях обеспечения права на равные процессуальные права и возможности их реализации недопустимо, чтобы суд оставлял без внимания случаи, когда защитник, ранее участвовавший в процессе, по каким-либо обстоятельствам отстраняется от участия в деле. В таких обстоятельствах суд должен принять необходимые меры к назначению другого защитника, чтобы не допустить нарушения прав подсудимого на квалифицированную юридическую помощь, необходимую в условиях состязания сторон. Однако такие нарушения, к сожалению, в судебной практике встречаются.

Так, «Четвертым кассационным судом общей юрисдикции был отменен приговор мирового судьи судебного участка №... и апелляционное постановление районного суда относительно этого приговора в связи с тем, что суд первой инстанции, рассмотрев ходатайство подсудимого, удовлетворил его в части отказа от защитника Н., освободил защитника от участия в судебном заседании, при этом другого защитника не назначил и не принял мер к обеспечению права подсудимого пользоваться помощью защитника. Решение суда в части принятия отказа от защитника суд не мотивировал. За нарушение порядка в судебном заседании и неподчинение распоряжениям председательствующего суд удалил подсудимого из зала судебного заседания до прения сторон. В отсутствие представителей стороны защиты, в частности подсудимого и его защитника, который не был назначен судом, в судебном заседании была допрошена потерпевшая, после допроса которой судебное следствие было окончено. Таким образом, будучи удаленным из зала суда, осужденный, не обеспеченный защитником, не мог реализовать свое право на защиту, поскольку ни он, ни его защитник в судебном заседании... участия не принимали»¹⁰.

Говорить о каком-либо «состязании сторон» в данном случае не приходится...

Третий, пожалуй, самый объемный этап, требующий повышенного внимания к обеспечению судом равных процессуальных возможностей для реализации сторонами их прав в состязательном судебном разбирательстве, охватывает деятельность сторон, реализуемую ими в ходе судебного следствия. Условно его можно назвать этапом предоставления «равного процессуального оружия». Заметим, что уравнивание процессуальных прав сторон, существующее на нормативном уровне, на практическом уровне обеспечения полностью ложится на суд. И в этом отношении не действует

⁹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2022 г. по делу № 77-506/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁰ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 июля 2022 г. № 77-3042/2022. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2024).

равенство в количественном измерении, речь должна вестись о равенстве процессуальных возможностей сторон, отвечающих их функциональному предназначению в судебном разбирательстве.

Любое умаление процессуальных средств в арсенале одной из сторон в состязательном противоборстве заведомо ставит ее в невыигрышную позицию. Но считаем, что современным законодателем предусмотрен равный объем процессуальных прав и возможностей для сторон. Практическое же воплощение данных прав зависит уже от сторон, и «пассивность» с их стороны не означает, что такое право не было им предоставлено судом.

Основными процессуальными средствами реализации сторонами правомочий в судебном следствии являются различные ходатайства (глава 15 УПК РФ), которые подлежат обязательному разрешению судом. Перечень доступных сторонам ходатайств на этом этапе процесса законом строго не ограничен. Важными критериями в данном случае выступают относимость заявляемых ходатайств и требуемых процессуальных действий к существу конкретного уголовного дела и значимость их результата для обстоятельств этого дела. Все заявляемые сторонами перед судом ходатайства сразу после их заявления подлежат рассмотрению судом, по итогу которого выносится мотивированное решение.

В судебной практике встречаются ошибки, связанные с порядком разрешения ходатайств, с немотивированными отказами в их удовлетворении.

Так, «Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ был отменен приговор Волгоградского областного суда от 31 июля 2019 года в отношении Ч., К., Р., С. и С-ва в связи с непредоставлением подсудимому права участия в прениях сторон и непредоставлением подсудимым последнего слова... Как видно из протокола судебного заседания, на предложение председательствующего выступить с последним словом осужденный С. заявил, что по состоянию здоровья он не может выступать в судебных прениях. На это заявление суд ответил, что в материалах дела имеется справка фельдшера о возможности С. следовать этапом в суд без сопровождения медицинского работника... Однако эта справка не подтверждает возможности полноценного участия С. в судебном разбирательстве и несоответствие жалоб С. на болезненное состояние здоровья... Таким образом, суд не выяснил диагноз и состояние здоровья С. на время рассмотрения дела в суде. При таких обстоятельствах доводы С. о том, что по состоянию здоровья он не мог 31 июля 2019 г. участвовать в судебных прениях, ничем не опровергнуты. На предложение председательствующего выступить с последним словом сразу же после выступлений сторон в судебных прениях подсудимые С-ов, К., Р., и Ч. заявили ходатайство об отложении судебного разбирательства для подготовки к последнему слову. Подсудимый С. заявил, что он не может выступать с последним словом по состоянию здоровья. Председательствующий расценил указанное выше ходатайство как отказ всех подсудимых от выступлений с последним словом, после чего удалился в совещательную комнату, по возвращении из которой провозгласил приговор.

Вместо того, чтобы в соответствии с положениями главы 15 и ст. 256 УПК РФ выяснить у подсудимых С-ова, К., Р., и Ч., сколько времени необходимо для подготовки к последнему слову, обсудить заявленное ходатайство с участниками судебного разбирательства и вынести по нему мотивированное постановление, председательствующий сделал категоричный вывод, идущий вразрез с заявленным ходатайством. Таким образом, в нарушение требований ч. 3 ст. 15 УПК РФ, председательствующий формально подошел к предоставлению подсудимому С. права выступить в судебных прениях и предоставлению подсудимым Ч., К., Р., С. права выступить с последним словом и не создал им необходимые условия для осуществления предоставленных им прав...»¹¹

О мере активности суда ранее упоминалось, но нельзя обойти вниманием и вопрос о «пассивности сторон» в ходе состязательного судебного разбирательства. В данном случае меньше проблем со стороной обвинения, включающей государственного обвинителя, который в силу своих прямых функциональных обязанностей, как правило, достаточно активно участвует в процессе судебного разбирательства. Сложнее обстоит дело со стороной защиты, не всегда включающей в свой состав защитника-профессионала либо включающей защитника с «пониженной активностью».

Полагаем, в этом случае можно поддержать мнение С. Ю. Пашкова, предложившего в качестве «катализатора» активности сторон в судебном следствии предоставить председательствующему в судебном заседании право на уведомление сторон о необходимости предоставления ими дополнительной информации в подтверждение или опровержение каких-либо обстоятельств, подлежащих доказыванию [25, с. 39].

Это мнение согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации, ориентирующей судей на их право «предложить сторонам представить дополнительные материалы... и оказать им содействие в истребовании таких материалов, а также принять иные меры, позволяющие вынести законное и обоснованное решение...»¹².

Нельзя сказать, что в практике председательствующие игнорируют эти рекомендации. В интересах законного разрешения дела суд зачастую в ходе судебного разбирательства пытается наводящими вопросами подвести сторону к заявлению необходимого ему для полноты «доказательственной картины» ходатайства и объявляет перерыв для предоставления информации, требуемой для разрешения дела. Все это фиксируется в протоколе судебного заседания, тем самым такие действия суда обретают

¹¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2019 г. № 16-АПУ 19-18СП. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»: Решения высших судов (дата обращения: 30.03.2024).

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». Доступ из справочной правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.03.2024).

процессуальную форму. Однако полагаем, что акцентирование внимания сторон на необходимость предоставления суду дополнительных материалов в отдельном процессуальном акте суда (уведомлении) существенно активизировало бы деятельность сторон в соответствующем направлении.

Обсуждение и заключение

Представление уголовного судопроизводства с позиции модели уголовно-процессуальной деятельности [26, с. 127] позволяет стадию судебного разбирательства рассматривать с точки зрения отдельной процессуальной модели. Выбор модели судебного разбирательства предопределен общей моделью уголовного судопроизводства, которая, в свою очередь, непосредственно связана с ее функциональной способностью наилучшим образом обеспечивать своевременное и эффективное достижение цели и задач уголовного процесса.

Современная модель судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве России отвечает состязательной модели организации уголовно-процессуальной деятельности, включающей в качестве основных элементов независимый суд и процессуально равноправные стороны, целенаправленно выполняющие исключительно свои, обозначенные законом процессуальные функции.

Состязательная модель судебного разбирательства уголовных дел может быть представлена в виде определенного порядка взаимоотношений (системы определенных правоотношений), складывающихся и развивающихся между основными участниками судопроизводства, выстраиваемых на основе присущих состязательному типу уголовного судопроизводства принципов (равенство процессуальных прав, непосредственность, устность и др.).

Не являясь самоцелью, состязательность как форма организации и проведения уголовно-процессуального спора наполняется содержанием в виде противоборствующей деятельности в равной мере наделенных процессуальными возможностями сторон обвинения и защиты, направленной на отстаивание своих интересов перед независимым судом, который в результате «трехсторонней» уголовно-процессуальной деятельности постановляет свое беспристрастное решение.

Уголовно-процессуальная деятельность суда по обеспечению требований принципа состязательности и равноправия сторон представляет собой системную работу, включающую следующие этапы: этап разъяснения прав; этап обеспечения участия равносильных сторон; этап обеспечения реализации сторонами равных процессуальных возможностей во всех частях судебного разбирательства.

Главным критерием, которому должна отвечать предлагаемая законом процессуальная модель судебного разбирательства, является ее соответствие назначению уголовного судопроизводства, равно как и запросам и возможностям правоприменительной практики. По сути, не важно, является ли «...правило состязательным или инквизиционным, главное, чтобы оно помогало судам в выполнении их задач и соответствовало стандартам справедливого судебного разбирательства» [27, р. 33].

Список источников

1. Воскобитова Л. А. Состязательность и истина: взаимоисключение или взаимодействие // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2119–2129.
2. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб. : Альфа, 2000. 224 с.
3. Бурмагин С. В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля // Lex russica. 2020. Т. 73, № 2. С. 44–62.
4. Давлетов А. А. Состязательность в современном уголовном процессе России // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2 (26). С. 65–68.
5. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы состязательности в российском уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2016. № 3. С. 292–302.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. 607 с.
7. Титов П. М. О принципе состязательности в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 128–134.
8. Сухорукова Ю. В. Состязательность как элемент формирования древнерусского права // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 96–99.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 470 с.
10. Петракова С. А. Эволюция состязательности (на примере уголовного процесса) // Вестник Волжского университета имени Татищева. Юридические науки. 2019. № 3, т. 1. С. 222–228.
11. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб. : Альфа, 2001. 320 с.
12. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 219 с.
13. Мукасеева С. А. Принцип состязательности в юридической практике : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. 190 с.
14. Алиев Р. А. Концепция состязательности и равноправия сторон как конституционный принцип судопроизводства в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 3. С. 14–15. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10132.
15. Рябинина У. С., Черникова Е. А. Проблемы принципа состязательности в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 187–189.
16. Халимов Д. С.-А., Мальцагов И. Д. Диалектика развития состязательного уголовного судопроизводства // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2019. № 1 (22) С. 63–66.

17. Мамонтов А. Г. О состязательной природе права // Теоретико-правовые и культурно-исторические проблемы взаимосвязи органов внутренних дел и гражданского общества : сб. ст. / отв. ред. А. Г. Мамонтов, А. Ю. Гарашко. М. : Граница, 2016. С. 5–16. ISBN: 978-5-94691-861-9.
18. Бородинова Т. Г., Демидов И. Ф. Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 35–43.
19. Paranjape N. V. *Studies in jurisprudence and legal theory*. Allahabad : Central Law Agency, 2023. 615 p. ISBN-10: 9789392140204.
20. Daum J. Tortuous progress: early cases under China's new procedures for excluding evidence in criminal cases // *New York University journal of international law & politics*. 2011. No. 43. P. 699–712.
21. Побегайло Э. Ф. Специальные принципы уголовного судопроизводства // *Публичное и частное право*. Вып. II (XVIII). М. : Изд-во МПСУ, 2013. С. 114–126.
22. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2019. 238 с. ISBN: 978-5-91768-442-0.
23. Свиридов М. К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–106.
24. Качалова О. В., Беляев М. В. К вопросу об активности суда в состязательном уголовном судопроизводстве // *Уголовная юстиция*. 2018. № 11. С. 57–60.
25. Пашков С. Ю. Роль председательствующего в обеспечении всесторонности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела // *Уголовный процесс*. 2009. № 10 (58). С. 36–39.
26. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Программа уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2009. 208 с. ISBN: 978-5-93295-498-0.
27. Ambos K. International criminal procedure: “adversarial”, “inquisitorial” or mixed? // *International criminal law review*. 2003. Vol. 3. P. 1–37.

References

1. Voskobitova, L. A. Competitiveness and truth: mutual exclusion or interaction. *Actual Problems of Russian Law*. 2014;(10):2119-2129. (In Russ.)
2. Smirnov, A. V. *[Models of the criminal process]*. St. Petersburg: Al'fa; 2000. 224 p. (In Russ.)
3. Burmagin, S. V. Metamorphoses of adversarial criminal proceedings in cases of judicial control. *Lex Russica*. 2020;73(2):44-62. (In Russ.)
4. Davletov, A. A. Competitiveness in the modern criminal process of Russia. *Business, Management and Law*. 2012;(2):65-68. (In Russ.)

5. Stelmakh, V. Yu. Some problems of competition in the Russian criminal process. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2016;(3):292-302. (In Russ.)
6. Foynitsky, I. Ya. *Course of criminal proceedings*. Vol. 1. Ed. A. V. Smirnov. St. Petersburg: Al'fa; 1996. 607 p. (In Russ.)
7. Titov, P. M. On the adversarial principle in criminal proceedings. *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):128-134. (In Russ.)
8. Sukhorukova, Yu. V. Competitiveness as element of formation of the old Russian right. *Gaps in Russian Legislation*. 2015;(1):96-99. (In Russ.)
9. Strogovich, M. S. *[Course of the Soviet criminal process]*. Vol. 1: [Basic principles of the science of the Soviet criminal process]. Moscow: Nauka; 1968. 470 p. (In Russ.)
10. Petrakova, S. A. Evolution of the adversarial principle (on the example of civil procedural law). *[Bulletin of the Tatishchev Volga State University. Legal Sciences]*. 2019;(3-1):222-228. (In Russ.)
11. Smirnov, A. V. *[The adversarial process]*. St. Petersburg: Al'fa; 2001. 320 p.
12. Shestakova, S. D. *[Adversarial nature of the criminal process]*. St. Petersburg: Yuridicheskij Tsentr Press; 2001. 219 p. (In Russ.)
13. Mukaseeva, S. A. *[The principle of competition in legal practice]*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yaroslavl; 2006. 190 p. (In Russ.)
14. Aliyev, R. A. [The concept of competitiveness and equality of the parties as a constitutional principle of judicial proceedings in the Russian Federation]. *Law and Legislation*. 2020;(3):14-15. (In Russ.) DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10132.
15. Ryabinina, U. S., Chernikova, E. A. Problems adversarial principle in criminal procedure. *Gaps in Russian Legislation*. 2016;(7):187-189. (In Russ.)
16. Khalimov, D. S.-A., Maltsagov, I. D. Dialectics of the development of adversarial criminal proceedings. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series Law*. 2019;(1):63-66. (In Russ.)
17. Mamontov, A. G. [On the adversarial nature of law]. In: A. G. Mamontov, A. Yu. Garashko, eds. *[Theoretical-legal and cultural-historical problems of interrelation of internal affairs bodies and civil society]*. Collection of arts. Moscow: Granitsa; 2016. Pp. 5–16. (In Russ.) ISBN: 978-5-94691-861-9.
18. Borodinova, T. G., Demidov, I. F. Charge and defense: problem of equal possibilities. *Journal of Russian Law*. 2005;(2):35-43. (In Russ.)
19. Paranjape, N. V. *Studies in jurisprudence and legal theory*. Allahabad: Central Law Agency; 2023. 615 p. ISBN-10: 9789392140204.
20. Daum, J. Tortuous progress: early cases under China's new procedures for excluding evidence in criminal cases. *New York University Journal of International Law & Politics*. 2011;(43):699-712.

21. Pobegailo, E. F. [Special principles of criminal proceedings]. *[Public and Private Law]*. Moscow: Publishing House of Moscow University of Psychology and Social Sciences; 2013. Issue II (XVIII). Pp. 114–126. (In Russ.)
22. Shejfer, S. A. *[Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]*. Moscow: Norma; 2019. 238 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-442-0.
23. Sviridov, M. K. The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Tomsk State University Journal of Law*. 2013;(2):101-106. (In Russ.)
24. Kachalova, O. V., Belyaev, M. V. On the activity of the court in adversarial criminal proceedings. *Russian Journal of Criminal Law*. 2018;(11):57-60. (In Russ.)
25. Pashkov, S. Yu. [The role of the chairman in ensuring the comprehensiveness and completeness of the investigation of the circumstances of the criminal case]. *Ugolovnyj protsess = [Criminal Process]*. 2009;(10);36-39. (In Russ.)
26. Davletov, A. A., Azarenok, N. V. *[Program of criminal proceedings]*. Moscow: Yurlitinform; 2009. 208 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93295-498-0.
27. Ambos, K. International criminal procedure: “adversarial”, “inquisitorial” or mixed? *International Criminal Law Review*. 2003;(3):1-37.

Информация об авторе / Information about the author

Бородинова Татьяна Геннадьевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 350020, Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234).

Tatyana G. Borodina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Criminal Procedure Law Department, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (234 Krasnykh Partizan St., Krasnodar, 350020, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 22.01.2025.

Научная статья

УДК 341.4

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.178-192

Амнистия в международном уголовном праве

Екатерина Николаевна Рахманова

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
ekaterina.rachmanova@gmail.com

Аннотация

Введение. В последние десятилетия в научном сообществе все чаще высказывается мнение, что амнистии не могут применяться в отношении тяжких международных преступлений. Однако этот вопрос остается спорным, поскольку практически ни один международный правовой акт, включая международные конвенции, Статут Международного уголовного суда и др., прямо не запрещает применение амнистий. Государствами же амнистии по-прежнему применяются для прекращения конфликтов и облегчения перехода от войны к миру, а также для решения внутренних проблем. Амнистии допускаются некоторыми международными уголовными судами и международными организациями.

Теоретические основы. Методы. В ходе исследования изучены труды российских и зарубежных специалистов в области отечественного и международного уголовного права, посвященные проблемам применения амнистии. Исследование основывалось на общенаучных методах и методах юридической науки, что позволило сформулировать в работе некоторые общие выводы.

Результаты исследования. В работе всесторонне проанализированы международные акты, судебная практика, а также рассмотрены аргументы как в пользу существования общего запрета амнистий, так и обосновывающие их применение ради достижения мира и прекращения конфликтов.

Обсуждение и заключение. Несмотря на то что многие международные и правозащитные организации выступают за запрет амнистии за международные преступления, этот запрет не носит императивного характера. Обязательства государств в области прав человека также не являются абсолютными. При этом международным сообществом под сомнение ставится не столько амнистия как таковая, сколько практика применения этого института. Делается вывод, что решение о принятии амнистии должно приниматься государством при условии соблюдения им основных прав человека.

Ключевые слова: амнистия, договоры, конвенции, международные организации, международные преступления, судебная практика

Для цитирования: Рахманова Е. Н. Амнистия в международном уголовном праве // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 1. С. 178–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.178-192.

Original article

Amnesty in International Criminal Law

Ekaterina N. Rakhmanova

*North-West Branch, Russian State University of Justice
named after V. M. Levedev, St. Petersburg, Russian Federation
ekaterina.rachmanova@gmail.com*

Abstract

Introduction. In recent decades, the international community has increasingly expressed the view that amnesties should not be applied to the most serious international crimes. However, this issue remains controversial, since practically no international legal treaty directly prohibits the use of amnesties. As an example, we may mention the basic international human rights conventions both universal and regional, and the Statute of the International Criminal Court, etc. At the same time amnesties are still used by states with the hope of ending conflicts and facilitate the transition from war to peace, as well as to solve internal problems. Amnesties are allowed by some international criminal courts and international organizations.

Theoretical Basis. Methods. In the following study the author has examined the works of Russian and foreign experts in the field of domestic and international criminal law, dedicated to the challenges of applying amnesty. The research was based on general scientific methods and special methods of legal science that made it possible to formulate some general conclusions in the work.

Results. The work comprehensively analyzes international regulations, judicial practice, and thoroughly examines the arguments in favor of the existence of a general ban on amnesties. The ideas and perspectives of their use in order to achieve peace and end military conflicts are also explored in full.

Discussion and Conclusion. Despite the fact that many international and human rights organizations advocate a ban on amnesty for international crimes, this ban is not an imperative that states are obliged to follow. States' human rights obligations are also not absolute. At the same time, the international community questions not so much amnesty as such, but the practice of using this institution. It is concluded that the decision to accept an amnesty as an instrument of social conflict resolution should remain within the state power, provided that it respects fundamental human rights.

Keywords: amnesty, treaties, conventions, international organizations, international crimes, judicial practice

For citation: Rakhmanova, E. N. Amnesty in international criminal law. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(1):178-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.1.178-192.

Введение

Институт амнистии давно известен уголовному праву. Государства веками использовали ее для прекращения конфликтов и облегчения перехода от войны к миру, а также для решения внутренних проблем [1, с. 21]. Но в последние десятилетия применение амнистии за международные преступления порождает споры. Все больше международных и региональных судебных и правозащитных организаций и учреждений, включая ООН¹, а также некоторых ученых-международников полагают, что амнистии должны быть запрещены, поскольку они противоречат международному публичному праву, налагающему обязанность на государства, прежде всего на постконфликтные, привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении военных преступлений, преступлений против человечности и геноциде [2; 3].

Так, Верховный комиссар по правам человека утверждает: «Принципиальная позиция ООН заключается в том, что амнистия не должна распространяться на лиц, подозреваемых в совершении преступлений против человечности и военных преступлений»².

Другие, напротив, считают, что она помогает обеспечить переход к мирному урегулированию конфликта и что в каждом конкретном случае следует проводить различия между видами амнистий в зависимости от контекста ее принятия и ее содержания [4; 5; 6], имея в виду так называемые «законы о самоамнистии», принятые государством во избежание юридических последствий своих действий, и амнистии, согласованные сторонами конфликта.

Выражены и промежуточные позиции. Например, Генеральный секретарь ООН, с одной стороны, предлагает ее не применять³, но, с другой, признает, что данный вопрос является очень сложным и неоднозначным и что амнистия может оказаться полезным инструментом в ситуации, когда иным способом примирить конфликтующие стороны невозможно, в то время как она может способствовать разоружению, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов⁴.

Таким образом, амнистия в международном уголовном праве является дискуссионным институтом. Но если в отечественном уголовном праве амнистия – хорошо изученное правовое понятие, то в международном праве нормативное определение амнистии до сих пор не сформулировано [7, р. 126]. Чаще всего амнистия трактуется как «акт законодательной власти,

¹ Обновленный свод принципов защиты и поощрения прав человека путем борьбы с безнаказанностью. Доклад независимого эксперта Д. Орендличер Комиссии ООН по правам человека. Документ ООН. E/CN.4/2005/102/Add.1.

² Амнистии по военным преступлениям и преступлениям против человечности в Сирии не будет. URL: <https://news.un.org/ru/story/2016/02/1279291>.

³ Верховенство закона и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах. Доклад Генерального секретаря ООН, 23 августа 2004 г. Документ ООН S/2004/616, параграф 64 (с).

⁴ Доклад Генерального секретаря ООН от 29 ноября 2022 г. «Разоружение, демобилизация и реинтеграция». A/77/610. URL: <https://www.unndr.org/wp-content/uploads/2023/01/2222946R.pdf>.

который устраняет последствия определенных наказуемых правонарушений, прекращает судебное преследование и отменяет наказание»⁵.

Теоретические основы. Методы

Теоретической основой работы послужили труды российских и зарубежных специалистов в области отечественного и международного уголовного права. Исследование основывалось на таких общенаучных методах, как сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция, и методах юридической науки (сравнительно-правовой, исторический, систематического толкования правовых норм), что позволило сформулировать в работе некоторые общие выводы.

Результаты исследования

На протяжении многих столетий государства применяли и применяют амнистии ради достижения мира и окончания вооруженных конфликтов. Этот процесс наблюдается и в настоящее время.

Так, в Московском соглашении по Таджикистану 1996 г., являющемся частью Генерального соглашения об установлении мира и национально-го согласия в Таджикистане 1997 г.⁶, говорилось о необходимости осуществить всеобщую амнистию [8]. Среди государств, относительно недавно применивших амнистию, можно назвать Эфиопию (2018 г.⁷), Никарагуа (2019 г.⁸) и Сирию (2022 г.⁹).

Таким образом, амнистии на фоне широкого распространения так называемого «каскада правосудия» [9], проявляющегося в росте судебного рассмотрения дел, подпадающих под принципы универсальной юрисдикции, постоянно применяются «...и закрепляют свое место в качестве самого популярного механизма правосудия переходного периода, опережая судебные процессы, комиссии по установлению истины, политику возмещения ущерба и люстрации» [10].

Не случайно многие государства, подвергая сомнению абсолютный характер запрета на амнистию, отстаивают ее и рассматривают как необ-

⁵ Комментарий к Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. Международный Комитет Красного Креста. Geneva : Martinus Nijhoff Publishers, 1987. С. 133.

⁶ Соглашение между Президентом Республики Таджикистан и лидером Объединенной таджикской оппозиции, Москва, 23 декабря 1996 г., приложение к письму Постоянного представителя Российской Федерации при ООН от 24 декабря 1996 г. на имя Генерального секретаря ООН. Документ ООН. S/1996/1070, 27 декабря 1996 г., Приложение I.

⁷ Парламент Эфиопии принял закон об амнистии политзаключенных. URL: <https://ria.ru/20180720/1525021514.html>.

⁸ Парламент Никарагуа одобрил амнистию для вовлеченных в протесты. URL: <https://ria.ru/20190609/1555413469.html>.

⁹ Президент Сирии объявил амнистию для террористов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/04/2022/626d65a39a794769d165634e>.

ходимый инструмент для урегулирования внутренних конфликтов и достижения политических компромиссов, утверждая, что международное публичное право можно разумно истолковать как разрешающее государствам ее применять, по крайней мере иногда, не отрицая при этом необходимости защиты прав жертв конфликта и соблюдения норм международного права [11].

В результате каждый раз, когда во время работы над международными договорами обсуждается вопрос об амнистии, государства проявляют очевидное нежелание его решить [4, р. 33], хотя после Нюрнбергского и Токийского процессов был принят ряд международных договоров в отношении наиболее тяжких международных преступлений, налагающих определенные обязательства на ратифицировавшие их государства.

Так, Конвенция о предупреждении геноцида возложила обязанность на государства-участники «...предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида или других упомянутых в статье III преступлений»¹⁰.

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания запрещает оправдывать или смягчать ответственность за перечисленные в ней деяния¹¹, что трактуется учеными как предоставление государствам некоторой свободы в отношении того, как они должны выполнять свои обязательства [12, р. 2604].

Статья 11 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений тоже накладывает на государства-участники ряд обязательств, в частности необходимость установить в национальном законодательстве уголовную ответственность за насильственные исчезновения и запрет на освобождение от нее лиц, совершивших указанные деяния¹².

Ни одна из вышеперечисленных конвенций, так же как и другие, прямо не запрещает, но и не разрешает амнистию. Они только ограничиваются требованиями предупреждения международных преступлений и привлечения компетентными органами виновных лиц к уголовной ответственности. Кроме того, они распространяются только на ратифицировавшие их государства.

Но, как указано выше, амнистия на протяжении многих столетий используется государствами для установления мира между бывшими врагами, для юридического обеспечения взаимного «забвения» преступлений ра-

¹⁰ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. Заключена 9 декабря 1948 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 66–71.

¹¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Заключена 10 декабря 1984 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 115–125.

¹² Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. Заключена в Нью-Йорке 20 декабря 2006 г. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

нее враждебными государствами по окончании между ними конфликта и для восстановления мирных отношений.

В связи с этим Женевские конвенции 1949 г.¹³, ратифицированные сегодня практически всеми или почти всеми странами мира, взявшими на себя «обязательство преследовать в судебном порядке или выдавать лиц, обвиняемых в серьезных нарушениях», перечисленных в них [13, р. 597], играют особую роль в международном уголовном праве [14]. В статье 6 (5) Дополнительного протокола II 1977 г. к Женевским конвенциям закреплено: «По прекращении военных действий органы, находящиеся у власти, стремятся предоставить как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим в вооруженном конфликте, и лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, были ли они интернированы или задержаны»¹⁴.

Но мнения относительно того, как следует интерпретировать ее, разделились. Д. Кассел, например, пишет, что данная норма распространяется только на комбатантов, участвовавших в боевых действиях с соблюдением законов войны, и согласно нормам гуманитарного права она не распространяется на лиц, совершивших тяжкие преступления [15, р. 218]. Национальные суды, применяя данную статью, толкуют ее как поддержку амнистии в отношении тяжких преступлений [4, р. 34; 16].

Интерпретация МККК подвергается специалистами критике за то, что, по их мнению, она входит в противоречие с содержанием статьи, в которой отсутствует указание на определенные виды преступлений, а также за ее несоответствие подготовительным материалам (*the travaux préparatoires*) ко второму Протоколу [2, р. 133; 4, р. 34].

Несмотря на то что положения статьи вызывают различные толкования, совершенно очевидно, что она отражает признание МККК амнистий в качестве одного из факторов, способствующих национальному примирению, а ее включение в Дополнительный протокол II лишь укрепило легитимность применения амнистий в качестве инструмента урегулирования вооруженных конфликтов¹⁵.

Не случайно спустя несколько лет в Комментариях к Белфастским руководящим принципам об амнистии и ответственности, разработанным экспертной группой ученых и практиков из разных регионов мира, указывается, что практически все правовые системы предусматривают возможность применения амнистии во время или после конфликта. Но при этом, по их мнению, очень важно, насколько это возможно, чтобы амни-

¹³ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М. : Международный Комитет Красного Креста, 2011. 302 с.

¹⁴ Дополнительный протокол II 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Подписан в Женеве 8 июня 1977 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 182–191.

¹⁵ Комментарий к Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. Международный Комитет Красного Креста. С. 134.

стии были разработаны так, чтобы дополнять механизмы, «обеспечивающие ответственность и правду»¹⁶.

Некоторые ученые, говоря о запрете амнистии, пытаются провести параллель между ней и отсутствием срока давности, утверждая, что запрет на применение сроков давности к международным преступлениям фактически запрещает амнистию [2, р. 123]. На наш взгляд, эта аргументация ошибочна, поскольку амнистия и срок давности – два разных уголовно-правовых понятия и действуют они по-разному: установленные законом сроки давности не отменяют уголовную ответственность, они лишь ограничивают срок, в течение которого лица, совершившие те или иные преступления, могут быть привлечены к ответственности, в то время как цель амнистий совершенно иная [17].

А значит, запрет на срок давности за определенные преступления невозможно приравнять к запрету на амнистию. Не случайно во время обсуждения Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества¹⁷ у государств была возможность запретить ее, так же как и срок давности, но они этого не сделали [16].

При обсуждении проблемы признания или непризнания амнистии иногда утверждается, что недопустимость отступлений от основных прав человека тоже исключает амнистию. Но полагаем, что подобные рассуждения ошибочны, поскольку основным правам человека соответствует не абсолютная и/или не допускающая ограничений обязанность преследовать нарушения (вплоть до наложения вето на амнистию), а обязанность государств воздерживаться от нарушений этих прав¹⁸, которая при любых обстоятельствах не коррелирует с амнистией и никоим образом не вытекает из нее.

Амнистии неоднократно рассматривались международными судами [18, р. 305]. Причем даже если в уставе суда ничего не говорится об амнистии, о его позиции можно судить по прецедентной практике.

Так, в деле Анто Фурундзии (Furundzija), который являлся командиром подразделения боснийских хорватских сил и обвинялся в совершении военных преступлений, включая пытки, Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) указал, что амнистии неприменимы к тяжким нарушениям международного гуманитарного права, обосновав свою позицию тем, что запрет на пытки является нормой jus cogens и амнистии, освобождающие от ответ-

¹⁶ The Belfast Guidelines on Amnesty and Accountability // Transitional Justice Institute, University of Ulster. 2013. 80 p.

¹⁷ Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Заключена в Нью-Йорке 26 ноября 1968 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVI. М., 1973. С. 118–121.

¹⁸ Пункт 6 Замечаний общего порядка № 31 [80]. Характер общего юридическое обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, 26 мая 2004 г. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom31.html>.

ственности за пытки, противоречат данной императивной норме¹⁹. Но с этим мнением Суда далеко не все согласны, считая, что императивный характер нормы не влечет автоматическую отмену или запрет амнистии [19, р. 456].

Свое отношение к амнистии высказал и Межамериканский суд по правам человека в деле «Барриос Альтос против Перу» (Barrios Altos Case, 2001). Он признал: «Все положения об амнистии, положения о давности и установлении мер, направленных на устранение ответственности, являются недопустимыми, как предназначенные для предотвращения расследования и наказания лиц, ответственных за серьезные нарушения прав человека, такие как пытки, внесудебное разбирательство или произвольные казни и насильственные исчезновения, – все они запрещены, поскольку нарушают не допускающие отступлений права, признанные международным правом прав человека»²⁰. В последующих решениях Суда запрет на амнистию был подтвержден и расширен [20].

Иначе сложилась ситуация в Сьерра-Леоне [21], где в 1999 г. в целях установления мира в стране было принято «Ломейское соглашение»²¹. Оно включало в том числе спорное положение об амнистии, распространяющейся на всех участников вооруженного конфликта. Во время подписания соглашения Специальный представитель Генерального секретаря ООН высказался против амнистии, как и некоторые представители правозащитных организаций. В то же время многие страны признали, что амнистия является единственно возможным способом положить конец военным столкновениям [22]. В результате 20 августа 1999 г. Совет Безопасности ООН принял компромиссную резолюцию, в п. 10 которой подчеркивалась необходимость содействия в Сьерра-Леоне миру и национальному примирению²².

Несмотря на Ломейское соглашение, насилие в стране продолжалось, что побудило президента Сьерра-Леоне обратиться в ООН с просьбой о помощи в создании международного уголовного суда. В результате резолюцией 1315 Совета Безопасности ООН был учрежден Специальный суд²³, Устав которого содержит ст. 10 «Амнистия»²⁴.

¹⁹ Prosecutor v. Anto Furundija (Judgement) ICTY-IT-95-17/1-T (10 December 1998). Para. 155. URL: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/icty/1998/en/20418>.

²⁰ Barrios Altos Case, Judgment of May 14, 2001, Inter-Am Ct. H.R. (Ser. C) No. 75 (2001). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/iachr/C/75-ing.html>.

²¹ Lomé Agreement 1999. URL: http://peaceaccords.nd.edu/wp-content/accords/The_Lome_Peace_Agreement-_1999_0.pdf.

²² Резолюция 1260 (1999), принятая Советом Безопасности ООН на 4035-м заседании 20 августа 1999 г. Документ S/RES/1260 (1999). URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n99/241/27/pdf>.

²³ Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне // Московский журнал международного права. 2004. № 1. С. 282–292.

²⁴ Устав Специального суда по Сьерра-Леоне // Московский журнал международного права. 2004. № 1. С. 293–305.

Спустя несколько лет Специальный суд Сьерра-Леоне вернулся к этому вопросу в деле «Прокурор против Морриса Каллона и Бримы Баззи Камары (2004 г.)».

Обвиняемые утверждали, что, поскольку Ломейское соглашение предоставило им безоговорочную амнистию за все деяния, совершенные до 1999 г., Суд не вправе привлекать их к ответственности. Но Апелляционная палата постановила, что в соответствии с международным правом амнистия, предусмотренная Ломейским соглашением, «неэффективна» и что преступления, совершенные обвиняемыми, посягая на императивные нормы международного права, порождали обязательства erga omnes для всех государств [по отношению ко всем уголовным юрисдикциям] [23, с. 20–21; 21, с. 145–148].

Чрезвычайная палата судов Камбоджи поддержала МТБЮ и Специальный суд Сьерра-Леоне²⁵.

В Статуте и в Правилах процедур и доказывания Международного уголовного суда²⁶ (МУС), как и в названных выше международных документах, амнистия не упоминается. Но согласно ст. 17 (2) (а) МУС может объявить дело приемлемым, если «национальное решение было вынесено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию настоящего Суда» [24, р. 248–249; 25, р. 3].

В 2011 году МУС внес свой вклад в дебаты об амнистии в деле Каддафи [26].

27 июня 2011 г. МУС выдал ордер на арест Саифа Аль-Ислама Каддафи, сына и преемника Муаммара Каддафи, по обвинению его в преступлениях против человечности, совершенных с целью насильственного подавления гражданских демонстраций против режима Каддафи в феврале 2011 г. В июне 2018 г. он подал протест, утверждая, что был освобожден из тюрьмы в соответствии с ливийским законом об амнистии²⁷.

Но Палата предварительного производства отказала ему, указав, что Закон Ливии 6/2015 «О всеобщей амнистии» (Law 6/2015 on General Amnesty) был нарушен, поскольку ст. 3 Закона не распространяется на убийства, похищения, насильственные исчезновения и пытки²⁸.

В свою очередь, Большая Палата Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в деле «Маргуш против Хорватии (2014 г.)» о предоставлении

²⁵ ECCC, Case of Prosecutor vs. Noun Chea, Ieng Sary, Ieng Thirith, and Khieu Samphan, Preliminary Objections, 3 November 2011. Para. 53–55. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/de4a03/pdf/>.

²⁶ Римский статут Международного уголовного суда. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Правила и процедуры доказывания МУС. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/icc/2002/ru/136088>.

²⁷ Prosecutor v. Saif Al-Islam Gaddafi (admissibility challenge) ICC-01/11-01/11 (5 June 2018). URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2019_01904.PDF.

²⁸ Ibid. Para. 56–59.

хорватскими властями амнистии военному служащему, обвиняемому в военных преступлениях и убийствах гражданских лиц, по-иному определила пределы допустимости амнистий.

Палата отметила, что хотя в международном праве существует «растущая тенденция» отвергать амнистии за серьезные международные преступления, но возможны некоторые исключения. В частности, Суд допускает возможность амнистий в контексте программ национального примирения, направленных на восстановление гражданского мира и социальной сплоченности в постконфликтном обществе; амнистии могут быть оправданы, если сопровождаются адекватными формами возмещения ущерба и восстановления прав жертв преступлений и не используются государствами для освобождения от ответственности за умышленные убийства и другие серьезные преступления²⁹.

Позиция ЕСПЧ сравнительно недавно была подтверждена в деле «Макучян и Минасян против Азербайджана и Венгрии (2020)»³⁰.

Африканский суд по правам человека и народов также обратился к данному вопросу и признал: «Закон об амнистии совместим с правами человека только в том случае, если это сопровождается восстановительными мерами в интересах жертв»³¹. Тем самым в отличие от ЕСПЧ Африканский суд основной акцент сделал на необходимость обеспечения жертвам доступа к правосудию.

Таким образом, ЕСПЧ занял более гибкую позицию по сравнению с МТБЮ, МУС и Межамериканским судом, допуская возможность ограниченного применения амнистий при соблюдении определенных условий, связанных с процессами национального примирения и обеспечением справедливости для жертв преступлений.

Именно так поступила Колумбия, которая в 2016 г. приняла Закон об амнистии, сыгравший ключевую роль в достижении мира в стране после многолетнего вооруженного конфликта между правительством и ФАРК, которая, будучи одной из крупнейших марксистских партизанских группировок, согласилась на мирное урегулирование только при условии амнистии³². Вместе с тем этот Закон исключает амнистию за преступления против человечности и грубые нарушения прав человека. Для того чтобы воспользоваться амнистией, преступники должны признать свои преступления и сотрудничать с правоохранительными органами.

²⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 мая 2014 г. «Дело «Маргуш против Хорватии»» (жалоба № 44545/10) (Большая Палата) (п. 139) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9.

³⁰ Case of Makuchyan and Minasyan v. Azerbaijan and Hungary. Application no. 17247/13. 26 May 2020. Para. 160. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng>.

³¹ Case of Sébastien Germain Marie Aikoué Ajavon vs. Republic of Benin, Merits and Reparations, Application 062/2019, 4 December 2020. Para. 234–238.

³² Базы данных по гуманитарному праву. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v2/rule159?country=co#sectiona>.

Таким образом, пример Колумбии показывает, что законы об амнистии и доступ к правосудию не всегда являются несовместимыми понятиями. Чтобы они были совместимы, закон не может быть «самоамнистией», он должен исключать определенные преступления и соответствовать Основным принципам ООН о праве жертв на правовую защиту и возмещение ущерба.

Обсуждение и заключение

Амнистия за тяжкие международные преступления имеет как свои плюсы, так и минусы. С одной стороны, амнистию можно рассматривать как способ достижения мира, необходимый компромисс для предотвращения политической нестабильности в государстве и прекращения дальнейших человеческих жертв. С другой стороны, амнистия сталкивается с серьезными моральными проблемами, ставя под сомнение возможность прощения участников конфликтов.

Решение данной проблемы осложняется тем, что, хотя международные договоры налагают определенные обязательства на государства-участники, это не означает, что амнистии не могут считаться недействительными, поскольку они не отменяют право государств осуществлять свою юрисдикцию в силу принципа универсальности.

Более того, в настоящее время отсутствует международный договор, который прямо запрещает государству применять амнистию к тяжким международным преступлениям. Но ничто не мешает национальному, гибриднему или международному суду реализовать свое право принимать решения в рамках своей юрисдикции, в том числе признавать амнистию или нет.

Список источников

1. Кохман Д. В. Амнистии в целях восстановления мира // Теория государства и права. 2017. № 1. С. 21–27.
2. Close J. Amnesty, serious crimes, and international law: global perspectives in theory and practice. Abingdon, Oxon ; New York : Routledge, 2019. 316 p. ISBN: 9780367728540.
3. Roht-Arriaza N. State responsibility to investigate and prosecute grave human rights violations in international law // California Law Review. 1990. Vol. 78. P. 451–513.
4. Freeman M. Necessary evils: amnesties and the search for justice. Cambridge University Press, 2009. 376 p. ISBN: 10-0521895251.
5. Mallinder L. Amnesty, human rights and political transitions: bridging the peace and justice divide. Hart Publishing, 2008. 598 p. ISBN: 1841137715.
6. Schabas W. Unimaginable atrocities: justice: politics and rights at the war crimes tribunals. Oxford : Oxford University Press, 2012. 240 p.
7. Fijalkowski A. Amnesty // An introduction to transitional justice / ed. O. Simic. London : Routledge, 2020. P. 123–148. ISBN: 9781003021414.

8. Раджабов С. А. Применение амнистии в ходе вооруженных конфликтов (опыт Афганистана и Таджикистана) // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 70–73.
9. Sikkink K. *The justice cascade: how human rights prosecutions are changing world politics*. New York : W. W. Norton & Co, 2011. 342 p. ISBN: 0393919366, 9780393919363.
10. Jeffery R. *Amnesties, accountability and human rights*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014. 312 p. ISBN: 9780812245899.
11. Roht-Arriaza N., Gibson L. *The developing jurisprudence on amnesty* // *Human Rights Quarterly*. 1998. Vol. 20. P. 843–885.
12. Orentlicher D. F. *Settling accounts: the duty to prosecute human rights violations of a prior regime* // *Yale Law Journal*. 1991. Vol. 100. P. 2537–2615.
13. Naqviv Y. *Amnesty for war crimes: defining the limits of international recognition* // *International Review of the Red Cross*. 2003. Vol. 85. P. 583–625.
14. Павлова Л. В. Роль статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. в прогрессивном развитии международного гуманитарного права // *Журнал международного права и международных отношений*. 2010. № 4. С. 3–7.
15. Cassel D. *Lessons from the Americas: guidelines for international response to amnesties to atrocities* // *Law Contemporary Problems*. 1996. Vol. 59, no. 4. P. 197–230.
16. Lenta P. *Amnesties, transitional justice and the rule of law* // *Hague Journal on the Rule of Law*. 2023. No. 15. P. 441–469. DOI: 10.1007/s40803-023-00199-9.
17. Boed R. *The effect of a domestic amnesty on the ability of foreign states to prosecute alleged perpetrators of serious human rights violations* // *Cornell International Law Journal*. 2000. Vol. 33, no. 2. P. 297–329.
18. Jacobs D. *Puzzling over amnesties: defragmenting the debate for international criminal tribunals* // *The diversification and fragmentation of international criminal law* / eds. L. van den Herik, C. Stahn. Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 305–346. ISBN: 9789004214590.
19. O’Keefe R. *International criminal law*. Oxford University Press, 2015. 678 p.
20. Binder Ch. *The Prohibition of amnesties by the Inter-American Court of Human Rights* // *German Law Journal*. 2011. Vol. 12, no. 5. P. 1203–1229.
21. Майзенберг С. М. Законность амнистий с точки зрения международного гуманитарного права. Решение Специального суда по Сьерра-Леоне относительно амнистий, предоставленных на основании Ломейского мирного соглашения // *Международный журнал Красного Креста*. 2004. Т. 86, № 856. С. 141–159.

22. Akinrinade B. International humanitarian law, and the conflict in Sierra Leone // *The Notre Dame Journal of Law, Ethics and Public Policy*. 2012. Vol. 15, issue 2. P. 439–440.
23. Гамурарь В. Судебная практика международных трибуналов и ее роль в процессе унификации норм, применяемых к вооруженным конфликтам международного и немеждународного характера // *Revista Studii Juridice Universitare*. 2014, Nr. I-2. P. 11–25.
24. Allan K. Prosecution and peace: a role for amnesty before the ICC // *Denver Journal of International Law & Policy*. 2011. Vol. 39, no. 2. P. 239–301.
25. Kayitana E. Transitional justice: reconciling domestic amnesty with the universal jurisdiction of foreign states // *Nnamdi Azikiwe University Journal of International Law and Jurisprudence*. 2017. Vol. 8, no. 1. P. 1–11. URL: <https://www.ajol.info/index.php/nauijlj/issue/view/15834>.
26. Трикоз Е. Решение Палаты предварительного производства I Международного уголовного суда «О ходатайстве Прокурора на основании статьи 58 Статута в отношении Муаммара Мохаммеда Абу Миньяра Каддафи, Сейфа аль-Ислама Каддафи и Абдуллы аль-Сенусси» от 27 июня 2011 года // *Международное правосудие*. 2012. № 1 (2). С. 34–44.

References

1. Kokhman, D. V. [Amnesties for the purposes of restoring peace]. *Teoriya gosudarstva i prava = [Theory of State and Law]*. 2017;(1):21-27 (In Russ.)
2. Close, J. *Amnesty, serious crimes, and international law: global perspectives in theory and practice*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge; 2019. 316 p. ISBN: 9780367728540.
3. Roht-Arriaza, N. State responsibility to investigate and prosecute grave human rights violations in international law. *California Law Review*. 1990;(78):451-513.
4. Freeman, M. *Necessary evils: amnesties and the search for justice*. Cambridge University Press; 2009. 376 p. ISBN: 10-0521895251.
5. Mallinder, L. *Amnesty, human rights and political transitions: bridging the peace and justice divide*. Hart Publishing; 2008. 586 p. ISBN: 1841137715.
6. Schabas, W. *Unimaginable atrocities: justice: politics and rights at the war crimes tribunals*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 240 p.
7. Fijalkowski, A. Amnesty. In: O. Simic, ed. *An introduction to transitional justice*. London: Routledge; 2020. Pp. 123–148. ISBN: 9781003021414.
8. Radzhabov, S. A. [Application of amnesty during armed conflicts (Experience of Afghanistan and Tajikistan)]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal = [Eurasian Law Journal]*. 2021;(7):70-73 (In Russ.)
9. Sikkink, K. *The justice cascade: How human rights prosecutions are changing world politics*. New York: W. W. Norton & Co; 2011. 342 p. ISBN: 0393919366, 9780393919363.

10. Jeffery, R. *Amnesties, accountability and human rights*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 2014. 312 p. ISBN: 9780812245899.
11. Roht-Arriaza, N., Gibson, L. The developing jurisprudence on amnesty. *Human Rights Quarterly*. 1998;(20):843-885.
12. Orentlicher, D. F. Settling accounts: the duty to prosecute human rights violations of a prior regime. *Yale Law Journal*. 1991;(100):2537-2615.
13. Naqviv, Y. Amnesty for war crimes: defining the limits of international recognition. *International Review of the Red Cross*. 2003;(85):583-625.
14. Pavlova, L. V. [The Role of Article 3 of the 1949 Geneva Convention in the progressive development of international humanitarian law]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenij* = [Journal of International Law and International Relations]. 2010;(4):3-7. (In Russ.)
15. Cassel, D. Lessons from the Americas: guidelines for international response to amnesties to atrocities. *Law Contemporary Problems*. 1996;59(4):197-230.
16. Lenta, P. Amnesties, transitional justice, and the rule of law. *Hague Journal on the Rule of Law*. 2023;(15):441-469. DOI: 10.1007/s40803-023-00199-9.
17. Boed, R. The effect of a domestic amnesty on the ability of foreign states to prosecute alleged perpetrators of serious human rights violations. *Cornell International Law Journal*. 2000;33(2):297-329.
18. Jacobs, D. Puzzling over amnesties: defragmenting the debate for international criminal tribunals. In: L. van den Herik, C. Stahn, eds. *The diversification and fragmentation of international criminal law*. Martinus Nijhoff Publishers; 2012. Pp. 305-346. ISBN: 9789004214590.
19. O'Keefe, R. *International criminal law*. Oxford University Press; 2015. 678 p.
20. Binder, Ch. The Prohibition of amnesties by the Inter-American Court of Human Rights. *German Law Journal*. 2011;12(5):1203-1229.
21. Maisenberg, S. M. [Legality of amnesties in international humanitarian law. The Lomé amnesty decision of the Special Court for Sierra Leone]. *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta* = [International Review of the Red Cross]. 2004;86(856):141-159. (In Russ.)
22. Akinrinade, B. International humanitarian law, and the conflict in Sierra Leone. *The Notre Dame Journal of Law, Ethics and Public Policy*. 2012;15(2):439-440.
23. Gamurar, V. The judicial practice of international tribunals and its role in the process of unification of the norms applicable to international and non-international armed conflicts. *Revista Studii Juridice Universitare*. 2014;(I-2):11-25. (In Russ.)
24. Allan, K. Prosecution and peace: a role for amnesty before the ICC. *Denver Journal of International Law & Policy*. 2011;39(2):239-301.

25. Kayitana, E. Transitional justice: reconciling domestic amnesty with the universal jurisdiction of foreign states. *Nnamdi Azikiwe University Journal of International Law and Jurisprudence*. 2017;8(1):1-11. URL: <https://www.ajol.info/index.php/naujilj/issue/view/15834>.
26. Trikoz, E. [Decision of the Pre-Trial Chamber of the First International Criminal Court “On the request of the prosecutor on the basis of Article 58 of the Statute in relation to Muammar Mohammed Abu Minyar Gaddafi, Seif al-Islam Gaddafi and Abdullah al-Senussi” dated June 27, 2011]. *Mezhdunarodnoe pravosudie = [International Justice]*. 2012;(1):34-44. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Рахманова Екатерина Николаевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

Ekaterina N. Rakhmanova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Criminal Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 22.06.2024; принята к публикации 22.01.2025.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 22.06.2024; accepted for publication 22.01.2025.